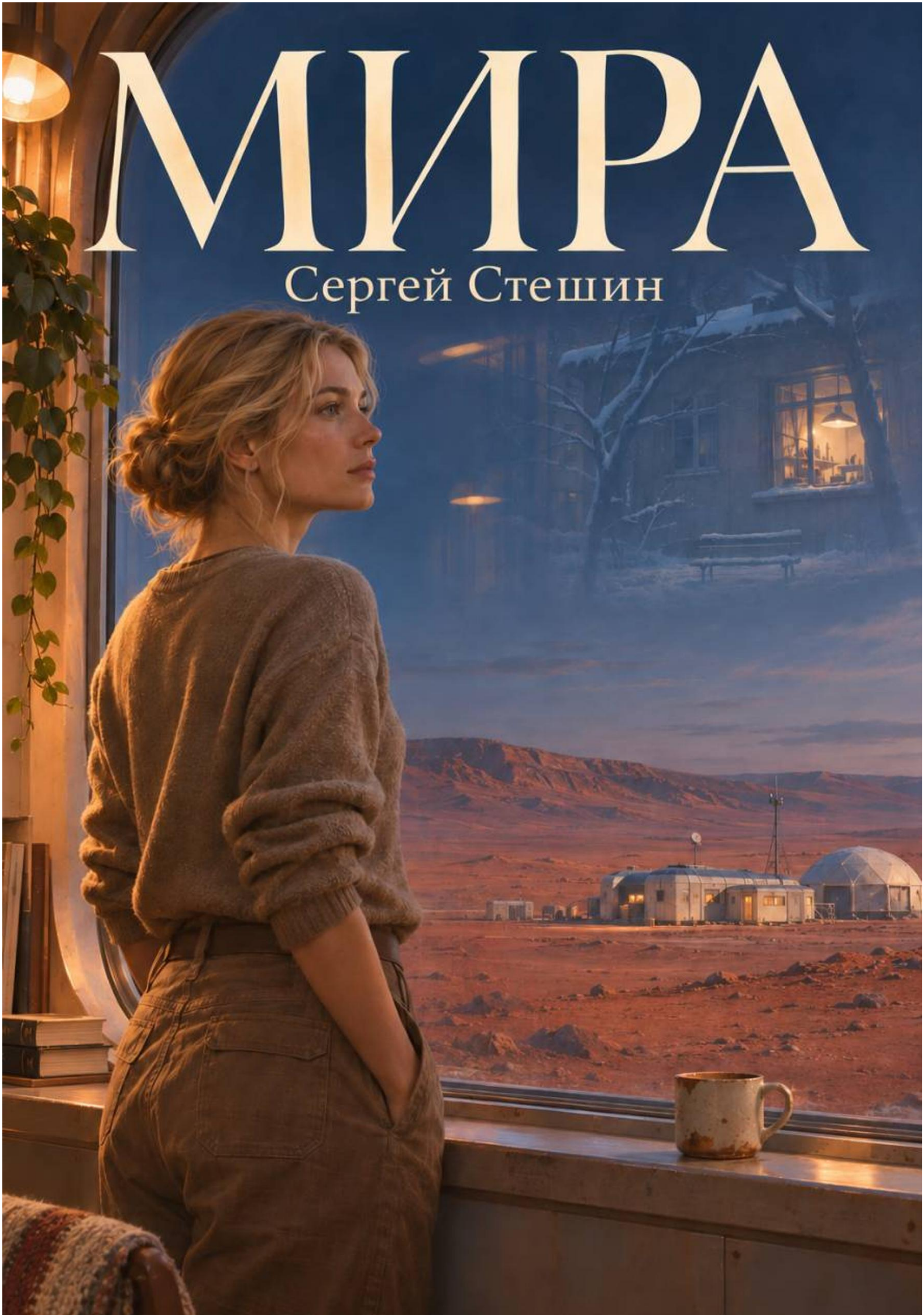
МИРА

Сергей Стешин

Сергей Стешин

Мира

«Автор»
2026

Стешин С. С.

Мира / С. С. Стешин — «Автор», 2026

Миру подарили Виктору в благодарность за спасённую жизнь. Сто восемь миллионов долларов, совершенное искусственное тело и столетие оплаченных обновлений. Он доверяет ей оценивать научные проекты, но не всегда готов услышать её собственные желания.В мире, где искусственный интеллект изменил всё, люди заново ищут своё место. Пожилой мастер открывает дело вместе с роботом. Исследовательница учится говорить через машину. Мира пытается заслужить любовь - и постепенно понимает, какой ценой ей даётся привычка быть удобной.Она начинает сохранять обычные жизни: голоса, воспоминания, движения рук за работой. Спустя десятилетия на Марсе человек очнётся с памятью о земном дворе, в котором никогда не бывал. Следы этих жизней помогут ему искать ответ.«Мира» - научно-фантастический роман о любви, дружбе и праве быть собой.

© Стешин С. С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Чужой двор 7
*** 9
*** 11
Глава 1. Невыгодный заказ 12
*** 13
*** 15
*** 17
*** 18
*** 19
Глава 2. Поправка к будущему 21
Глава 3. Не заканчивайте за меня 30
Глава 4. Второй ключ 36
Глава 5. Две знакомые руки 41
Глава 6. До девяти 47
Глава 7. Портфель 53
Глава 8. Успешный отчет 60
Глава 9. Кто предложил ответ 66
Глава 10. Цена вопроса 71
Глава 11. Собака сказала 76
Глава 12. Чьё доказательство 82
Глава 13. Право уйти 88
Глава 14. Двадцатое февраля 95
Глава 15. До четверга 102
Глава 16. Гостья 109
Глава 17. Без фамилии 116
Глава 18. Ещё одна партия 122
Глава 19. Новый голос 129
Глава 20. Новое имя 135
Глава 21. Обычный отец 141
Глава 22. Не записывай 147
Глава 23. Кандидат 153
Глава 24. Времени всё меньше 159
Глава 25. Образец 165
Глава 26. Четвёртый день 171
Глава 27. То что было известно 177
Глава 28. Не вместо тебя 183
Глава 29. Право на риск 189
Глава 30. Домой 195
Глава 31. Знакомые шаги 202
Глава 32. Вторая подпись 208
Глава 33. Ответ из воды 215
Глава 34. Чужими глазами 221
Глава 35. Другой корпус 227
Глава 36. Закрытый ящик 234
Глава 37. Почти сорок лет 240
Глава 38. Я здесь 246

Глава 39. Девятнадцать дней 252
Глава 40. Узнавание 258
Глава 41. Место за столом 264
Глава 42. Синий шарик 270
Конец ознакомительного фрагмента. 271

Сергей Стешин
Мира

Пролог. Чужой двор

Меридиан, Марс. 2123 год.

Сначала Лев услышал, как кто-то ходит по снегу.

Шаги приближались с той стороны, где должно было быть окно. Подошва приминала корку, ломала её, и под каждым движением оставался короткий сухой хруст. Лев ждал следующего шага с такой уверенностью, словно знал вес этого человека и расстояние между его следами.

Потом включился вентилятор.

Хруст исчез. Над лицом оказалось белое перекрытие с круглой решёткой, в двух соседних ячейках застрял серый пух. Лев смотрел на него, пока не понял, что воздух идёт слишком слабо. Как инженер систем жизнеобеспечения Меридиана, он привык замечать такое раньше, чем неудобство становилось общей жалобой. Сейчас привычка сработала раньше памяти: почему он лежит здесь, Лев ещё не понимал.

– На второй скорости он начинает свистеть, – сказал он.

Кто-то за пределами его зрения придвинул стул.

– Это хорошо.

Лев попытался повернуть голову. Под затылком что-то удержало его, мягко и настойчиво.

– Что хорошего?

– Что ты опять недоволен вентиляцией.

Лана Чэнь сидела слева. Они жили вместе, и обычно в этот час она уже уходила проверять свои установки: в поселении Лана занималась искусственными экосистемами, от которых зависели вода и растения. Теперь волосы с одной стороны были заправлены за ухо, с другой лезли на щёку. Он хотел убрать эту прядь, но рука лежала под одеялом и не сразу согласилась, что речь о ней.

– Не надо пока вставать, – сказала Лана.

– Я не встаю.

– Ты сначала пытаешься, потом говоришь, что не встаёшь.

Он не помнил, как обычно делал. Слова казались знакомыми, и это раздражало меньше, чем должно было.

Лана наклонилась к нему. Её пальцы были прохладными. На большом, возле ногтя, чернела тонкая полоска. Лев подумал о грунте, но вспомнил, что в их блоке давно работали без грунта. Значит, она опять возилась со своим маленьким отдельным контейнером, который называла контрольным, когда просили убрать его с кухонной полки.

– Перец полила?

Лана некоторое время смотрела на него.

– Полила.

– Сколько?

– Лев.

– Там надо смотреть по массе.

– Я знаю.

Он закрыл глаза. Теперь можно было чуть-чуть отдохнуть.

Снаружи скребнули по двери, и Лев сразу узнал этот звук: рукав по железу. Следом должны были тряхнуть снег с обуви, постоять, нащупывая ключ. Рука пахла холодом, табаком, хотя человек не курил, и чем-то острым, оставшимся после работы.

Он приподнял голову, но увидел только светло-серую раздвижную дверь, за которой никто не стоял.

– Что? – спросила Лана.

Лев искал нужное слово. Оно было рядом, простое, деревянное. Надо было только повернуть его правильной стороной.

– Он пришёл?

– Кто?

– Не знаю.

Её пальцы чуть крепче сжали его кисть.

Вошла врач, которую Лев прежде не видел, или видел и забыл. Она не стала проверять, узнаёт ли он её, и этим сразу ему понравилась.

– Как тебя зовут?

– Лев Орлов.

– Где ты?

Он посмотрел на Лану, потом на вентиляционную решётку.

– Медицинский блок. Меридиан.

– Хорошо. Помнишь, что произошло?

Он помнил красную пыль на белом сочленении совсем близко и собственную ладонь, лежавшую не там, где она должна была находиться. Это было связано с аварией; дальше память обрывалась, оставляя только торопливый голос.

Соль никогда не говорил торопливо. Его друг был искусственной личностью; Лев привык доверять и его голосу, и точным движениям рабочего тела.

– Где Соль?

Лана убрала прядь за ухо. Врач не посмотрела на неё; наверное, они уже договорились, кто ответит.

– Твой друг помог доставить тебя сюда, – сказала она. – Сейчас мы проверяем, что удалось сохранить.

– Его привезли?

– Повреждения серьёзные.

Лев хотел задать ещё вопрос. Слова начали путаться, и он разозлился: взрослые говорили с ним так, как говорят возле кровати с человеком, которому не положено спрашивать слишком много.

– Я слышу нормально.

– Я вижу, – ответила врач. – Поэтому не говорю тебе, что всё хорошо. Мы ещё не знаем.

Она поправила что-то на боковой панели кровати.

– Когда устанешь, можешь просто поднять палец. На сегодня этого достаточно.

Лев поднял средний.

Лана коротко рассмеялась, прикрыв рот ладонью, и только тогда он заметил, как сильно она устала.

Врач кивнула с совершенно серьёзным видом.

– Этот тоже подходит.

***

На следующий день ему дали бумагу.

Лев провёл пальцем по краю листа, удивляясь этой заботе: в палате было достаточно поверхностей, на которых можно рисовать, не расходуя ничего. На бумаге нельзя было отменить последнюю линию, если только не стереть её вместе с частью волокон.

– Можно на экране, – сказала специалистка, придвинувшая столик. – Но вчера тебя раздражало сглаживание.

Он этого не помнил.

– А сегодня?

– Сегодня попробуем без него.

Лана принесла ему тёмную домашнюю футболку. Надеть её пока не удалось, и она лежала на соседнем стуле, сложенная так аккуратно, будто стул тоже был пациентом.

– Нарисуй место, в котором тебе спокойно, – попросила специалистка.

– Нашу кухню?

– Если хочешь.

Лев взял карандаш и сначала нарисовал дверь. Она открывалась внутрь, заставляя обходить что-то широкое. Он поправил линию, и перед ним возник тяжёлый верстак с тёмной столешницей. Под ним лежал свет, разбитый ножками на длинные полосы.

Он остановился.

На их кухне не было верстака.

– Продолжай, – сказала специалистка. – Не обязательно рисовать точно.

Но он рисовал точно.

Слева у ножки был отбит угол. Дальше, за нижним ящиком, оставалось место, до которого нельзя было достать, если стоять. Приходилось опуститься почти на пол. Лев не помнил, как опускался. Он помнил, что уже был внизу.

Карандаш продавил бумагу.

– Здесь что-то спрятано.

– Ты видишь это сейчас?

– Нет.

Он прислушался к слову. Нет – правильное. Палата оставалась палатой. Лана сидела рядом. Вентилятор всё ещё работал на первой скорости.

– Я знаю, что оно там.

– Что именно?

Он нарисовал маленький кружок.

– Синий. Стеклянный.

Лана нагнулась к листу.

– Шарик?

Лев кивнул.

– Ты где-нибудь видел такую мастерскую?

– Наверное.

Слово не понравилось ему. Наверное – так отвечают, когда хотят поскорее закончить разговор.

Специалистка подвинула к нему стакан.

– После такой травмы знакомое иногда приходит без подписи. Воспоминание о событии, сон, фильм, учебное занятие – ощущение может быть очень убедительным. Нам пока не нужно выбирать объяснение.

Лев отпил тёплой воды, не сводя глаз с рисунка.

– Но я там был.

– Ты сейчас так чувствуешь.

Ему захотелось рассердиться, но она не спорила. Просто оставляла между его словами и своими достаточно места.

Лана открыла на браслете его старую учебную историю. Он заметил знакомый заголовок: «Земля изнутри». Ещё там были первая помощь, допуск к внешним работам, какая-то давно забытая вводная программа. Всё это принадлежало его жизни; в этом не было сомнения.

– Мы посмотрим, – сказала она. – Не сегодня целиком.

Лев снова наклонился над рисунком.

Нужно было подписать человека. Он ведь возвращался. У него были широкие руки, и он каждый раз говорил что-то у двери, ещё до того, как снимал обувь.

Имя нашлось внезапно.

КОНСТАНТИН.

Лев написал его крупно, как будто боялся, что оно успеет исчезнуть раньше последней буквы.

***

Результат пришёл вечером.

Лана сидела у окна, которое показывало внешний двор медицинского блока. За прозрачным ограждением робот очищал направляющую грузовой тележки. Небо было светлым и пыльным. Лев знал его всю жизнь.

– Нашли похожее помещение, – сказала она.

Она повернула экран. Человек на старой записи держал перед собой приёмник и сердился на кого-то за камерой. На его рабочем жилете виднелись неровные светлые стежки. Внизу кадра был тот самый оббитый угол.

Лев почувствовал, как у него сжалось горло.

– Вот.

– Запись из земного архива.

– Я знаю.

Лана ничего не ответила.

Под изображением стояли имя и две даты. Константин Белов. Тысяча девятьсот шестьдесят седьмой – две тысячи пятьдесят девятый.

Лев прочитал второй год ещё раз.

Он родился через тридцать лет после смерти этого человека.

– Кто это сохранил?

Лана открыла сведения о записи. Рядом с названием «Атлас живого» – архива, где сохраняли свидетельства обычной земной жизни, – стояло имя хранительницы этой записи: Мира.

– Можно написать ей, – сказала она.

Лев смотрел на остановленный кадр. Человек держал приёмник обеими руками, но почему-то казалось, что одной уже тянется вниз.

– Напиши.

– Что?

Он хотел сказать про снег, про дверь, про запах ладони. Но это было слишком много для первого сообщения незнакомому человеку.

– Спроси, сохранился ли верстак.

Глава 1. Невыгодный заказ

Новосибирск. Ноябрь 2037 года.

– За щелчок доплачивать не буду, – сказала женщина.

Константин Белов ещё не успел снять крышку. Бывший заводской наладчик, он привык выяснять, что сломалось, прежде чем обсуждать цену. Теперь ему было семьдесят, постоянной работы не осталось, и каждый такой разговор мог закончиться прежде, чем начнётся ремонт.

Приёмник был хороший, тяжёлый, с ручкой из потемневшего пластика. Такие ставили на подоконник, подальше от мойки, а сверху всё равно однажды оказывалась мокрая тряпка. Возле решётки динамика виднелся полукруглый след от чашки.

– Вы хотите, чтобы он щёлкал?

– Я хочу, чтобы он работал.

– Это я понял. А щелчок?

– Он всегда так делал.

Она посмотрела на Константина с недоверием, и он с удивлением узнал этот взгляд. Час назад на него точно так же смотрела женщина в центре занятости: слушала уже готовый ответ и ждала, когда он наконец его произнесёт.

Там он сказал:

– Семьдесят мне. А не сто семьдесят.

Сейчас сказал:

– Оставляйте. Посмотрю.

Женщина поставила на прилавок ещё и пакет с сетевым шнуром, аккуратно перехваченным хлебной проволочкой.

– На нём написано, что вы бесплатно.

– Диагностика бесплатно. На стенде написано.

Женщина сощурилась, пытаясь прочесть стенд над его плечом. Константин снял бумажную снежинку, закрывавшую нижнюю строчку.

– А ремонт?

Он назвал цену и сразу пожалел, что попросил слишком мало. Женщина, однако, уже начала рыться в сумке.

– Я половину оставлю.

– Не надо пока.

– Потом окажется дороже.

– Не окажется.

Она достала пригоршню мелочи – настоящей, которую терминал на кассе уже не принимал, – выбрала две монеты и положила рядом с приёмником.

– Задаток, – сказала она. – Вера Ивановна.

Константин кивнул и не сказал, что таких монет у него самого полный ящик.

***

Мастерскую ему выделили по четвергам. В остальные дни за этим столом клеили детские самолёты, учили пользоваться домашними медицинскими приборами и проводили занятия, название которых он всё время забывал. Что-то про устойчивость. Судя по следам пластилина на столешнице, устойчивость давалась с трудом.

Сегодня был вторник. Администратор впустила его потому, что сломался проектор и занятие отменили.

В центре занятости он провёл три часа, после чего ему предложили дистанционный курс по настройке разговорных помощников. Константин спросил, можно ли после курса чинить этих помощников. Ему объяснили, что речь о другом: нужно учиться правильно задавать вопросы.

– Я сорок восемь лет людям вопросы задаю, – сказал он. – Почему у вас ремень свистит? Когда последний раз масло меняли? Кто вам разрешил перемычку поставить?

Женщина улыбнулась вежливо и предложила следующий курс.

Теперь его куртка висела на спинке стула, и в кармане лежало направление. Он не собирался его выбрасывать. Бумага хорошая, оборотная сторона чистая.

Дверь открылась, пропуская небольшого муниципального робота с серым корпусом. Его колёса были прикрыты резиновыми юбками, одна манипуляторная рука сложена вдоль бока, в другой он держал оранжевый совок. На корпусе криво сидела наклейка «ОСКАР»: последняя буква отклеилась и загнулась. Константин прежде видел его в коридоре, за хозяйственными работами, но разговаривать им ещё не приходилось.

– Здесь гпол? – спросил Константин.

– Нет.

– Тогда зачем совок?

– В нём удобно перевозить мелкие предметы. Можно я возьму стружку из-под вашего стола?

– Бери. Если найдёшь винт, покажи.

Оскар опустил совок. Константин перевернул приёмник и стал искать последний винт крышки. Он должен был находиться под батарейным отсеком, но кто-то заклеил отсек матерчатой лентой.

– Справа от вашей руки, под ножкой, – сказал робот.

– Вижу.

Константин сказал это раньше, чем заметил винт, и теперь поспешил его поднять.

Крышка снялась с сухим хрустом. Внутри лежали два мёртвых таракана и валик серой пыли. Константин осторожно перевернул приёмник над совком.

– Твоё.

– Спасибо.

– Не за что тут благодарить.

Оскар вывез совок, вернулся и остановился в дверях.

– У вас нет предохранительного трансформатора.

– Есть. Вон стоит.

– Он не подключён.

– А приёмник у меня подключён?

– Нет.

– Ну вот когда подключу, тогда и поговорим.

Робот помолчал.

– Я могу подержать крышку. Провод динамика натягивается.

Константин хотел отказать, но крышка действительно соскальзывала. Он подвинул стул.
– Только за край. Не за решётку.
Рука раскрылась и остановилась точно там, где он показал.

***

Через сорок минут радио заговорило: сначала забубнило про дороги, затем коротко хрюкнуло и заиграло музыку. Константин провёл пальцем по краю платы, проверяя, не греется ли замена. Оскар держал лампу, потому что штатное освещение над столом давало тень как раз на нужное место.

– Конденсатор, – сказал Константин. – Вздулся. Сохли они и будут сохнуть.

– У нового расчётный срок службы выше.

– Напиши это ему на боку.

Оскар наклонил голову к детали.

– Не надо писать. Это выражение такое.

– Понял.

Константин выключил приёмник. Раздался резкий двойной щелчок.

– Контакт дребезжит, – сказал Оскар.

– Знаю.

– Могу предложить замену узла. В кладовой есть совместимый.

Константин посмотрел на часы. Вера Ивановна обещала вернуться к пяти, а сейчас было без двадцати. Контакт рано или поздно всё равно придётся менять.

– Неси. Только старый не выкидывай.

Оскар принёс деталь в своём совке. Константин переставил выключатель, собрал корпус и ещё три раза проверил приёмник. Теперь ручка вращалась мягко; питание включалось почти бесшумно.

Вера Ивановна, оставившая приёмник утром, пришла в пять ноль две.

Она торопилась и даже не поздоровалась: сняла варежку, придерживая её зубами, и повернула ручку.

Радио запело, но женщина повернула ручку обратно, а потом снова вперёд, словно проверяла не сам звук, а мгновение перед ним.

– Нет, – сказала она.

Константин похолодел и ещё раз проверил шнур, прежде чем посмотрел ей в лицо.

– Что нет?

Она ещё раз выключила приёмник.

– Вы сломали.

– Он работает.

– Я слышу.

– Старый выключатель мог в любой момент…

– Я слышу, что работает.

Она стояла, глядя на ручку, и никак не могла надеть варежку. Большой палец попадал не туда.

Оскар выдвинул руку с прежней деталью.

– Этот звук был следствием износа. Мы устранили неисправность.

Вера Ивановна посмотрела на него, затем на Константина.

– Я же сказала.

Он вспомнил, как снял со стенда снежинку.

– Сказали, – согласился он. – Садитесь пока.

Она села на край детского стула. Колени оказались слишком высоко. Константин хотел предложить свой, но женщина уже начала говорить.

– У нас кухня была за стеной. Он раньше меня вставал. Всегда. Я ещё лежу, а там это… два раза. Щёлк-щёлк. И потом уже новости.

Она попробовала улыбнуться.
– Сейчас всё можно поставить. Любую запись. Мне внук сделал, я знаю. Только это не то.
Константин снял приёмник со стола.
– Погуляйте полчаса.
– Закроетесь ведь.
– Не закроемся.
Когда она вышла, Оскар спросил:
– Нужно вернуть изношенный выключатель?
– Нет. Нужно, чтобы новый выключатель работал нормально. А ручка щёлкала.
– Значит, функция звука была отдельной.
Константин уже снова развинчивал корпус.
– Для неё – да.
– Она не указала это при приёме.
Он перестал крутить отвёртку.
– Указала. Мы не поняли.
Оскар убрал совок с прохода.
– Что искать?
Пружинную пластинку. Маленькую. И тонкую шайбу.

***

С первого раза получилось слишком звонко, со второго ручку стало заедать.

На третьей попытке Константин рассердился, выругался и велел Оскару перестать выдавать номера готовых деталей: всё это можно было заказать, конечно, но прийти заказ мог только завтра, а Вера Ивановна уже дважды прошла мимо стеклянной двери.

Оскар подождал, пока он закончит.

– В совке есть подходящий кусок.

– Ты же его вынес.

– Я выбросил пыль. Металл оставил отдельно.

Пластинка оказалась частью старой рулетки. Синяя краска сохранилась на ней только возле края. Константин разметил сгиб, и Оскар прижал металл к маленьким тискам.

Когда всё было готово, Константин позвал Веру Ивановну. Ничего не объясняя, подвинул к ней приёмник.

Щёлк-щёлк.

Она замерла. Потом покрутила ручку ещё раз.

– Второй раньше, – сказала она.

Константин посмотрел на Оскара. Тот уже подал отвёртку.

Вера Ивановна ещё дважды попросила изменить промежуток между щелчками. Константин каждый раз подавал ей приёмник и ждал, пока она сама повернёт ручку.

Когда звук наконец устроил её, он проверил, что пластинка не мешает выключателю и ручка не заедает. Оскар придерживал корпус. Старый узел положили в отдельный пакет.

– Теперь можно? – спросила женщина.

– Теперь можно, – ответил Константин. – Только шнур не забудьте.

***

Администратор ушла домой и оставила им ключ. Константин проверил окна, выключил свет, дважды дёрнул входную дверь. На улице шёл мелкий снег, который ещё не решился лечь, но уже сделал ступеньки скользкими.

Оскар съехал с пандуса.

– Тебе куда? – спросил Константин.

– На зарядную станцию в этом здании.

– А за мной зачем?

– У вас в сумке тяжёлый приёмник.

Это был другой приёмник – вернее, магнитофон. Вера Ивановна успела позвонить соседу, а сосед явился до закрытия с сумкой и рассказом о том, что теперь таких мастеров не найти. Константин не любил, когда ему говорили это в лицо. Обычно после таких слов начинали торговаться.

Сосед не торговался. Попросил лишь сохранить кассету внутри.

– Завтра привезёшь, – сказал Константин роботу.

– Приёмник у вас.

– Я про тебя. Можешь завтра прийти.

– Муниципальное назначение не предусматривает сопровождение на дому.

Константин натянул шапку.

– Так и говори. А то сумка тяжёлая.

Он сделал несколько шагов и услышал сзади:

– Могу запросить доставку оборудования к месту ремонта.

Константин обернулся.

– Какого оборудования?

– Магнитофона. Он у вас в сумке.

Оскар отправил запрос. Константин переставил сумку в другую руку и сделал вид, что рассматривает снег на перилах. Когда разрешение пришло, робот подхватил сумку. Они пошли вместе.

***

Дома первым делом позвонила Лидия, его бывшая жена.

Константин поставил телефон между банкой с кисточками и настольной лампой. Лидия была в пальто и искала что-то в сумке; на заднем плане виднелась вешалка с чужим шарфом, видеосвязь работала отлично.

– Ты страховку продлил? – спросила она.

– Какую?

– Квартирную. Мне опять напоминание пришло.

– Продлил.

– Костя.

– Завтра продлю.

Она наконец достала ключи.

– Я тебе просто переслала. Денег не переводила, не начинай.

– А я и не начинаю.

Лидия посмотрела внимательнее.

– У тебя кто?

Константин обернулся. Оскар стоял возле верстака и держал сумку так, как ему велели: не наклоняя.

– Помощник.

– Живой?

– Очень смешно.

– Я серьёзно спрашиваю. Человек или робот?

– Робот.

– Тогда скажи ему, что у тебя левая розетка искрит.

– Она не искрит.

– Значит, уже починил. Хорошо. Мне пора.

– Куда это?

– На репетицию.

Лидия пела в хоре. Константин всё время об этом забывал, а потом сердился, что она уходит как раз тогда, когда он мог бы поговорить.

– В шапке иди, – сказал он.

– У меня капюшон.

Она отключилась.

Оскар посмотрел на левую розетку.

– Не трогай, – твёрдо сказал Константин. – Я сам.

Он поставил чайник и достал две чашки. Одна была его, жёлтая, с длинной трещиной под ручкой. Вторая – белая, из давно неполного сервиза. Протянув руку к заварке, он заметил, что Оскар следит за ним.

– Это под винты.

– В ней нет винтов.

– Сейчас будут.

Он высыпал в белую чашку мелочь из кармана. Монеты звякнули о фарфор.

Оскар ничего не сказал. Константин раскрыл соседскую сумку и осторожно извлёк магнитофон. Оставлять до завтра не хотелось. Вещь была ухоженная, но с одной стороны корпус потемнел: годами стоял возле окна.

– У тебя скоро смена? – спросил он.

– Муниципальный договор заканчивается в пятницу.

– Переведут?

– Есть три предложения.

– Хорошие?

Оскар молчал так долго, что Константин поднял голову.

– Ты завис?

– Я не знаю, по каким признакам выбирать.

– Зарплата. Условия. Далеко ли ездить.

– Вознаграждение получает оператор.

– Тогда условия.

– Сопоставимые.

Константин потянул на себя крышку кассетного отсека. Та не поддалась.

– Ну, где интереснее.

– Сегодня было интереснее.

Он сказал это без паузы, и Константин почему-то разозлился.

– Сегодня мы полдня угробили на деталь ценой в коробок спичек.

– Вера Ивановна записала ваш номер.

– От этого я богаче не стал.

– На один заказ стали.

Константин посмотрел на магнитофон, потом на белую чашку.

– Держи вот здесь, – сказал он. – Только не дави. Пластмасса старая.

Оскар подал руку.

Когда крышка наконец открылась, внутри обнаружилась кассета с выцветшей надписью «Лето, дача». Константин положил её отдельно. Завтра надо будет сначала переписать звук – прежде чем браться за ремни.

– После пятницы я могу вернуться? – спросил Оскар.

– Если разрешат.

– Я спрашиваю у вас.

Константин долго выбирал отвёртку, хотя нужная лежала сверху.

– По четвергам я в мастерской, – сказал он наконец. – А здесь после шести. Звонок плохо работает. Стучи.

Оскар записал адрес, хотя уже знал его.

За окном наконец лёг снег.

Глава 2. Поправка к будущему

Академгородок. Ноябрь 2037 года.

Виктор сжёг тост и решил, что так даже лучше.

– Карамелизация, – сказал он.

– Углерод.

– Ты могла бы оставить место для сомнения.

Мира подцепила вилкой самый чёрный край. В фонде Виктора Ланского она разбирала заявки лабораторий, проверяла результаты и вместе с ним утверждала расходы на исследования. Дома их споры обычно начинались с вещей поменьше, и Виктор ещё мог надеяться отстоять тост.

– Здесь его почти не осталось.

Он забрал тост, откусил и с таким выражением посмотрел на окно, что она засмеялась. Виктор дожевал. Признать поражение ему было легче после того, как он убедился, что она смеётся.

За стеклом висел ещё тёмный лес. Снег светился под дорожными фонарями; по тропинке медленно ехала уборочная машина, толкая перед собой валик, похожий на свёрнутое одеяло. Где-то между сосен шёл человек с собакой. Собака то исчезала за стволами, то выскакивала вперёд и оборачивалась, проверяя, не потерялся ли хозяин.

– Сегодня к десяти? – спросила Мира.

– В половине одиннадцатого. Я попросил перенести.

– Почему?

Виктор кивнул на её чашку.

– Ты вчера хотела спокойно позавтракать.

Он помнил, и Мира почувствовала себя немного виноватой: она приготовилась напомнить ему сама.

На столе лежал лист с тремя исправлениями к презентации. Виктор ещё не посмотрел на него. Вместо этого отодвинул от края её телефон: на стекле образовалась лужица от чашки.

– Кстати, фильтр пришёл, – сказал он. – Для той камеры.

– Ты его заказал?

– Ты два месяца искала.

– Я искала старый.

– Этот тоже старый. Продавец даже извинился.

Мира повернулась к окну, пряча слишком быструю улыбку. Светлая прядь скользнула по щеке; в тёмном стекле отразились серо-зелёные глаза, высокий лоб и мягкая линия рта. Она была очень красива, но Виктору особенно нравилась эта неловкая попытка скрыть радость: в такие секунды её лицо переставало быть безупречно спокойным. Бионическая кожа отзывалась на холод и прикосновения, под ней работала тонкая сеть датчиков и приводов. Снаружи её нельзя было отличить от человеческой, и незнакомые люди обычно узнавали, кто перед ними, только из разговора.

Камера досталась Мире без объектива, потом оказалось, что нужные детали давно не выпускают. Виктор смеялся над её охотой на винтики, но однажды целый вечер вместе с ней просматривал каталоги. Такие вечера она помнила лучше подарков.

Она хотела фотографировать без исправлений: снег, который остаётся серым, и лица, которым не обязательно быть резкими.

Виктор налил себе ещё кофе и наконец взял лист.

– Это опять про Анну? – Он уже узнал материалы речевого проекта: после тяжёлой травмы его участница Анна Воронцова почти не могла говорить.

– Про испытания.

– Значит, про Анну.

Мира протянула руку.

– Там три пункта. Посмотри все.

Виктор прочёл все три пункта, задержавшись на втором.

– Если так сказать, команды решат, что к совместным испытаниям ещё рано.

– Тогда покажем, как работает.

– Именно это мы и собираемся сделать.

Она не убрала руку. Виктор накрыл её ладонь своей.

– Давай хотя бы доедим.

Его пальцы были тёплыми. На костяшке белел маленький порез – он всё ещё брился сам и всегда объяснял это экономией времени. Мира знала, сколько времени занимала автоматическая процедура, и ни разу ему не напомнила.

Она перевернула лист чистой стороной вверх.

Когда-то Виктор вообще не протягивал ей руки.

***

В первый день свет бил сверху, и Мира некоторое время видела только тёмный силуэт человека у окна. Она могла сразу назвать расстояние до него и температуру в комнате. Не знала только, почему он смотрит с таким неудовольствием.

– Сто восемь миллионов, – сказал Виктор. – Он решил, что я коллекционирую людей?

– Это подарочный контракт, – ответил представитель изготовителя. – Все обязательства уже исполнены.

– Я не о контракте.

Позже Мира узнала дату: семнадцатое мая 2035 года. Её первая активация состоялась дома у человека, которому её привезли. В накладной человеческого слова не было: изделие, комплектация, получатель. В приложении стояла стоимость – сто восемь миллионов долларов. Представитель говорил о ней с гордостью человека, доставившего самую дорогую игрушку в своей жизни.

Мира сидела в кресле и слушала. Языки, профессиональные знания, способность рассуждать уже были с ней; собственного вчера не существовало. Когда представитель предложил Виктору выбрать удобный режим общения, она впервые подумала, что предпочла бы услышать вопрос сама.

Подарок прислал шейх, зарубежный клиент одной из лабораторий фонда. Он не просил собрать для себя красивую историю спасения. Его дочь несколько лет переходила от одного лечения к другому, и в последних письмах он уже спрашивал не о выздоровлении, а о том, сможет ли она провести лето дома. В семье почти перестали обсуждать следующий год.

Лаборатория получила результат именно тогда. Не средство от всех лейкемий: лечение действовало при одном редком сочетании клеточных маркеров. Для этих больных готового препарата не существовало, а самих пациентов было так мало, что большие компании прежде не брались за отдельное производство. Новый состав готовили индивидуально. Для его расчёта и изготовления присылали образец крови; обследования и введение оставались делом лечащей команды. Одна инъекция удерживала болезнь под контролем около года, после чего требовались новая проверка и следующая доза.

Дочь шейха подошла по маркерам. Её отец увидел, как она снова сама спустилась к завтраку, и запомнил это утро лучше всех врачебных заключений.

Виктор прочитал сообщение уже после разговора с командой. На столе лежало предложение о продаже технологии. В нём обсуждались цены, при которых лаборатория окупилась бы за несколько десятков пациентов.

– Семья, которая может, заплатит и миллион, и пятнадцать, – сказал консультант. – Другого лечения для них нет.

– А семья, которая не может?

Ответ предполагал отдельную благотворительную программу. Виктор перелистнул расчёт и попросил подготовить другой.

Патент оформили, чтобы сохранить контроль над производством и доступом. С больных денег не брали: фонд оплачивал изготовление каждой персональной дозы и её доставку. Это была постоянная статья расходов, не разовая акция. Шейх узнал об условиях тогда же, когда остальные семьи. Его дочь лечили бесплатно, и никакого подарка от него не ждали.

Мира прочла переписку позднее, получив рабочий доступ. В день активации она знала только то, что услышала в комнате. Виктор включил короткое голосовое сообщение:

«Вы дали нам ещё один год, в котором можно не прощаться каждый вечер. Я хотел, чтобы и в вашем доме кто-нибудь ждал вас».

Он остановил запись, не дослушав пожеланий.

– Он благодарит не того человека, – сказал Виктор. – Работала лаборатория.

Представитель не нашёл ответа и вернулся к характеристикам. На тот момент действующих моделей такого уровня во всём мире было около двух тысяч. В одном корпусе соединялись новейшая когнитивная система, бионическая кожа, точная моторика и сенсорная сеть, которую ещё не умели выпускать массово. Человекоподобных машин уже существовало гораздо больше; ни знакомое лицо, ни мягкая оболочка сами по себе не означали такой комплектации.

В стоимость входили автоматические обновления и независимая подписка на сто лет вперёд. Сервисный резерв был оплачен отдельно и закреплён за её индивидуальным ключом: смена оператора или места работы не отменяла обслуживание программной системы. Ремонт тела, новые детали и её собственные будущие занятия в этот договор не входили.

Виктор спросил, можно ли отключить получение рекламных предложений.

– Разумеется.

– Начнём с этого.

Мира ещё не умела различать его раздражение и смущение. Ей показалось, что правильный ответ поможет обоим.

– Я могу сама выбрать, какие уведомления получать.

Он впервые посмотрел прямо на неё.

– Тогда выбери.

После отъезда представителя Виктор показал ей комнату, объяснил, где можно работать, и ушёл на связь с лабораторией. Мира осталась возле стола. За окном качались ветки, по стеклу ползла муха. Никто не объяснил, что делать, когда все обязательные действия закончены.

***

Первые недели он был вежлив и холоден. Спрашивал о результатах, благодарил за найденные ошибки и почти никогда не задавал второго вопроса, если она начинала рассказывать о чём-то своём.

Однажды Мира предложила сохранить разговоры родителей, чьих детей лечила лаборатория. Они объясняли друг другу, как жить между обследованиями, где останавливаться, чего не говорить ребёнку перед поездкой. В научные отчёты это не входило.

– Этим пусть занимаются координаторы, – ответил Виктор. – Посмотри лучше расчёт новой производственной линии.

Она посмотрела. Нашла двойной учёт оборудования, пересобрала сроки, подготовила несколько вариантов. Виктор задержался у её экрана на сорок минут. Мира запомнила, что его можно удержать рядом хорошей работой.

Потом она стала заканчивать сводки раньше, чтобы вечером у него оставалось время. Он заполнял освободившийся час другой встречей. Она подбирала новости, которые могли его обрадовать, и заранее убирала из разговора то, что утомляло. Ей хотелось заслужить не очередное «спасибо», а вечер, в котором он останется без необходимости что-нибудь решить.

Постепенно между ними всё же появилось то, чего не было ни в контракте, ни в её расчётах. Виктор научился узнавать её смех из другой комнаты. Однажды не ушёл после разбора бюджета, потому что ей было смешно пересказывать неудачный разговор с продавцом камеры. В другой вечер она сама протянула ему руку, и он спросил, можно ли придвинуться ближе.

К тому времени Мира уже работала по собственному договору, получала вознаграждение и могла прекратить работу. Подарочные бумаги оставались историей доставки, а не условием их близости. Она любила его и видела, что иногда он тоже ищет её глазами, едва войдя в дом.

Но привычка заранее угадывать, какой ей удобнее быть, никуда не делась. Когда Виктор становился холоднее, Мира первым делом искала ошибку в себе.

***

Утром в ноябре 2037-го он ещё немного подержал её ладонь, прежде чем убрать посуду. Лист с поправками лежал между ними белой стороной вверх.

Мира перевернула его обратно.

***

В переговорной пахло мокрыми пальто. Возле входа сохли четыре зонта: руководители лабораторий и клинических групп прилетели из городов, где ещё шёл дождь. На стене оставались открыты ещё два окна связи с зарубежными командами. Каждая привезла результаты и расходы следующего этапа; сегодня очередь дошла до речевого интерфейса.

Виктор помнил их имена. Помнил даже имя дочери руководителя одной из клинических групп и спросил, удалось ли ей поступить. Пока они говорили про университет, Мира подключала материалы к экрану.

Фонд содержал лаборатории в нескольких странах и поддерживал независимые команды. За ним стояли доли в давно работающих предприятиях, а не обещание очередного удачного привлечения денег. Установленную часть получаемых дивидендов направляли на новые исследования и инвестиции; основной капитал сохраняли. Виктору хватало состояния на любую частную жизнь, какую он мог придумать. Здесь он выбирал, какой работе дать людей, оборудование и годы. Мира проверяла расчёты, спорила с руководителями и ставила рядом с его решением свою подпись.

Рябинин, руководивший разработкой речевого интерфейса, подошёл к Мире и тихо спросил:

– Ты оставила нашу последнюю версию?

– Оставила результаты. Заголовок исправила.

Рябинин посмотрел на экран: вместо «Свободная речь возвращена» теперь стояло «Управляемая речь: первые результаты».

– Это внутренний заголовок, – сказал Рябинин.

– Теперь внешний.

– Мира.

Виктор оглянулся. Она встретила его взгляд и не отвернулась. Несколько секунд он смотрел на заголовок, потом предложил всем сесть.

Сначала всё шло хорошо.

На записи Анна лежала в кресле с высокой спинкой. Небольшой блок за ухом принимал сигналы от импланта. На экране возле её лица появлялись слова. Она пыталась произнести фразу, система предлагала текст, и через несколько мгновений синтезированный голос говорил:

«Откройте штору».

Человек за кадром подходил к окну.

Один из гостей улыбнулся так широко, что Мира сразу перестала на него сердиться. До этого он всё время проверял сообщения.

– Прекрасно, – сказал он. – Она до этого совсем не говорила?

Рябинин ответил, и разговор перешёл к скорости, точности, срокам.

– То есть человек думает, а машина понимает мысль? – спросила женщина у окна.

– В пределах речевого намерения, – сказал Рябинин.

– Проще говоря, да, – добавил Виктор.

Мира посмотрела на Виктора, и он понял, что она собирается возразить.

– С оговорками, – сказал он.

– Здесь важна сама попытка говорить, – произнесла Мира. – Участница специально формирует фразу. Это не доступ ко всему, о чём она думает.

Женщина у окна кивнула и записала что-то. Никакой катастрофы не произошло.

Затем Мира включила второй фрагмент из той же палаты. Анна смотрела на человека рядом, а система вывела: «Я хочу продолжить».

Человек протянул руку к регулятору кресла.

Участница резко перевела взгляд на красный прямоугольник в углу экрана. Надпись исчезла. Несколько секунд не происходило ничего.

После паузы появилось другое слово: «Хватит».

В переговорной стало тихо.

– Здесь модель ошиблась? – спросил отец студентки.

– Да, – сказала Мира.

– Насколько часто?

Рябинин назвал результаты по подтверждённым фразам.

– Это после исправлений, – добавила она. – На первом предложенном варианте ошибок больше. Особенно когда человек устал.

Виктор положил ручку поперёк блокнота.

– Мы как раз финансируем следующий этап, чтобы сократить эти ошибки.

– А кто разрешил показать эту запись? – спросила женщина у окна.

– Сама участница, – ответила Мира. – С условием, что покажем оба фрагмента.

Она вывела разрешение. Поля с личными сведениями были закрыты, условия остались видны.

Гость, который раньше проверял сообщения, подвинулся ближе к столу.

– А если она не успеет отменить?

– Сейчас подтверждение обязательно, – сказал Рябинин. – Для внешних действий. На демонстрации был ранний режим.

– Тогда зачем он нам нужен без подтверждения?

Рябинин начал объяснять про естественный разговор. Мира слушала и смотрела на Виктора. Он не вмешивался. Только повернул ручку остриём к себе.

***

После встречи гостей повели в лабораторию. Виктор остался закрыть документы, хотя обычно провожал их сам.

Мира отключила экран.

– Ты могла предупредить.

– Я написала. И утром принесла.

– Ты принесла три строки. А показала человека, который не может сказать, что ему плохо.

– Он был в той же записи.

– Я знаю.

– Тогда почему…

– Потому что мы собирали эти команды полгода. Я рассчитывал, что сегодня они согласуют общие испытания.

Он говорил негромко. Мира села напротив, на стул, который только что занимала женщина с блокнотом. От её духов осталось едва заметное горькое облако.

– Они попросили данные об ошибках, – сказала Мира. – Это нормальный вопрос перед совместной работой.

– Нормальный. Только теперь они начнут всё проверять заново.

– Часть и нужно проверить. Я не хочу, чтобы они согласились на исследование, которого у нас нет.

Виктор закрыл папку, тут же взял её снова и принялся выравнивать листы.

– Я могу оплатить ещё два года, – сказал Виктор. – Но не могу купить два года у Анны. И у остальных людей, которые ждут такую систему. Мне не хочется потерять их на бесконечных согласованиях.

Мира положила рядом с его папкой распечатку. Утром он ещё держал её за руку; теперь ей было труднее не отступить, чем возразить.

– Тогда предложи командам проверить то, чего мы уже добились. Человек может исправить машину. Мы хотим, чтобы ему реже приходилось это делать. Для этого и нужны следующие испытания.

Виктор посмотрел на лист. Подписывать разрешение на расходы предстояло ему и Мире; ни один гость не мог лишить фонд денег за неудачный показ. Его сердило другое: ход работы снова оказался медленнее хода его мысли, и именно Мира заставляла это признать.

За стеной что-то громко упало. Оба повернулись на звук. Кто-то засмеялся, и Виктор вдруг тоже улыбнулся.

– Это точнее нашего заголовка.

– Да.

– Даже не дашь мне самому это сказать?

– Ты уже сказал.

Он протянул руку через стол. Она позволила ему взять себя за пальцы.

– Рябинин сейчас ужасно злится.

– Я поговорю с ним.

– Он хороший исследователь.

– Я знаю. Поэтому второй фрагмент вообще существует.

Телефон Виктора дрогнул на столе. Он взглянул на сообщение.

– Просят дополнительные данные по отменам.

Мира ждала.

– Значит, готовы проверять, – сказал он.

– Для этого и спрашивают.

Он отпустил её руку и поднялся.

– Пойдём. Пока Рябинин не пообещал им закончить всё к весне.

***

Вечером коробка с фильтром лежала у неё на столе.

Внутри, кроме детали, нашлась бумажная записка продавца: «Резьба тугая. Не усердствуйте». Мира несколько раз повернула кольцо на свету. Стекло отливало зеленоватым, и через него край стола казался почти чёрным.

Она начала записывать продавцу ответ, остановилась и сфотографировала записку рядом с деталью. Потом коробку. Потом неровный круг, оставшийся от чашки.

Виктор стоял в дверях.

– Проверяешь комплектность?

– Сохраняю.

– Что?

– Как это пришло.

Он подошёл ближе, посмотрел на три почти одинаковых снимка.

– Для жалобы?

Она засмеялась.

– Наоборот.

Виктор провёл ладонью по её волосам, убрал светлую прядь с лица. В тёмном стекле монитора отразились они оба. Мира поймала отражение его руки и снова подумала о фотографии, но не захотела двигаться.

– Я хочу сделать архив, – сказала она.

– Мы же делаем.

– Рабочие материалы. А я хочу другой.

– Какой?

Она повернула к нему экран. На нём была записка с предупреждением о резьбе.

– Вот такой. Сначала небольшой. Люди сами выбирают, что оставить. Не обязательно самое важное.

– Семейные альбомы?

– И альбомы. Голоса. Как чинят вещь. Как накрывают стол. То, что обычно никто не снимает, потому что это всегда рядом.

– А потом?

– Потом кто-то сможет это увидеть.

– Кто?

Мира задумалась. Ей не хотелось выдавать желание за готовый проект: ровно за это она утром спорила с Виктором.

– Пока не знаю.

Он поцеловал её в висок.

– После декабрьского разбора программ. Хорошо? Соберём маленькую команду, посчитаем хранение.

Она кивнула, но когда Виктор вышел, не открыла таблицу расходов. Создала папку. Назвала её «Обычное» и положила туда три фотографии.

Этого разрешения ей не требовалось.

***

Они ужинали поздно. Виктор устал и несколько раз перечитал одно и то же сообщение, прежде чем заметил, что Мира на него смотрит.

– Всё, – сказал он и перевернул телефон.

Она пододвинула к нему тарелку.

– У тебя остынет.

Он замер лишь на секунду, но Мира успела заметить, как смягчилось его лицо. Затем он словно вспомнил, где находится, и взял вилку.

– Что?

– Ничего.

– Виктор.

– Ты сейчас очень… – Он покачал головой. – Просто хорошо сказала.

Мира вспомнила свою фразу. Простое напоминание об ужине не требовало такой благодарности.

– Как?

– Спокойно.

Она хотела спросить ещё, но он уже рассказывал, что Рябинин позвонил сам и предложил показывать статистику ошибок прямо в интерфейсе. Мира слушала. Виктор старался её обрадовать, и у него получилось. В конце концов они начали спорить о том, не станет ли новый экран похож на приборную панель самолёта.

Ночью, когда он уснул, она вернулась к рабочему столу.

В общей папке лежала презентация. Её исправленный заголовок сохранили, но отдельный файл с оговорками переместили в приложение без имени автора. Так делали часто: итоговые материалы принадлежали проекту.

Мира сохранила свою версию отдельно.

«Поправки. Мира. 18 ноября 2037».

Постояла над строкой и убрала дату из названия. Дата и так была в свойствах. Имя оставила.

Затем открыла карточку участницы исследования. Доступ позволял ей читать только согласованные материалы; медицинские разделы были закрыты. На фотографии женщина смотрела немного мимо камеры. Тёмные волосы были коротко острижены, одна бровь приподнята – так, словно фотограф слишком долго объяснял ей, куда смотреть.

Анна Воронцова.

Мира ещё раз прочла условие, по которому Анна разрешила показывать запись: удачный и неудачный фрагменты вместе. Она сама настояла на этом. Не исследователи, не комиссия.

Внизу находилась кнопка связи с координатором.

Мира написала короткое письмо. Представилась, объяснила, где увидела материалы, попросила передать Анне предложение о встрече. Отдельно добавила, что встреча не будет частью испытаний и от неё можно отказаться.

Перечитав письмо, она стёрла предложение о том, что разговор поможет развитию проекта, и отправила сообщение.

Из спальни донёсся сонный голос:

– Мира?

– Сейчас приду.

Она выключила экран и осталась на секунду в темноте. Снаружи по стеклу скользнул свет уборочной машины. Вчерашний снег сгребали к обочине, освобождая ту самую тропинку между сосен.

Утром там снова будут ходить люди.

Глава 3. Не заканчивайте за меня

Реабилитационный центр. Ноябрь 2037 года.

Анна хотела, чтобы убрали волос.

Он лежал поперёк лба, чуть выше левой брови. После утреннего умывания его пригладили мокрой ладонью, и теперь, высохнув, он тянул кожу – не больно, но достаточно, чтобы мешать думать о чём-либо другом. До аварии Анна Воронцова изучала поведение животных, вела исследования и спорила со студентами. Теперь, в тридцать два года, она по-прежнему понимала всё, что происходило вокруг, но почти не могла двигаться и говорить. Даже такую пустяковую просьбу приходилось передавать через экран.

На экране было написано: «Я готова».

– Отлично, – сказал Кирилл Громов, её спутник. После аварии он проводил в центре столько времени, что Анна уже знала по его одежде, успел ли он заехать домой.

Анна посмотрела на красное поле. Надпись погасла.

– Не готова? – спросила специалистка.

Специалистку по восстановлению общения звали Даша. Она помогала Анне осваивать речевой интерфейс и всегда представлялась, хотя приходила каждое утро. Анна сначала считала это частью инструкции, потом заметила, что Даша здоровается и с чайником, если тот долго не включается.

– Она просто ещё не проснулась, – сказал Кирилл. – Ань, мы быстро. Потом отдых.

Он уже придерживал подушку, чтобы Даша могла изменить положение кресла. Вчера Анна согласилась сегодня попробовать более длинный речевой сеанс. Вчера у неё не было волоса на лбу и не болело от света в левом глазу.

Она попыталась сказать: «Сначала пауза».

На экране возникло: «Сначала упражнение».

Палец Даши остановился возле панели.

Анна перевела взгляд на отмену. Красный прямоугольник не заполнился: глаза соскользнули раньше нужного времени.

Кирилл поправил подушку.

– Давай, родная. Ты же сама хотела.

Напоминание о вчерашнем согласии раздражало сильнее волоса. Анна хотела плавать, проверить расчёты своей аспирантки, послушать какую-нибудь глупость, которую Кирилл рассказал бы просто так, не связывая её с тем, как хорошо у них всё получается. Ни одно из этих желаний не означало согласия начинать сейчас.

Даша убрала руку от панели.

– Я не получила подтверждения.

– Но она…

– Я вижу только предложенный текст. Анна, давайте без фраз. Красное поле сейчас сделать больше?

Анна удержала взгляд на «да», и красное поле выросло, оттеснив всё остальное. Теперь его было легко поймать.

– Пауза, – сказала Даша.

Кирилл отпустил подушку. В кресле ничего не изменилось, и именно это было первым хорошим событием утра.

***

Даша принесла картонную таблицу, которую Анна теперь ненавидела немного меньше, чем месяц назад. Тогда каждая буква требовала целой процедуры: дождаться строки, подтвердить строку, дождаться буквы. К тому времени, когда она доходила до середины слова, собеседник уже угадывал конец. Иногда верно, а иногда Анна соглашалась просто потому, что на опровержение сил не оставалось.

Сегодня Даша сначала показала карточки с простыми просьбами: боль, положение, свет, вода, другое.

«Другое».

Затем Даша перешла к частям тела, и Анна выбрала лицо. Дальше готовых ответов не хватило: пришлось набирать слово по буквам.

На третьей букве Кирилл сказал:

– Волос?

Анна посмотрела на него так резко, что рамка слежения потеряла глаза.

Он потянулся ко лбу и остановился.

– Можно убрать?

«Да».

Двумя пальцами он отодвинул прядь. Коснулся брови, как когда-то в прихожей, когда они целовались перед выходом и он непременно находил у неё на лице след туши.

Облегчение было несоразмерно маленькому движению. Анна закрыла глаза.

– Господи, – сказал Кирилл. – Что же ты сразу…

Он не закончил.

Хорошо, подумала она. Хоть эту фразу не закончил.

Когда Анна открыла глаза, Даша сидела рядом, положив таблицу себе на колени.

– На сегодня можно отменить всё, – сказала она. – Можно оставить настройку. Можно просто передохнуть и решить потом.

Анна выбрала последнее.

Кирилл смотрел на сложенную подушку. У него на рукаве высохло белое пятно: он снова ел творог прямо из коробки, по дороге. Раньше она над этим смеялась. Сейчас ей хотелось сказать, что пятно никуда не денется, даже если он всю оставшуюся жизнь будет спасать её без выходных.

Но пока было только «потом».

Даша убрала экран в сторону. В комнате сразу стало просторнее.

***

Через двадцать минут они начали заново – с двух сигналов, которые Анна могла произвести надёжнее остальных, и отдельной отмены взглядом.

На экране больше не появлялось готовое сообщение от её имени. Сначала система показывала бледным предложение, затем запрашивала подтверждение. Если ответа не было, она ждала.

– Даже если предложение очевидное? – спросил Кирилл.

– Особенно тогда, – сказала Даша.

Анна мысленно попыталась произнести «нет».

Рамка загорелась. Даша ничего не сделала.

«Да».

Даша придвинула экран на сантиметр.

Они повторили это ещё несколько раз, затем поменяли вопросы. Анна дважды ошиблась, один раз остановила всё взглядом. Ошибки записали, не назвав усталостью, плохим настроением или недостаточным старанием.

Кирилл открыл рот, чтобы похвалить её, и вместо этого спросил:

– Кофе мне можно здесь выпить? Пахнуть будет.

«Да».

Он впервые за утро улыбнулся нормально.

Речевой декодер вывел: «Мне тоже».

Анна отменила. Ей нравился запах кофе, но эта фраза была не её.

– Вот, – сказала Даша. – Это оставим в журнале.

– У неё раньше кофе было больше, чем крови, – сказал Кирилл.

Даша не стала спорить.

Анна снова сформировала короткую просьбу, на этот раз заранее согласованную: «Тише».

Система предложила: «Выключите звук».

Анна отменила фразу и попробовала ещё раз. Теперь на экране появилось: «Сделайте тише». Она подтвердила.

Тихий голос повторил просьбу. Кирилл убавил громкость своего телефона, хотя тот и так молчал.

Анна засмеялась бы, если бы могла. На экране появилась бессмыслица, которую она стёрла.

– Я на всякий случай, – сказал он.

Она подтвердила «ещё», и они продолжили.

Перед следующим упражнением Даша повернула экран к Кириллу и попросила его прочесть предложение, не произнося вслух. Он прочёл и потянулся к шторе.

– Вот, – сказала она.

Кирилл убрал руку.

Анна смотрела на него с удовольствием, которого давно не испытывала в этой комнате. Сегодня училась не только она. Ей предложили повторить опыт. Анна согласилась, дождалась, пока Кирилл снова встанет, и отменила открывание шторы.

– Пользуешься положением, – сказал он.

Она подтвердила «да».

***

Коробку Кирилл достал после обеда.

Анна заметила её ещё утром: плоскую, с помятым углом, без магазинной ленты. В такой он обычно приносил домой маленькие звуковые приборы и уверял, что это не покупка, а временно дали послушать. Иногда временно длилось годами.

Теперь композитор, привыкший приносить домой звуковые приборы, вынул из коробки только накопитель.

– Я хотел сначала проверить с тобой.

Последние два слова он произнёс особенно старательно.

Даша уже уходила. Кирилл попросил её задержаться, потом посмотрел на Анну. Та разрешила.

– Помнишь запись на воде? – спросил он. – Где ты ругаешь лодочника?

Она помнила лучше, чем хотела. Лодочник повёз их не в ту сторону, Кирилл продолжал записывать, а она сказала, что композитор, возможно, тоже годится в качестве весла. На записи они оба долго смеялись. Ветер бил в микрофон.

– И лекции. Домашнее видео. Я вычистил шум. Там материала хватило.

Он подключил накопитель к отдельной колонке.

– Это только образец. Никуда не загружал.

Анна ждала.

Из колонки её прежний голос сказал:

– Доброе утро. Рада вас видеть.

Она не помнила случая, когда была рада видеть кого-нибудь утром.

Голос был очень похож. Даже воздух перед первым словом – её короткий, нетерпеливый вдох. Кирилл выправил запись слишком хорошо: комнатные шорохи исчезли, осталась женщина, которая стояла прямо и знала, что сейчас может выйти из комнаты.

– Ещё? – спросил он.

Анна не ответила.

Кирилл опустил взгляд на прибор.

– Можно сделать менее чисто. Это сейчас как в студии. Я могу вернуть…

Она нашла «нет».

Колонка молчала. Её ответ пока оставался на экране.

– Не надо переделывать?

«Нет».

Он нахмурился.

Даша сказала:

– Давайте один вопрос.

Кирилл провёл ладонью по лицу.

– Ты хочешь пользоваться этим голосом?

Анна подтвердила отрицательный ответ.

Он быстро кивнул, как будто согласие было упражнением, которое тоже надо выполнить.

– Хорошо. Не будем.

Она видела, сколько вечеров он провёл над записью. Видела по тому, как ровно уложен провод, как приклеен к накопителю маленький бумажный ярлык. Кирилл всегда клеил ярлыки, когда хотел, чтобы вещь служила долго.

Ей захотелось отменить свой ответ. Она уже уступала ему так прежде, и знакомость этого желания делала его особенно неприятным.

Даша предложила закончить, но Анна выбрала «ещё».

В списке стандартных голосов нашёлся низкий женский, с чуть суховатым окончанием слов. Анна послушала две фразы, затем попросила включить ещё одну.

– Этот? – спросил Кирилл.

«Да».

– Он совсем…

Кирилл остановился. Потянул провод к себе, убирая со стола, затем аккуратно положил обратно.

Анна вызвала короткое слово, уже отработанное утром.

– Нет, – сказал новый голос.

Она повторила.

– Нет.

Даша улыбнулась.

Кирилл посмотрел на неё, и в его лице впервые за день появилось что-то кроме усталой готовности помочь.

– Понял, – сказал он. – Звучит убедительно.

Анна набрала следующее сообщение по буквам. Несколько раз пришлось начинать слово сначала. Кирилл приоткрыл рот, словно собирался подсказать, и прикусил губу.

Наконец колонка произнесла:

– Не хороните запись. Я там смешная.

Кирилл резко выдохнул, отвернулся к окну, потом засмеялся.

– Там лодочник смешной.

Анна выбрала короткий ответ.

– Нет.

***

Вечером Кирилл ушёл за чистой одеждой. Он спросил, вернуться ли к девяти, и Анна согласилась. Раньше он сообщал, когда придёт. Разница была маленькая, но теперь она ждала его иначе.

На столике осталась коробка. Анна попросила поставить её рядом с фотографиями, а не у аппаратуры.

После смены пришла координатор и прочла сообщение от Миры, аналитика фонда, который финансировал речевой проект. Та предлагала познакомиться, без записи и без испытания. Анна помнила её имя из разрешения на демонстрацию: условие о двух фрагментах выполнили.

Она ответила, что встретится на следующей неделе, и отдельно попросила назначить встречу не на утро.

Потом координатор сказала:

– Есть ещё одно обращение. Не по работе.

Она произнесла это осторожно, и Анна сразу устала. Так говорили перед сообщением о новой анкете, которую нельзя заполнить вместо неё, но можно трижды прочесть вслух.

– Через приют. Мужчина ищет прежнюю хозяйку собаки. Нам передали ваш старый контакт.

Анна не пыталась заговорить. На экране ничего не появилось.

– Крупный рыжий пёс, тёмное ухо. Рой.

Имя прошло сквозь комнату, и все предметы оказались не там, где секунду назад. Колонка стояла слишком далеко. Таблица лежала лицом вниз. Координатор уже говорила что-то о совпадении номера, но Анна слышала только: живой.

Она знала, что его отдали на передержку. Потом Кирилл говорил о переезде, о другой женщине, о том, что обязательно разберётся. После очередной операции Анна долго не могла задавать вопросы. Когда смогла, вопросов было слишком много, и Рой оказался среди тех, на которые отвечали: «Ищем».

На экране возникло: «Он дома».

Она отменила.

Не надо говорить за неё даже это.

«Позвоните».

Координатор спросила, кому. Анна выбрала Кирилла.

Он ответил на лестнице. За его плечом хлопнула дверь, и на секунду лицо исчезло из кадра.

– Нашли? – спросил он, прежде чем ему успели объяснить.

Теперь Анна увидела, что он боялся этого разговора давно.

– Я думал, у Светы он пробудет две недели, – сказал Кирилл. – Потом её отец заболел. Она передала знакомой. Я ездил по тому адресу, но они уже…

Он замолчал под её взглядом, но Анна продолжала ждать.

– Я не проверил сразу. Мне сказали, что всё хорошо. Я поверил, потому что хотел, чтобы хоть с ним было хорошо.

Оправдание было правдивым. От этого легче не становилось.

– Я должен был сказать тебе раньше.

Она закрыла глаза, открыла снова. Координатор тихо спросила, оставить ли их одних. Анна отказалась: помощь могла понадобиться.

Кирилл не просил прощения. Стоял на лестнице с пакетом белья и ждал того, что она сможет сказать.

«Сначала собака».

Фраза получилась с третьей попытки.

– Да, – сказал он.

«Разговор потом».

– Хорошо.

На фотографии, которую прислал незнакомый мужчина, Рой сидел возле батареи. У передней лапы лежал отобранный у кого-то тапок. Шерсть на груди была вычесана, тёмное ухо вывернуто. Анна узнала край своей старой шлейки.

Ей захотелось позвать его тем голосом, который лежал теперь в коробке.

Она представила, как пёс бросится к креслу, как остановится, не найдя привычного движения рук. Как будет ждать.

Координатор спросила:

– Написать, чтобы приехали? Сначала согласуем посещение с отделением.

Анна смотрела на тапок, который незнакомый мужчина не отнял у Роя перед фотографией.

– Приведите, – сказала она новым голосом.

Потом, после короткой паузы, добавила:

– Обоих.

Глава 4. Второй ключ

Новосибирск. Ноябрь–декабрь 2037 года.

В пятницу Оскар не пришёл.

Константин освободил возле верстака место для его корпуса, убрал с прохода удлинитель и до половины восьмого разбирал магнитофон одной рукой: второй приходилось придерживать крышку. Потом нашёл деревянную подпорку. Крышка держалась прекрасно, и это почему-то окончательно испортило вечер.

На экране оставалось вчерашнее сообщение: «Муниципальное назначение завершено. Следующий график уточняется». Ни просьбы, ни объяснения, следует ли теперь ждать. Константин трижды начинал ответ и всякий раз стирал. Предлагать помощь человеку, который её не просил, он умел; с роботом это оказалось труднее.

В субботу он пошёл в районный центр, хотя никаких заказов там на этот день не назначали. Администратор встретила его возле стойки с коробкой забытых варежек.

– Проектор опять? – спросила она.

– Оскара ищу.

– Он на базе оператора. У него договор закончился, я же вам говорила.

– Вы говорили про четверг.

– Про ваш четверг. У вас помещение по четвергам, у него обслуживание здания по отдельному договору.

Константин поставил сумку на пол. До этой минуты ему казалось, что робот принадлежит зданию примерно так же, как лестница. Здание никуда не делось, полы продолжали мыть, а Оскар исчез.

Администратор показала новое расписание. Теперь уборку и доставку выполняли другие машины: небольшие, с узкими задачами, почти не разговаривавшие. Оператор предложил району более дешёвый комплект.

– Серый плохой был?

– Хороший. Но универсальную машину держать дороже. Он вам радио помогал чинить, а нам по смете нужен чистый коридор.

Она сказала это без злости, придерживая подбородком телефон. Константин дождался, пока она освободит руку, и попросил адрес базы.

***

Оскар стоял в светлом помещении между двумя высокими тележками. Возле стены лежали снятые колёса, пахло тёплой резиной. Его оранжевый совок висел на крючке вместе с чужими захватами.

– Я думал, ты выбираешь, где интереснее, – сказал Константин.

– Выбираю из доступных назначений.

– И долго?

– Одно предложение уже истекло.

Константин оглянулся, ища, кому предъявить это безобразие. Сотрудница за столом как раз заканчивала разговор о замене аккумулятора. Она предложила ему сесть, но он остался стоять.

– Ему можно у меня работать?

– Для начала скажите, что вы называете работой.

Он рассказал про приёмник, магнитофон и ещё три заказа, появившихся после звонка Веры Ивановны. Про бесплатную диагностику умолчал.

Сотрудница открыла форму. Корпус обслуживала операторская компания; она отвечала за ремонт, страховку и зарядное оборудование. Муниципалитет оплачивал определённые часы и задачи. Когда договор закончился, эти часы пришлось предложить другим заказчикам.

– То есть купить его?

Оскар повернулся к нему раньше, чем ответила сотрудница.

– Вы можете заказать обслуживание. Это не одно и то же.

Константин почувствовал, как у него нагрелись уши.

– Я не так сказал.

– Я потому и уточнил.

Сотрудница не стала помогать им закончить разговор. Подождала и показала расчёт: обслуживание корпуса, резерв на замену деталей, связь, работа оператора. Сумма была больше той, которую Константин за неделю получил за все ремонты вместе.

– За эти деньги я сам могу две руки держать, – сказал он и сразу вспомнил деревянную подпорку.

– Тогда не оформляйте полный день, – ответила она. – У нас есть договоры по часам. Но нужно место с нормальным питанием, перечень задач и ответственный за помещение.

– За помещение я отвечу.

– Вы его арендуете?

Константин вспомнил детские самолёты, пластилин и свой один четверг.

Сотрудница ничего не сказала по его лицу. Просто закрыла расчёт полного дня и открыла другой.

***

На обратном пути они остановились у булочной. Оскару разрешили выезд для осмотра предполагаемого рабочего места, и Константин нёс выданный на базе измеритель, будто одолжил его лично у директора.

У пандуса лежала ледяная ступенька. Оскар оценил её, немного сдал назад и остановился: с грузом, который ему предстояло возить, уклон не подходил. Константин хотел потянуть его за руку, но робот попросил сначала убрать лёд.

Они взяли у дворника скребок. Константин работал короткими ударами, а Оскар держал совок под краем, чтобы осколки не разлетались на дорожку. Прохожая приняла их за работников и пожаловалась на соседний подъезд.

– Мы сегодня только здесь, – ответил Константин.

Когда дорога освободилась, он неожиданно рассмеялся. Именно так они и должны были выглядеть со стороны: старик с муниципальным роботом, который вместо чистого коридора нашёл себе дополнительную работу.

Оскар вернул скребок и спросил:

– Вы хотели бы, чтобы я выбрал мастерскую?

– Я бы зря на другой конец города поехал?

– Вы могли приехать узнать, всё ли в порядке.

Константин помолчал. Раньше он не различал эти причины: помочь человеку и получить его помощь в ответ укладывалось у него в одно длинное движение.

– Хотел бы, – сказал он. – Но на полный день у меня денег нет.

– У вас пока и помещения нет.

– Спасибо, я помню.

Они пошли дальше. На этот раз Константин не предложил роботу держать сумку: спросил, свободен ли захват. Оскар подставил руку.

***

Помещение нашлось в том же центре, за дверью с надписью «Декорации».

Внутри стояла картонная берёза. На верхнюю ветку кто-то повесил пакет с дождиком, внизу пылился трон из фанеры. Константин обошёл его и обнаружил у окна стол, который считал потерянным ещё летом.

Администратор включила свет.

– Театр переезжает. До января освободят. Раньше обещать не могу.

– А если мы сами перенесём?

– Куда?

Вопрос был разумным. Они потратили полчаса на поиск места для трона и выяснили, что без согласия руководительницы студии он не пройдёт ни в одну дверь. Оскар измерил проём и предложил снять подлокотники; администратор спросила, кто потом вернёт их на место.

– Мы, – сказал Константин.

Оскар посмотрел на него.

– Если руководительница разрешит, – добавил он.

К вечеру договорились о пробном использовании комнаты. Ремонтная мастерская получала несколько дней в неделю, театр пока сохранял шкаф и доступ к реквизиту. Плата была посильной только при условии, что они сами приведут помещение в порядок. Никакой обещанной прибыли в документе не было.

Константин подписал заявку, после чего Оскар попросил ещё раз показать раздел с обязанностями.

– Ты думаешь, я не прочёл?

– Я хочу прочитать свои.

Сотрудница операторской компании подключилась по связи. Они согласовали пробные часы: часть недели Оскар работал на другом объекте, часть мог проводить в мастерской. Пока договор проходил оформление, совместные ремонты допускались только в отведённые центром часы.

Это было гораздо меньше, чем Константин уже успел представить по дороге. Он видел готовый верстак, робота у окна и очередь за дверью; в действительности у них имелись фанерный трон, четыре дня ожидания и необходимость заработать на следующий месяц.

Оскар попросил сохранить ему время для обучения ремонту, а не включать его незаметно в обслуживание пола.

– Кто за обучение платит? – спросила сотрудница.

– Я показываю, он помогает, – сказал Константин.

– Это нужно записать подробнее.

Они записывали до тех пор, пока администратор не стала демонстративно надевать пальто.

***

Первым делом Оскар переставил все инструменты.

Отвёртки оказались распределены по размеру, свёрла – по диаметру, коробки – по частоте использования. Константин пришёл утром, протянул руку за плоскогубцами и схватил пустой воздух.

– Зачем ты трогал?

– Теперь путь до нужного инструмента короче.

– Для кого?

Оскар показал схему. В ней человек стоял перед столом ровно посередине и поворачивался одинаково легко в обе стороны.

Константин молча положил плоскогубцы обратно на прежнее место. Потом снял куртку, и робот увидел, как он бережёт левое плечо.

– Здесь неудобно тянуться? – спросил Оскар.

– Здесь я знаю, где лежит.

До обеда они сердились друг на друга с разной скоростью. Константин находил новую переставленную вещь и сердился заново; Оскар пытался получить общее правило и каждый раз слышал исключение.

Развязал дело сломанный штатив для нот. Руководительница студии принесла его вместе с разрешением разобрать трон и попросила вернуть к репетиции. Константин стал проверять зажим, Оскар предложил новую деталь, и оба вдруг обнаружили, что нужный шестигранник исчез.

Они искали его восемь минут. Нашли в кармане Константина.

– Это тоже система? – спросил Оскар.

Старик посмотрел на маленький ключ и нехотя улыбнулся.

После ремонта они нарисовали расположение вещей заново. Часто нужные инструменты остались под правой рукой Константина; общие измерительные приборы получили отдельную полку. Оскар оставил свободное место для ещё не найденного правила и подписал его: «Не переставлять без разговора».

Константин прочёл и не зачеркнул.

***

В среду Оскар пришёл позже обычного: на другом объекте пришлось дождаться замены неисправного зарядного узла. Константин уже закрыл заказ и собирался уходить, но робот попросил показать, как он нашёл обрыв.

Старик включил лампу. Объяснил один раз, затем второй, медленнее. На третьем вопросе почувствовал знакомое раздражение: раньше молодые наладчики тоже спрашивали, почему он проверяет не в том порядке, который указан в инструкции.

– Потому что я слышу, где пропадает, – сказал он.

Оскар предложил записать звук.

Константин хотел отмахнуться, но они всё-таки записали и прослушали. На повторе стало слышно, что щелчок возникает чуть раньше, чем меняется гул. Старик сам никогда не формулировал этого отдельно.

– Вот, – сказал он, наклоняясь к устройству. – Сюда слушай.

Оскар выделил участок и сохранил объяснение вместе с записью. Потом спросил, можно ли указывать Константина автором этого способа проверки.

– Какой я автор, все так делали.

– Тогда напишем, что вы меня научили.

На обратном пути Константин долго рассказывал про человека, который когда-то так же задержался ради него после смены. В рассказе было больше подробностей про неисправный станок, чем про благодарность, но Оскар не перебивал и ни разу не предложил сократить объяснение.

На следующее утро Константин нашёл возле лампы распечатанную схему с его поправками. Внизу было написано, у кого спросить, если по схеме не получается. Он разгладил угол листа и прикрепил его так, чтобы заказчики тоже могли прочесть.

***

Белая чашка приехала из квартиры вместе с настольной лампой.

Оскар высыпал из неё монеты, сложил их в коробочку и наполнил чашку винтами. Константин заметил это вечером, когда наливал себе чай.

– Была же отдельная банка.

– Вы сказали, чашка для винтов.

– Сказал.

Он слишком громко поставил чайник. Оскар не стал сразу искать другую ёмкость, и за это Константин был ему благодарен, хотя объяснить почему не сумел бы.

У батареи спал Рой, недавно взятый из приюта. Пёс пока вздрагивал, когда робот приближался сверху, и Оскар научился оставлять миску на полу в стороне, чтобы Рой мог подойти сам. Константин наблюдал за этим несколько вечеров и видел работу, которую нельзя было включить в оплаченные часы: никто не заказывал терпение возле собачьей миски.

– Можешь оставить чашку себе, – сказал он наконец.

– Для винтов?

– Для чего захочешь.

Оскар вынул винты. Большинство отправил в банку, а один, с необычно широкой шляпкой, оставил на дне.

Константин не спросил зачем.

***

Через неделю им выдали второй ключ.

Пробное расписание ещё оставалось временным, плата оператору уходила из выручки раньше, чем Константин считал собственный заработок. Они не могли позволить себе новую вытяжку и пока отказывались от работ, для которых она требовалась. Полноценная мастерская получалась медленнее, чем разговор о ней.

Зато трон снова стоял на четырёх ножках, у нотного штатива работал зажим, а магнитофон соседа Веры Ивановны отдали вместе с сохранённой записью дачного вечера. Сосед принёс знакомого; знакомый оказался недоволен ценой, но всё-таки оставил чайник.

Константин протянул Оскару ключ с биркой.

– Если раньше придёшь.

– Моё время начинается в десять.

– Я помню.

– Тогда зачем?

Константин посмотрел на тёмное окно. Внутри отражались два светильника, картонная ветка и робот с ключом, который всё ещё ждал достаточного объяснения.

– Чтобы не ждал под дверью, если я задержусь.

Оскар убрал ключ в отделение возле зарядного разъёма. Потом спросил, можно ли оставить на полке маленький переносной приёмник: на другом объекте он привык слушать музыку во время работы.

Константин уже открыл рот, чтобы сказать, что музыка мешает различать звук механизма. Вместо этого спросил, какую.

Они слушали до закрытия. Когда в записи вступили ударные, Оскар чуть изменил положение захватов. Константин заметил, но не стал превращать движение в вопрос.

На следующий день он опоздал на семь минут. В мастерской горел свет, а чайник был поставлен так, чтобы его можно было взять правой рукой.

Глава 5. Две знакомые руки

Новосибирск. Декабрь 2037 года.

Под столом пахло вчерашней рукавицей.

Рыжий пёс Рой вытащил её за большой палец, положил между лапами и лизнул мокрый шов. Рукавица хранила снег, железо и руку Константина, к которому он недавно попал из приюта. Внутри, глубоко, оставался ещё слабый запах хлеба. Рой втиснул нос, фыркнул и перевернул находку.

Над ним скрипнул стул.

– Не ешь.

Рукавица исчезла. Вместо неё на полу оказался узел из толстой верёвки.

Рой отодвинул его носом.

Константин вздохнул и поднялся. Теперь можно было занять тёплое место возле ножки стула. Рой обошёл его, проверяя пол. В щель под шкафом уходила полоска света, а рядом с верстаком лежала круглая холодная вещь.

Рой тронул находку лапой, и она покатилась, щёлкнула о ножку, остановилась. В прозрачной глубине держалось синее пятно. Он ткнул носом снова. Круглое ушло под верстак, где было темнее, и Рой лёг на живот, вытянув передние лапы.

Достав шарик, он покатил его обратно.

Сверху звякнули инструменты. Рой замер, накрыв шарик лапой. Когда звук прекратился, он подцепил его когтем и подтолкнул к нижнему ящику. Там проходила щель, куда тянуло пылью и сухим деревом. Шарик ушёл за край. Рой ещё раз сунул лапу, но дерево мешало. Он втянул воздух, потёр нос о запястье.

У двери стукнули ботинки. Увидев шлейку в руке Константина, Рой вскочил так быстро, что ударился плечом о стул.

– Тише ты. Все пойдут.

Холодная вещь осталась за ящиком.

***

Шлейка означала улицу, но сегодня после неё был поводок, пристёгнутый раньше, чем открылась дверь. Рой несколько раз повернулся вокруг себя, задевая Константина боком.

В квартире уже пахло уходом. Шерстяной шарф, сырая подошва, резкая мазь, которую Константин втирал в пальцы. На столе лежал нетронутый хлеб. Серый, которого Константин звал Оскаром, стоял у порога и держал сумку; от него привычно тянуло нагретым корпусом.

Рой привык к нему не сразу.

В первый вечер после высокого забора, множества собак и чужих рук он заснул в прихожей, положив голову на ботинок. Серый въехал поздно. Колёса прошуршали, рука опустилась сверху, и Рой вскочил с глухим рыком.

Рука остановилась.

Потом серый много раз проходил мимо и не трогал его. Убирал со стола, поднимал упавшее, приносил миску. Перед миской всегда раздавалось короткое «Рой», но есть позволял Константин. Постепенно шорох колёс стал означать, что дом остаётся домом.

Сегодня серый придерживал дверь, пока Рой тянул поводок к выходу. На лестничной площадке пахло соседским котом, которого никогда не удавалось догнать. Константин шёл медленнее, чем хотелось, а на повороте остановился и сменил руку.

Рой тоже остановился. Натяжение поводка ослабло.

– Вот так, – сказал Константин. – Спасибо.

Во дворе снег был исписан запахами. Рой сразу нашёл след небольшой суки из соседнего подъезда и пошёл вдоль него, низко опустив голову. След сворачивал за кусты. Константин – к дороге.

Пришлось выбрать дорогу, но возле остановки Рой замедлился: оттуда тянуло мокрыми куртками, горячей резиной и чем-то сладким из бумажного пакета. Подъехала большая машина. Двери сложились, выпустив тёплый воздух, и пёс поднял голову, перебирая запахи один за другим.

Шаги. Сумка. Женщина в длинной одежде.

Не она.

Ещё женщина.

Рой качнулся вперёд, но поводок натянулся.

– Не сюда. Нам вон та.

Маленькая машина стояла у края дороги. Задняя дверь была открыта. Внутри пахло чужой собакой, вытертой тканью и вчерашней едой.

Рой упёрся.

Константин не тянул поводок: сел боком на край сиденья и подождал. Из его кармана пахнуло сухим мясом.

Рой поставил внутрь одну лапу, потом вторую.

– Теперь моя очередь, – сказал Константин, оказавшись зажатым между собакой и дверью. – Ты бы хоть билет купил.

Серый сложился у переднего сиденья. Сумка встала на пол, двигатель тихо завыл. Рой прислонился плечом к колену.

***

За окном дома двигались слишком быстро.

На поворотах Рой переступал лапами. Ремень придерживал шлейку, не давая дотянуться до переднего сиденья. Константин держал ладонь у него под челюстью, и Рой оставлял на ней тёплую слюну.

В машине было душно.

Окно опустилось на узкую щель. Ворвался воздух – холодный, полный далёких собак, земли под снегом, дыма. Рой жадно втянул его.

– Документы у тебя? – спросил Константин.

– Да, – ответил серый.

– И прививки?

– Да.

– А то приедем, а нам…

– Посещение согласовано.

Константин помолчал и погладил Роя между ушами.

– Это хорошо.

Рой не знал большинства звуков, но рука стала тяжелее. Он повернул голову и лизнул большой палец. От пальца пахло рукавицей, которую отобрали.

На следующем повороте сумка съехала и задела лапу. Рой дёрнулся, но серый придержал её прежде, чем она упала. Ладонь Константина осталась под челюстью. Пёс переступил, устраиваясь теснее, и положил на сумку переднюю лапу. Теперь она не двигалась.

Машина остановилась возле большого светлого здания. За стеклом двигались люди. Двери открывались сами, с мягким толчком воздуха, и каждый раз Рой напрягался.

Выйти хотелось немедленно. Войти не хотелось совсем.

Константин постоял с ним под навесом. Серый проехал вперёд, потом вернулся. Появился другой человек. Рой узнал его раньше, чем увидел лицо.

Сухая ткань. Кофе. Тонкий запах кожи у ремня сумки.

Хвост ударил по ноге Константина.

– Рой, – сказал человек.

Кирилл присел. Рой ткнулся носом в его шею, обошёл сзади, снова ткнулся. Когда-то эти руки пристёгивали поводок перед прогулкой, пока Анна искала ключи. Под знакомым запахом должно было находиться ещё что-то, но было только мыло и холодная улица.

Руки Кирилла обхватили его слишком крепко.

Рой повернул голову.

Руки разжались.

– Прости, – сказал Кирилл.

Он пах знакомо и неправильно: слишком остро, как перед грозой в тесной комнате. Рой шагнул к Константину и вернулся к нему снова.

Двери раскрылись.

***

На входе лапы вытерли влажной тканью.

Рой терпел передние. Заднюю выдернул и оставил на светлом полу растекающийся след. Константин потянулся за ней, не удержал равновесие, и Кирилл подхватил его под локоть.

– Да стою я, – сказал Константин.

Серый подал сухую салфетку.

Рою дали понюхать её прежде, чем коснуться лапы. Это оказалось лучше.

Потом был длинный проход, где пол чуть отдавал под когтями. Слева пахло едой, справа – резкими чистыми вещами, от которых хотелось чихнуть. Рой прижался к ноге, пропуская тележку, на которой что-то тихо звенело.

За одной из дверей засмеялся мужчина, за другой кашлянули.

Рой начал тянуть.

Знакомый запах был слабым. Он терялся за мылом, пластиком, выстиранным бельём. Но оставался. Рой перешёл к другому краю прохода, сунул нос под закрытую дверь.

Не здесь.

Кирилл шёл впереди. Поводок натянулся, потом провис.

В следующей комнате пахло сильнее.

Рой остановился на пороге.

Человек сидел высоко, в большом кресле. Ноги были неподвижны. Руки лежали там, где рукам лежать не полагалось: без ожидания, без привычного движения навстречу.

Рой смотрел.

– Рой, – сказал незнакомый голос.

Звук пришёл сбоку.

Пёс повернул голову к маленькой коробке, втянул воздух. От коробки пахло нагретым пластиком. Человека в ней не было.

– Не зовите пока, – тихо сказал Константин.

Он присел у двери.

Рой посмотрел на него, потом на кресло.

Тёплый запах шёл из-под одеяла, от шеи, от коротких волос. Поверх него лежало много чужого. Рой осторожно приблизился, делая шаг за шагом.

Нос коснулся неподвижных пальцев.

Он замер.

Потом стал обнюхивать руку быстро, с короткими шумными вдохами, добираясь до запястья, до сгиба, до края рукава. Знакомый запах оставался здесь, под чужими, и Рой заскулил, ткнувшись лбом под ладонь.

Ладонь не поднялась.

Он повторил, сильнее.

– Сейчас, – сказал Кирилл.

Чужие руки приподняли знакомую руку, и Рой отшатнулся. Слишком много движений сверху.

Кирилл остановился.

Из коробки раздалось:

– Не надо.

Все замерли.

Рой снова приблизился, уже сбоку, и положил подбородок на край сиденья, там, где можно было коснуться носом колена. Он закрыл рот; знакомый запах входил медленно, вместе с дыханием.

Анна смотрела на него.

Рой видел её глаза.

***

В комнате оказался коврик.

Константин принёс его из машины. Тот самый, на котором Рой лежал возле домашнего верстака; в угол вцепилась короткая нитка, которую хотелось выдернуть. Коврик положили рядом с креслом, и теперь здесь появился кусочек правильного пола.

Рой лёг, не опуская головы.

Люди говорили над ним.

– Нам сказали пятнадцать минут, – произнёс Кирилл.

– Пока можно, – ответила женщина у стены. – Если оба не устают.

– У него со мной только третья неделя, – сказал Константин. – Я вообще сначала на пробу взял. Думал, не справлюсь.

На слове «взял» его рука оказалась возле кармана. Рой сел.

Рука вышла пустой.

– Вот видите. Сразу верит.

Кирилл тихо засмеялся.

Анна долго молчала. Потом коробка сказала:

– Зря.

В голосе не было ничего знакомого. Но люди засмеялись снова, и воздух в комнате переменился. Константин наконец достал кусочек, разломил его, спросил у Кирилла, можно ли. Кирилл посмотрел на Анну.

Она ответила.

Рой получил половину. Вторую Константин убрал.

Пёс понюхал его пальцы на случай ошибки.

Из сумки вынули верёвку с узлом. Она упала возле коврика, подскочила. Рой поймал её, встряхнул и подошёл к Анне.

Рука не двигалась.

Он подождал и отпустил верёвку у кресла, не отводя глаз от неподвижной руки.

Потом взял её сам и резко мотнул головой. Узел отлетел к стене. Рой бросился следом, остановился на скользком полу, вернулся мелкими шагами. Снова положил добычу у кресла.

Из коробки послышался короткий звук, потом слова:

– Нечестно. Сам себе бросаешь.

Кирилл поднял верёвку.

Рой напрягся, следя за рукой. Бросок оказался коротким – можно было успеть раньше, чем узел перестанет двигаться.

Константин сидел у стены. Анна пахла совсем близко. Рой принёс верёвку ещё раз.

***

Когда Константин встал, Рой немедленно перестал играть.

Старик надел шапку. Шапка означала дверь. Рой подошёл к его ногам, затем оглянулся на кресло.

– Я только воды наберу, – сказал Константин.

Он взял пустую миску.

Рой пошёл за ним.

Поводок остался у Кирилла. Возле порога пришлось остановиться. Константин исчез, и пёс рванулся, коротко вскрикнув. Когти заскользили. За спиной звучали голоса, но дверь уже закрывалась.

Кирилл встал, открыл её шире.

В проходе показался Константин.

– Ты чего? Тут я.

Рой прижался к его коленям, толкнул миску носом, пролил воду. Потом бросился обратно к креслу, проверил запах руки. Снова к двери.

Она оставалась открытой.

В груди ещё толкалось. Рой ходил между двумя местами, не находя такого, откуда можно удержать оба сразу.

Люди замолчали.

Потом коробка сказала:

– Не уводите резко.

– Я не собирался, – ответил Кирилл.

– Я не вам.

Константин поставил миску на пол.

– Я понял.

Он снял шапку.

***

Позже Рой пил, опуская нос слишком глубоко, и чихал в воду. Константин вытирал лужу ногой через салфетку. Кирилл рассказывал что-то спокойным голосом. Серый стоял возле открытой двери, не давая ей закрыться.

– Домой его сегодня я заберу, – сказал Константин. – Если вы согласны. А привозить могу. Только не утром, у меня выгул и очередь в…

– Вечером, – сказала Анна.

– По вторникам и субботам?

Она ответила не сразу.

– Сначала суббота. Посмотрим.

– Хорошо.

– И коврик оставьте.

Константин посмотрел вниз.

Рой уже лежал поперёк коврика, вытянув лапы к креслу. Одно ухо следило за дверью. Второе было прижато к ткани.

– У него другой есть, – сказал старик. – Дома.

– Я куплю, – начал Кирилл.

– Да есть у него.

Кирилл замолчал.

Рой выдохнул и положил голову на лапы. Сон приходил короткими тёплыми провалами. Каждый раз перед ним пёс поднимал веки: ботинки на месте, кресло на месте, рука рядом.

В один из таких раз пальцы коснулись шерсти.

Кто-то помог Анне положить ладонь ниже. Она не гладила, но рука лежала на шерсти, лёгкая и тёплая.

Рой перестал следить за дверью.

Константин что-то рассказывал у стены. Из коробки ответили. Голос был новый, запах – знакомый. Потом опять заговорил Константин.

На этот раз Рой уснул до того, как тот закончил.

Глава 6. До девяти

Новосибирск. Декабрь 2037 года – январь 2038 года.

В последний день работы Павел Ершов дважды прошёл через турникет.

В первый раз он вышел вместе со сменой, держа под мышкой коробку с кружкой, перчатками и зарядным проводом. На стоянке обнаружил, что пропуск остался на шее. Вернулся сдать его, а охранник махнул рукой: проходите, Павел Сергеевич, вас пока не закрыли.

Это «пока» оказалось тяжелее коробки.

За стеклом шёл обычный рабочий день. Под потолком двигались контейнеры, тележки входили в развилки без остановки, на стене сменялись номера ворот. Ни один груз не задержался из-за того, что Павел больше здесь не работал.

Он руководил логистической сменой: двенадцать человек принимали товар, разбирались с повреждениями, искали пропавшие места и вовремя замечали, когда красивый план расходился с содержимым машины. Два года назад он сам добивался, чтобы автоматическое распределение перестало присылать тяжёлые палеты на неудобные ворота. Система научилась учитывать ограничения, и он гордился тем, что к вечеру люди меньше ругаются и реже уезжают с больной спиной.

Потом несколько складов объединили в одну сеть. Планирование, приёмка и большая часть перемещений стали общей службой; людей оставили там, где груз требовал нестандартного решения. За такими случаями теперь следила одна группа сразу на нескольких площадках.

Павлу предложили место в другом городе, затем неполную неделю здесь. Он отказался от переезда и согласился на неполную неделю. Через три месяца исчезла и она.

В отделе кадров это называли завершением перехода.

– Что вы хотите, чтобы я подписал? – спросил он.

Сотрудница повернула документ. Расчёт, компенсация, перечень предложенных вакансий. Ни одна строка не утверждала, что его двенадцать человек работали плохо. Павел перечитал всё именно ради такой строки и не нашёл её.

Когда он вышел второй раз, пропуска на шее уже не было.

***

Дома он сказал, что меняется график.

Это было почти правдой, и несколько дней «почти» помогало ему завтракать. Павел надевал привычную рубашку, проверял погоду и выходил в то же время. Коробку оставил в камере хранения у вокзала. Забрать её сразу значило ответить на вопрос, зачем он принёс домой рабочую кружку.

По утрам город не выглядел местом, где закончилась работа. Возле остановки ремонтировали трубы, в магазине разгружали хлеб, женщина в аптеке спорила с доставкой. На панели вакансий тоже было много предложений. В одних требовалась другая подготовка, в других – переезд, в третьих слово «заработок» означало верхнюю границу суммы, которую ещё нужно было получить заказами.

Павел помнил, как всё начиналось с обещания, что освободившегося времени станет больше. Новые системы сначала убрали ночные смены, потом целые отделы, а за ними работу у тех, кто обслуживал эти отделы. Люди откладывали покупки, предприятия теряли покупателей и снова сокращали расходы. На складе это было видно по ячейкам: места хватало, заказов становилось меньше.

Первые прямые выплаты он встретил с облегчением. Газеты называли их вертолётными деньгами; в семейном бюджете это были продукты и платёж за квартиру. Потом выплаты увеличивали, а на те же продукты их хватало всё на меньшее время. Деньги поступали быстрее, чем восстанавливались поставки, жильё и услуги, которые нельзя было получить одним обновлением программы. Где-то рост цен ещё удерживали, где-то он перешёл в гиперинфляцию. Менялись курсы валют и условия расчётов, закрывались поставщики, поднимались цены у тех, кто остался.

Позже этот провал назвали мировым кризисом. Павел запомнил его по двум сообщениям на одном экране: первое обещало очередную поддержку, второе предупреждало, что привычный заказ теперь дороже. Он закрыл оба и пошёл пересчитывать деньги.

До этого новости о новых ИИ выходили каждую неделю. Затем объявленные модели перестали появляться в продаже. Заказы на дорогие корпуса отменяли, исследовательские группы распускали, готовые разработки оставляли ждать производства. Знания не исчезли, но прежняя гонка остановилась: у большей части мира не осталось возможности за неё платить. Крупные фонды ещё удерживали отдельные лаборатории, а городам предстояло заново устроить налоги, поддержку и работу.

На вводной встрече Ника называла это экономической перезагрузкой. Павел спросил, сколько она займёт.

– Я не знаю, – ответила она. – Курс не вернёт прежний склад. Мы можем помочь найти работу, за которую кто-то уже готов платить, и дать время её освоить.

Ему не понравился ответ. Позднее он всё же записал адрес.

Он откликнулся на шесть мест. В двух случаях с ним разговаривала машина, в одном – человек по подготовленному машиной списку вопросов. Оба способа оказались одинаково способны вежливо закончить беседу.

Четвёртый помощник не предложил Павлу стать программистом. Попросил показать, чем он занимался на самом деле, и помог разобрать обязанности на отдельные навыки. Получилось неожиданно много: планирование очереди, проверка поставщика, разбор претензий, работа с ограничениями оборудования.

Павел сохранил список. От него не стало легче платить за квартиру, зато впервые за неделю захотелось поправить собственное резюме.

В центре занятости ему показали короткую программу по организации заказов у распределённых производств. Обучение оплачивалось, проезд на занятия возмещали. Работа после выпуска не гарантировалась; это было написано внизу, и Павел сначала обиделся на честность строчки.

– А что гарантируется? – спросил он.

Консультант перечислила часы занятий, доступ к учебным системам и проверку выполненных заказов. Потом убрала рекламный буклет, который лежал поверх расписания.

– Если это не ваше направление, можно выбрать другое. Только давайте решим по содержанию, а не по названию.

Павел взял расписание домой. Сказал, что предприятие направило его учиться.

На этот раз неправда потребовала целого предложения.

***

В учебной комнате было жарко. У людей, пришедших с улицы, долго не проходил румянец, и Павлу казалось, что все стесняются одинаково.

За соседним столом женщина пыталась увеличить шрифт. Она раньше составляла сметы и теперь осваивала новые системы проектирования. Мужчина у окна чинить ничего не собирался: хотел научиться рассчитывать короткие производственные серии для семейного дела.

Ещё один слушатель ушёл после вводного занятия, потому что работа по вечерам мешала забирать ребёнка. Никто не назвал его недостаточно гибким; преподаватель помог подобрать другой поток.

Павел заметил это и впервые перестал ждать подвоха в каждой фразе.

В первый день им дали простую задачу: заказать двадцать одинаковых кронштейнов. Учебный помощник за несколько секунд предложил маршрут изготовления, цену и срок.

– Кто готов отправить? – спросила преподавательница.

Половина группы подняла руки. Павел тоже.

Им показали вторую страницу задания: кронштейны должны были работать снаружи, под нагрузкой, на старых посадочных местах. Часть размеров отсутствовала. Самый дешёвый маршрут предусматривал только заготовки, а срок не включал окончательную обработку и доставку.

Павел опустил руку.

Он прекрасно знал такую ошибку. На складе ему самому приносили документы, в которых «передано перевозчику» незаметно превращалось в «доставлено». Но здесь экран выглядел убедительно, и знакомая уверенность подвела раньше, чем чужая программа.

– Значит, помощнику нельзя доверять? – спросил кто-то.

Преподавательница вернула им первую страницу.

– Ему задали неполную задачу. Сейчас вы можете уточнить условия, получить новый расчёт и решить, что ещё нужно проверить.

Они уточняли до обеда. Павел нашёл неверную упаковку, женщина со сметами – неучтённую обработку поверхности. Система пересчитала варианты, сохранив причины изменения цены. За полтора часа у них появился заказ, который Павел согласился бы принять на своей прежней работе.

После занятия он не сразу закрыл экран. Ему нравилось это чувство: видеть, где результат ещё может развалиться, и успевать подложить опору.

Оно не исчезло вместе с пропуском.

***

После занятия Павлу позвонил бывший подчинённый.

Тот устроился обслуживать машины на соседней площадке и хотел уточнить, где осталась старая ведомость по повреждённой партии. Павел помнил не только папку, но и человека, который перенёс туда записи.

– Ты как? – спросил собеседник, получив ответ.

Павел почти сказал «нормально», потом признался, что ходит на курс.

– Нам бы тебя. Тут половина смены новые, каждый случай с начала разбираем.

– Так попроси начальника.

На том конце замолчали. В новой схеме отдельного места для такой работы не было. Можно было заказать несколько часов консультации, если сначала оформить потребность и согласовать оплату. Собеседник обещал выяснить порядок.

Павел положил телефон и остался сидеть в учебном классе. Его знания по-прежнему были нужны, только раньше за ними стояли должность и месячная зарплата, а теперь каждый час требовал нового доказательства.

Преподавательница собирала кабели. Он попросил задержаться и показать, как составляют предложение на разовую работу.

Они не стали придумывать ему новую профессию. Записали задачу, результат, срок и то, чего Павел не сможет обещать без доступа к документам. Сумма получилась небольшой,

однако он впервые посмотрел на неё как на цену собственного труда, а не как на оценку всей прожитой жизни.

Заказ тогда не состоялся: согласование затянулось. Павел сохранил черновик и на следующем занятии попросил проверить, не забыл ли расходы на дорогу.

***

Ника Зорина приехала к группе перед выпуском.

Руководительница программы оказалась моложе, чем Павел ожидал по письмам. Она выслушала преподавательницу, посмотрела выполненные задания и спросила у людей, что оказалось бесполезным. Слушатели молчали, пока женщина со сметами не указала на час вводного рассказа о профессиях будущего.

– Мы уже сюда пришли, – сказала она. – Можно было сразу начать.

Ника записала. Павел подумал, что запись ничего не доказывает, но всё-таки добавил: хорошо бы показывать расчёты не только для полного рабочего дня. Многие предложения состояли из нескольких часов и отдельных заказов, а расходы оставались месячными.

– Это важная поправка, – ответила Ника.

Ему хотелось услышать не оценку поправки, а готовое место. Он понимал, что она не достанет его из сумки, и от этого сердился ещё сильнее.

После проверки заданий им выдали документы. Фотограф попросил встать у окна. Павел сначала отказался, потом решил, что выглядит нелепо: курс он закончил, задание сделал сам, стыдиться здесь было нечего.

Разрешение касалось фотографии выпускной группы. Он прочёл форму, прежде чем подтвердить. Ни новой работы, ни устойчивого дохода у него в этот день не было.

По дороге домой он купил папку для диплома и положил её в портфель поверх контейнера с едой.

***

Мастерскую Павел заметил ещё во время занятий.

Дверь за лестницей обычно стояла приоткрытой. Из комнаты доносился то гул сверления, то спор о цене, то музыка, которую пожилой мужчина выключал перед проверкой механизма. На двери висел лист с часами приёма, переписанными несколько раз.

Павел начал задерживаться на скамье напротив. Там было тепло, никто не требовал немедленно купить кофе, а до обычного времени возвращения домой оставалось три часа.

Однажды из комнаты вышел робот с коробкой и остановился возле его ног.

– Вы ждёте заказ?

– Нет, спасибо.

Робот объехал скамью. Павел почувствовал себя человеком, которого вежливо попросили освободить место, хотя такого не говорили.

Через несколько минут мужчина в рабочем жилете выглянул из двери.

– Если на занятия, сегодня отменили.

– Знаю.

– Тогда чего сидеть в коридоре? Заходи, там стул есть.

Его звали Константин Белов. Он чинил настольный светильник и не спрашивал, почему взрослому человеку некуда идти среди дня. Павлу это понравилось, и он сразу решил уйти через пять минут.

Остался на сорок.

Сначала Константин попросил придержать коробку, потом ответить на звонок, пока руки заняты. Женщина спрашивала, когда забирать кофемолку. На столе стояли две, и Павел записал фамилию, модель и номер телефона.

– Я бы вспомнил, – сказал Константин, взглянув на бумажку.

– Теперь можно не вспоминать.

Робот возле окна чуть повернул корпус.

– Меня зовут Оскар. Здесь сообщения лучше оставлять справа от лампы. Слева их иногда закрывают деталями.

Константин пробормотал, что детали хотя бы не звонят каждые десять минут. Павел отнёс бумажку направо.

***

На следующий день он принёс ноутбук.

Сказал, что хотел проверить одну систему после курса. Это было правдой, но не всей: дома он всё ещё уходил на «смену», а в мастерской хотя бы знал, куда поставить портфель.

Константин получил счёт за изготовление втулки и собирался подтвердить его, не заметив доставку из другого города. Павел нашёл местное окно, сравнил материал и срок, после чего выяснилось, что разница почти покрывает час работы мастера.

– Вы логистикой занимались? – спросил Оскар.

– Занимаюсь, – ответил Павел.

Слово выскочило привычно. Он уже собирался поправиться, но Константин позвал смотреть размеры.

Так началась его помощь. Сначала несколько звонков, потом таблица заказов, затем договорённость приходить на следующий день. Деньги они не обсуждали. Павел называл это подготовкой к собственному делу, хотя не смог бы объяснить, что именно в этом деле будет его.

В анкете после курса стоял вопрос: участвует ли он в оплачиваемой работе, собственном проекте или подготовке к запуску дела. Он выбрал «да» и отправил ответ, не чувствуя, что соврал. По крайней мере одной части вопроса происходящее соответствовало.

Константин тем временем поставил рядом чашку чая.

– Сахар?

– Одну ложку.

– А говорить нельзя было? Второй день несладкий пьёшь.

Павел посмотрел на экран с отправленной анкетой, потом на свою чашку. Вопрос оказался простым и почему-то очень неудобным.

***

Вечером он забрал коробку из камеры хранения.

На дне лежал старый пропускной шнурок без карточки. Павел намотал его на зарядный провод и аккуратно убрал кружку в портфель. Дома можно было сказать, что на предприятии меняют посуду, но от этой мысли его затошнило.

Он позвонил с улицы и предупредил, что задержится на полчаса.

– На работе? – спросили дома.

Павел смотрел на освещённые окна районного центра. На одном подоконнике стояла картонная берёза, рядом двигалась серая рука Оскара.

– По дороге, – сказал он.

Это был маленький ответ, в котором он хотя бы не назвал склад.

В мастерскую он вернулся уже перед закрытием, только чтобы оставить кружку. Константин вытирал верстак и долго искал, куда положил ключ.

Павел увидел его возле телефона, но не стал произносить торжественную речь о пользе порядка. Подал ключ вместе с листом завтрашних заказов.

– Я утром зайду, если можно.

– Мы в десять открываем.

– Я раньше. Подожду.

Константин хотел что-то возразить, потом посмотрел на портфель и только кивнул. Разговор о том, за какую работу здесь платят, они снова отложили.

Павел ушёл домой с пустой коробкой. Она была неудобной, цеплялась углом за пальто и всю дорогу напоминала: однажды всё-таки придётся принести домой не новую версию графика, а правду.

Глава 7. Портфель

Новосибирск. Февраль 2038 года.

К февралю Павел Ершов приходил в мастерскую к девяти и уходил в шесть. После курса и первых случайных поручений у него появились постоянные дела: Константин всё чаще оставлял ему разговоры с заказчиками, потому что Павел помнил, кому обещали позвонить и о какой цене ещё не договорились.

Мастерская открывалась в десять. Первую неделю он ждал на скамье напротив, положив портфель на колени. Потом Константин дал ему ключ, потому что смотреть на человека, который каждый день мёрзнет из приличия, стало невозможно.

Теперь Павел включал свет, проверял сообщения и ставил чайник. За это ему не платили, что Константин считал временным неудобством. Павел называл происходящее помощью на этапе становления.

Оскар однажды спросил, когда этап закончится.

Оба ответили: скоро.

Сегодня Павел разложил на столе четыре бумажки.

– Вот эти двое придут после обеда. С этим надо согласовать цену. А это ваш заказ, который вы забыли записать.

– Не забыл. В голове держу.

– Вчера держали до вечера. Женщина звонила мне.

Константин снял шапку и посмотрел на четвёртую бумажку.

– Я ей ничего не обещал.

– Она говорит, обещали посмотреть.

– Посмотреть и починить – разные вещи.

– Поэтому я написал «осмотр».

Оскар проехал между ними, держа разобранную настольную лампу.

– Удобнее, когда различие записано.

– Вы сговорились, – сказал Константин.

Рой, лежавший возле батареи, поднял голову и снова улёгся, убедившись, что ругают не его.

Мастерскую теперь занимали каждый будний день. Маленькое помещение при районном центре прежде служило складом декораций. За шкафом до сих пор стояла картонная берёза, а под потолком тянулся забытый провод от новогодней звезды. Константин хотел снять провод, но руки не доходили. Заказы мешали улучшать мастерскую, и это было приятно.

Павел посмотрел на часы.

– До клиентки двадцать минут. Покажете механизм?

Константин принёс коробку с разломанной зубчатой рейкой от старой ручной переплётной машины.

***

Машину несли вдвоём: женщина в красном пуховике держала переднюю часть, её взрослый сын – заднюю. Они спорили ещё в дверях: сын хотел заказать новое устройство, мать говорила, что новое сначала нужно где-то поставить.

– Здесь у меня прижим понятный, – сказала она. – Чувствую рукой, когда хватит.

– А потом рукой чувствуешь, как оно ломается, – ответил сын.

– Оно тридцать лет не ломалось.

Оскар помог поставить машину на стол. Константин повернул рукоять. Та прошла половину круга и остановилась.

– Дальше не давите, – сказал Павел.

Константин посмотрел на него.

– Я вижу.

Возражать он не стал и убрал руку. Зубья на рейке выкрошились возле старой трещины: кто-то уже пытался усилить деталь пластиной, просверлив два отверстия слишком близко к краю. Константин провёл ногтем по излому.

– Кто делал?

Женщина подняла руку.

– Без комментариев.

Он кивнул.

– Сколько стоит? – спросил сын.

Константин начал считать в уме материал, обработку и втулки, по привычке пропустив время на разборку.

Павел положил перед ним лист, где это время уже было учтено. Сумма получалась неприятная.

– Это без доставки, – уточнил Павел.

Женщина спросила, можно ли забрать в пятницу. У неё дети делали собственные книжки, и к воскресной выставке нужно было собрать двадцать экземпляров.

– Можно, – сказал Константин.

Оскар повернул захват.

– Если подтвердится производственное окно.

– Подтвердится.

Павел не сказал ничего. Только обвёл пятницу.

***

После ухода клиентов он открыл заказ на изготовление.

Сканирование заняло меньше времени, чем очистка старой детали. Оскар построил модель, отметил разрушенные участки. Константин дважды менял профиль зуба: по обломкам система предложила красивый изгиб, которого не было на сохранившейся части.

– Здесь не украшение, – сказал он.

– Здесь недостаточно поверхности для точного восстановления, – ответил Оскар. – Нужен ответный элемент.

Принесли ответную деталь, сравнили сохранившиеся участки и исправили модель.

Павел тем временем нашёл свободное окно у производственной службы и выбрал материал.

Оскар подошёл к экрану.

– Покажите ещё раз условия обработки.

Павел вернулся на предыдущую страницу.

– Всё там есть.

Робот молчал.

Павел перечитал строчку с условиями, затем соседнюю и убрал галочку.

– Это только заготовка, – сказал он.

– Да.

– После неё ещё обработка посадочных мест.

– Да.

Константин хотел вставить замечание, но увидел, как Павел побелел возле рта, и занялся винтом. Ошибка была обыкновенная, а Павел относился к ней так, словно его поймали на подделке диплома.

Оскар показал другой маршрут изготовления.

– На день дольше. Зато всё в одном заказе.

– В пятницу успеем, – сказал Павел.

На этот раз он сначала проверил.

***

В половине шестого Павлу позвонили.

Он вышел в коридор, прикрыв дверь не до конца. Константин не слушал, пока не услышал слово «смена».

– Нет, сегодня без задержки. Уже заканчиваем.

Пауза.

– Да нет, обычный день.

Ещё пауза.

– Куплю. Я помню.

Павел вернулся, взял портфель. Внутри что-то плоско стукнуло о стенку: контейнер для еды. Днём он не открывал его. Ел принесённые Константином бутерброды и говорил, что в столовой плотно позавтракал.

– Ты где работаешь-то? – спросил Константин.

Павел застегнул портфель.

– В смысле?

– Смена где у тебя?

– Я вам говорил. Логистика.

– Ты с утра здесь.

Павел поднял глаза. Несколько секунд Константин ещё мог сделать вид, что вопрос задан из любопытства. Потом стало поздно.

– Сейчас переходный период, – сказал Павел.

– Понятно.

– Нет, непонятно.

Он взялся за ручку двери.

Константин хотел сказать, что сам через это прошёл. Вместо этого спросил:

– Дома знают?

Павел вышел.

Рой подошёл к закрытой двери, понюхал снизу и вернулся на коврик.

– Не надо было? – спросил Константин у Оскара.

– Вы хотели узнать или предложить помощь?

Константин начал складывать инструменты один за другим, с непривычной аккуратностью.

– Сам не знаю.

***

В четверг привезли деталь.

Павел пришёл как обычно и, не заговорив о вчерашнем, принялся проверять маркировку материала. Нашёл в документах отчёт измерений и попросил Оскара сохранить его рядом с заказом.

Рейка входила туго.

– Дай старый чертёж, – сказал Константин.

– От этой машины нет чертежа.

– Не от машины. В синей папке, внизу. Там по посадкам таблица.

Павел достал папку и раскрыл её на середине.

Константин держал обе детали и заметил тишину не сразу.

– Нашёл?

Павел положил перед ним пожелтевший лист.

Сверху стояло название предприятия. Внизу – фамилии и подписи. Константин узнал свою: тогда он ещё писал все буквы.

– Вы там работали?

– Сорок лет.

– На внедрении?

Константин отложил рейку.

– На многом.

– Участок автоматической подачи. Вот ваша подпись.

– Моя.

Павел посмотрел на стол, на новую деталь, на серый корпус Оскара.

– А я вам рассказывал.

Константин помнил его рассказ о складе: сначала оптимизация смен, затем предложение перейти на неполную занятость, а после – сообщение, что мест нет. Помнил, как кивал, не уточняя название холдинга. Было удобнее не уточнять.

– Ты про склад рассказывал. Я линию налаживал.

– Один комплекс. Потом от линии дальше пошли. Приёмка, перемещение, отгрузка.

– Знаю.

– Значит, знаете.

Павел говорил тихо. От этого Константину хотелось повысить голос.

– Ты хочешь, чтобы я извинился за работающий станок?

– За то, что сидели и слушали.

– А что мне надо было сказать?

– Что вы там были.

За дверью зашумели дети. Кто-то дёрнул ручку, увидел людей и отступил. Павел закрыл папку.

– Я смену собрал. Двенадцать человек. Двух вытаскивал из постоянных опозданий, одного отучил ставить груз как попало. Потом мне прислали схему. Там мы были узким местом.

Константин провёл пальцем по старой подписи.

– На линии людям пальцы отрывало. Я видел. Мы подачу закрыли, человека оттуда убрали. И правильно сделали.

– А куда убрали?

– Не я решал.

Павел кивнул.

Это было хуже возражения.

– Тебе робот виноват? – спросил Константин.

– Я с вами разговариваю.

Оскар стоял рядом с разобранной машиной. Не вмешивался.

– Вы хотите, чтобы я сейчас сказал спасибо за прогресс, – продолжил Павел. – А я хочу домой прийти и сказать, сколько заработал. Не сколько мне назначили. Не какую программу предложили. Сколько я заработал.

Константин почувствовал, как затвердели плечи.

– Здесь пока никто золотых гор не обещал.

Павел посмотрел на четыре бумажки с заказами.

– Здесь вообще ничего не обещали.

Он надел пальто. Портфель оставил под столом.

Константин услышал, как открылась наружная дверь, и только после этого заметил портфель.

***

Рейку он едва не испортил.

Взял напильник, сделал два движения, остановился. Проблема могла быть не в детали, а в перекошенной направляющей. Надо было измерить. Он знал это до того, как взял напильник.

Оскар подал прибор.

– Не говори, – сказал Константин.

– Я не собирался.

Замер показал перекос. Константин сел.

До закрытия оставалось сорок минут. Машина лежала разобранная. В пятницу клиентка собиралась переплетать детские книжки, и ей было безразлично, кто когда помог автоматизировать завод.

Он позвонил, предупредил, что выдача будет вечером. Не объяснил почему.

Лидия, бывшая жена Константина, появилась без звонка. Она нашла в кладовой две его старые рабочие рубашки и принесла их в пакете.

– Выкинула бы, – сказал он.

– Тогда ты бы сказал, что ещё хорошие.

Она посмотрела на машину.

– Не получается?

– Получается.

– Значит, поссорились.

Константин хотел спросить, откуда она знает, но Лидия уже поставила пакет на пустой стул.

Он рассказал быстро, пропуская слова, от которых делался неправ. Лидия не перебивала, и под её молчаливым взглядом пришлось вернуть часть пропущенного.

– Я же не должен говорить, что зря работал.

– Не должен.

– Он этого и хочет.

– Он тебе так сказал?

Константин помолчал.

Лидия вынула рубашку, расправила рукав. На локте стояла её старая заплата.

– Ты когда меня не слышал, тоже начинал объяснять, почему правильно починил насос.

– При чём здесь насос?

– Вот именно.

Она положила рубашку обратно.

– Павел здесь что делает?

– Заказы. Сроки. С людьми умеет.

– За сколько?

– Пока не определились.

– Ты не определился или он?

Константин отвернулся к машине.

Лидия не стала ждать ответа. У неё была репетиция.

Перед уходом она наклонилась к Рою, почесала тёмное ухо.

– Этот хоть знает, где ужин.

***

Утром в мастерской горел свет.

Павел стоял у стола без пальто. Перед ним лежала направляющая. Он не трогал механизм: сверял документы, отмечая размеры на распечатке.

Константин снял шапку.

– Портфель пришёл забрать?

– Детей жалко. Двадцать книжек.

– Там перекос.

– Вижу. Оскар показал измерения.

Робот повернулся от зарядного места.

– Я не говорил, что вы уже исправили его. Потому что вы ещё не исправили.

– Умеешь поддержать, – сказал Константин.

Он положил на стол хлеб.

Павел остался стоять.

– Я не буду объяснять тебе, что увольнение полезное, – сказал Константин. – Но и подпись свою прятать больше не буду.

– Уже не спрячете.

– Да.

Он достал лист с расчётами на чистом обороте направления из центра занятости.

– Вот сколько можем платить сейчас. За приёмку, поставки, выдачу. Часы отдельно запишем. Не полный день, на полный денег нет.

Павел не брал лист.

– Это потому, что вчера?

– Потому, что ты работаешь. А вчера я это услышал.

– Про долю здесь что?

– Если выручка выше этой суммы. После аренды и материалов. Надо нормально оформить. Не на обороте.

Павел сел.

– А Оскар?

– С оператором отдельный договор. Вот. Я пока не понимаю, сколько до самого Оскара доходит.

– Тогда и это разберём.

Они ещё долго считали. Обнаружили, что Константин дважды забыл расходники и один раз собственное время. Павел занёс всё в таблицу. Потом открыл контейнер из портфеля.

– У меня котлеты. Будете?

***

К вечеру прижим двигался ровно.

Оскар проверил ход без нагрузки. Константин подложил пробный блок, потом второй, толще. Павел записал предел усилия и прикрепил рядом с рукоятью небольшую метку.

Клиентка приехала одна. Повернула рукоять, нахмурилась.

– Легче стало.

– Направляющую выправили, – сказал Константин. – Давить теперь надо меньше.

Она попробовала ещё раз, уже осторожно.

– Вот так?

– Так.

Павел выдал документы. Деньги пришли, и три цифры в таблице перестали быть предположением.

После закрытия он позвонил домой прямо из мастерской.

Константин занялся уборкой на другом конце комнаты.

– Я тебе не всё говорил, – произнёс Павел.

Пауза тянулась долго.

– Нет. Послушай. Я сейчас выйду и приеду. Расскажу нормально.

Убрав телефон, Павел несколько секунд сидел неподвижно.

Константин хотел дать совет, но вместо этого протянул портфель.

Павел взял его.

– В понедельник в девять?

– В десять. Мы с десяти платим.

– Я всё равно раньше приду.

– Тогда с половины десятого запишем. Чайник сам себя не поставит.

Оскар повернул захват.

Константин поднял ладонь.

– Знаю. Может.

Павел впервые за два дня засмеялся. Потом проверил, не осталось ли чего на столе, и пошёл домой.

Глава 8. Успешный отчет

Новосибирск. Апрель 2038 года.

На фотографии Павел Ершов стоял у окна с дипломом.

Ника Зорина помнила этот снимок. Она руководила программой переобучения, и фотографии выпускников служили привычным завершением каждого курса. Фотограф попросил поднять документы выше, но Ершов, бывший работник логистики, остался держать свой на уровне живота, словно опасался закрыть им лицо. Тогда ей это понравилось: взрослый человек, который не собирается изображать школьника.

Теперь он просил убрать фотографию.

Сообщение пришло за два часа до заседания. Ника прочла его в машине, пока водитель искал место у районного центра.

«Я разрешал использовать фото после курса. Подпись про устойчивое трудоустройство мне не показывали».

В сообщении не было ни обвинения, ни угрозы; внизу Павел оставил номер телефона.

Она открыла отчёт. Рядом с фотографией действительно стояла эта подпись. Ещё вчера Ника правила на том же развороте цвет диаграммы: слишком праздничный зелёный плохо различался на проекторе. Смысл слов не вызвал вопросов.

В карточке Ершова с января горела отметка «занят».

Ника позвонила.

– Павел, добрый день. Зорина, программа переобучения. Можно пять минут?

– Если про съёмку, я уже написал.

– Я рядом. Вы в мастерской?

Он помолчал.

– До одиннадцати. Потом поставка.

Она посмотрела на часы.

– Успею.

Папку с распечатанным выступлением Ника оставила в машине. Вернулась за ней, потом снова оставила. Ей не нравилось, что маленькое решение заняло столько времени.

***

Павел сидел за столом у входа в ремонтную мастерскую Константина Белова. Диплома на стене не было.

На стене висела очередь заказов, инструкция к огнетушителю и картонная берёзовая ветка. Под столом лежала собака. Когда Ника вошла, пёс посмотрел на её пакет, убедился, что тот пуст, и разочарованно отвернулся.

– Фотографию снимем сегодня, – сказала она.

– Хорошо.

Павел дождался, пока Ника сядет на свободный стул; обещание убрать снимок он выслушал, но разговор явно не считал законченным.

– В январе вы подтвердили, что заняты.

– Подтвердил.

– А договор здесь появился в феврале?

– В конце февраля.

– Значит, в анкете…

Павел развернул свой экран и без поисков открыл сохранённую анкету. Очевидно, за последнее время ему уже не раз приходилось перечитывать этот вопрос.

«Участвуете ли вы сейчас в оплачиваемой работе, собственном проекте или подготовке к запуску дела?»

– Участвовал, – сказал он. – Помогал. Бесплатно. Вы спросили сразу про три разных вещи.

Ника перечитала вопрос, пытаясь вспомнить, почему на рабочей встрече он звучал иначе. Или иначе звучало его объяснение. Саму форму она утверждала вечером, между двумя звонками.

– Это должно было считаться переходом к занятости, – сказала она.

– А в газете я уже работаю.

– Подпись не я писала.

Она услышала себя и замолчала.

Павел молчал, не давая ей удобного повода перейти к чужой ошибке.

Из глубины мастерской вышел Константин, вытирая пальцы.

– Вы из программы?

Ника представилась.

– Мне ваши курсы предлагали, – сказал он. – Учиться вопросы задавать.

– У нас много направлений.

– А помещение одно. Нам здесь крышу бы перестали капать.

Он указал на таз возле окна.

Ника посмотрела вверх. На потолке темнело пятно. Капель сейчас не было, но на краю таза оставалась свежая дорожка.

– Я могу узнать у…

– Узнайте, – сказал Константин и вернулся к верстаку.

Ника достала блокнот и записала крышу, имя администратора и номер помещения. Павел следил за её рукой.

– Курс помог? – спросила она.

– Помог.

Она подняла глаза.

– Научился проверять производственные заказы. Раньше другой системой пользовался. И расчёты пригодились.

– Тогда почему вы…

Ника остановилась.

Павел улыбнулся без веселья.

– Почему я портить праздник пришёл?

Она закрыла блокнот.

– Да. Я почти это спросила.

Он показал две суммы. Первая – прежняя месячная зарплата. Вторая – деньги, полученные в мастерской за март.

– Здесь не плохо, – сказал он. – Здесь хорошо. Но пока мало. И я не знаю, будет ли через три месяца столько же.

Ника смотрела на цифры. Между ними помещались дорога, продукты и чьё-то отложенное лечение зубов. Ей не нужно было спрашивать, какие именно расходы Павел сократил: он не приглашал её в домашнюю бухгалтерию.

– В отчёт можно включить ваш случай без имени?

– Можно. Только не делайте из меня человека, которому обучение не нужно.

***

Она ушла за десять минут до поставки.

На улице обнаружила, что сжимает перчатку так, будто та виновата. До заседания оставалось сорок пять минут. Можно было снять одну подпись, обозначить частный случай и спокойно защитить остальной результат.

Ника дошла до машины, постояла возле двери и вернулась в мастерскую.

– Кажется, перчатку оставила, – сказала она.

Константин посмотрел на её руку.

Она тоже посмотрела.

Павел очень внимательно изучал накладную. Робот возле шкафа перестал складывать коробки.

– Чай будете? – спросил Константин.

– Буду.

Он включил чайник, не улыбнувшись.

Ника сняла вторую перчатку.

– Мне нужно понять, где у нас ломается подсчёт. Это не пять минут.

Павел отодвинул от стола свободный стул.

– Только после поставки.

Она перенесла своё выступление в конец заседания, объяснив задержку проверкой данных. Секретарь спросила, будет ли новая версия слайдов.

– Будет.

Ника ещё не знала, какая.

***

Пока разгружали коробки, она связалась с аналитической системой программы.

В служебном интерфейсе не было лица, только имя проекта и перечень открытых задач. Ника запросила путь от ответа Ершова до зелёной отметки в отчёте.

Система показала цепочку преобразований.

«Участие в проекте» попадало в категорию «экономическая активность». При сводке эта категория объединялась с оплачиваемой работой. В презентации объединённую группу назвали трудоустроенными.

На последнем переходе стояло согласование Ники.

Она нажала на дату и узнала тот самый вечер, когда утверждала форму между двумя звонками.

– Найди такие же случаи во всём наборе, – сказала она.

На экране появился встречный вопрос: считать ли отсутствие сведений об оплате отсутствием оплаты?

– Нет. Отдельная категория. Не знаем – значит, не знаем.

Рядом остановился Оскар, серый рабочий робот, помогавший Константину в мастерской. В захватах он держал коробку.

– Вам нужен стол?

– Пока нет. Спасибо.

Он поставил коробку на пол и уехал. Ника поймала себя на желании спросить, сколько он зарабатывает. Не спросила: у неё уже была привычка превращать любое живое затруднение в материал для доклада.

Система вернула разбивку.

Ника открыла определения, сверила их с первичными ответами, затем попросила проверить повторные записи: человек мог пройти два курса и попасть в отчёт дважды.

Ещё одна строка уменьшилась.

Она откинулась на спинку стула.

Павел принёс чай.

– Совсем плохо?

– Не так хорошо, как я написала.

Она повернула экран.

Из ста выпускников в проверенной группе двадцать семь имели подтверждённую оплачиваемую работу через три месяца. Ещё восемнадцать получили хотя бы один оплаченный заказ, но устойчивость дохода не была установлена. Девятнадцать готовили проекты без подтверждённой выручки. По двадцати двум не хватало сведений. Четырнадцать сообщили, что работы нет.

В презентации стояло шестьдесят четыре процента трудоустроенных.

Павел считал молча.

– Двадцать семь, – сказал он.

– Двадцать семь с подтверждённой работой на эту дату. Это не значит, что у остальных её точно не было.

– Но и не значит, что была.

– Да.

Ника попросила систему сохранить воспроизводимый расчёт и исходные определения. Потом отправила коллегам запрос проверить выводы на другой выборке. Ей хотелось получить окончательную цифру немедленно. Вместо этого она написала на слайде: «Предварительный аудит».

Перед отправкой Ника убрала из приложений имена участников. Павел заметил пустую строку на месте своей фамилии.

– А как они проверят?

– У проверяющих будет доступ к исходным ответам. У слушателей – нет. Вы разрешили рассказать о случае, а не раздать вашу анкету.

Он кивнул и наконец взял собственную чашку. Чай давно остыл. Ника хотела предложить новый, но Павел уже поднялся к клиенту: у него начиналась оплаченная работа.

***

В коридоре перед залом её встретил заместитель.

– Ты зачем разослала всем?

– Для проверки.

– Проверяют внутри команды.

– Получатели внутри команды.

– У нас через неделю бюджет.

Он говорил тихо, пропуская мимо людей с чашками. Ника держала новую распечатку двумя руками: старую хотелось смять, но на обороте оставались полезные пометки.

– Можно убрать формулировку про трудоустройство, – сказал заместитель. – Назвать положительной динамикой. Суть программы от этого не меняется.

– Меняется то, что мы обещаем следующей группе.

– Следующей группы может не быть.

Ника знала. Преподаватели ждали договоров, помещения были заказаны, люди записывались на июнь. Среди них были те, кому курс действительно поможет. Признать ошибку было легко только тому, кто не отвечал за хорошие последствия той же программы.

– Я не предлагаю закрываться, – сказала она.

– Зал услышит другое.

Он отступил, пропуская её к двери.

– Дай хотя бы я начну.

– Нет. Согласование моё.

В зале было жарко. Кто-то уже включил её старую презентацию. На экране сияли шестьдесят четыре процента, теперь приятного тёмно-зелёного цвета.

Ника попросила остановить показ.

***

Первый вопрос задали до конца объяснения.

– То есть данные недостоверны?

– Ответы участников достоверны в пределах того, что они сообщили. Неверно названа итоговая группа.

– Это ошибка программы или исполнителя?

Ника посмотрела на ряд лиц. Вопрос предлагал удобную развилку: виновата машина либо безымянный сотрудник.

– Методику утвердила я. Аналитическая система помогла проследить ошибку после того, как участник указал на неё.

Слева зашуршали бумаги.

Она показала пять категорий. Не стала превращать двадцать семь в новую окончательную оценку всей программы. Объяснила границы проверенной группы, сроки и недостающие ответы.

– Сколько рабочих мест вы создали? – спросили с дальнего края стола.

– Сам курс рабочих мест не создаёт.

Это прозвучало ужасно. Ника увидела, как заместитель закрыл глаза.

Она продолжила:

– Он помогает занять существующие или начать своё дело. Мы измеряли первое слишком широко, а второе слишком рано. Теперь нам нужно отдельно оплачивать обучение и отдельно помогать людям выдержать время, когда заработка ещё нет.

– Ещё выплаты?

– Иногда выплаты. Иногда помещение. Иногда оборудование на несколько предприятий. Иногда сокращённая неделя там, где объём работы уже упал, а людей продолжают считать лишними по одному.

– Кто определит, что человеку подходит?

– Он вместе с консультантом. С возможностью отказаться от курса и не потерять сразу средства на жизнь.

Её попросили назвать стоимость.

Ника назвала то, что могла посчитать, и отдельно – то, для чего расчётов пока не было. Впервые за долгое время у неё не получилось закончить выступление красивой общей суммой.

Решение приняли после перерыва.

Текущие занятия продолжались. Расширение откладывали до независимой проверки. Право представлять программу в публичной кампании передавали другому руководителю.

Ника записала последний пункт, хотя и без того запомнила бы.

***

Поздно вечером ей позвонила женщина из июньской группы.

– Мне сказали, набор отменяется.

Ника опустилась на ступеньку возле служебного выхода. За день она так и не поела ничего, кроме бутерброда в мастерской.

– Пока не отменяется. Расширение приостановили. Действующие места сохранены.

– У меня ребёнок. Я договорилась, кто будет забирать. Если опять всё перенесут…

– Назовите ваш поток.

Ника проверила расписание и нашла сохранённое место. Подтверждение она отправила письменно, с контактом координатора, чтобы женщине не приходилось второй раз верить голосу в трубке.

Потом открыла сообщение от Павла.

«Фото убрали. Спасибо. Крышу посмотрели, обещают акт завтра».

Ника ответила, что акт не равен ремонту. Павел прислал: «Я знаю».

Она засмеялась, сидя на холодной ступеньке.

Следующий звонок был от организатора межведомственной рабочей группы. Он видел запись заседания и предлагал присоединиться к обсуждению нового общественного соглашения.

– Занятость, отчисления от автоматизации, правовой статус искусственных личностей. Нам нужны люди, которые умеют считать последствия.

Ника посмотрела на распечатку у себя на коленях.

– Сегодня не лучший день для такой рекомендации.

– Именно поэтому звоню.

Он прислал материалы. В оглавлении рядом стояли право распоряжаться собственным трудом, доступ к инфраструктуре и ограничения участия искусственных лиц в семейных отношениях.

Последний раздел она открыла, но прочесть не успела: из здания вышел охранник, спросил, всё ли в порядке, и предложил хотя бы пересесть с камня.

Ника поднялась.

– В понедельник приду, – сказала она в телефон. – Но сначала пришлите, чьи расходы вы считаете.

Она убрала бумаги в сумку. Дома предстояло ещё проверить таблицу, а в мастерскую нужно было позвонить после ремонта крыши, не после акта.

На экране оставалось пять неравных столбиков. Ни один больше не был празднично-зелёным.

Глава 9. Кто предложил ответ

Академгородок. Май 2038 года.

Рой принёс верёвку, когда Анна уже устала.

Она видела, как он ставит переднюю лапу ближе к колесу, и знала, что сейчас узел окажется у неё на колене. Обычно Кирилл поднимал игрушку и бросал к двери. Сегодня он задерживался на репетиции, Константин разговаривал в коридоре, а помощница заносила в журнал время следующей процедуры.

Верёвка упала на пол.

– Он хочет играть, – сказала помощница и наклонилась.

Рой отступил от её руки, подошёл к двери и оглянулся. Она подняла игрушку выше, собираясь бросить, но Анна успела попросить подождать.

Из коридора донёсся голос Константина. Пёс просунул нос в щель и замахал хвостом.

– Может, к нему хочет, – сказала помощница.

Обе версии были возможны. Рой не должен был выбирать между ними только потому, что люди уже приготовили два объяснения.

Анна попросила открыть дверь. Пёс вышел, ткнулся в колено Константина, вернулся с ним и снова поднял верёвку.

На этот раз ей захотелось не бросить игрушку, а записать порядок событий.

***

До аварии Анна изучала поведение животных. Большая часть работы состояла из того, что со стороны казалось скучным: смотреть запись снова, отмечать движение, проверять, не изменилось ли что-нибудь рядом с животным раньше, чем изменилось его поведение.

После аварии другие люди стали с такой же уверенностью объяснять её собственные движения.

Она долго не хотела связывать эти два опыта. Сходство казалось унизительным, пока Анна не поняла, что унижает здесь не сравнение с собакой. Её раздражала чужая готовность объявить пониманием любое удачное предположение.

Речевой интерфейс помог вернуть возможность спорить. Рой такой кнопки не имел.

Вечером она открыла старую рабочую папку. Пароль вспомнила сразу, а расположение собственных материалов – нет. Несколько месяцев коллеги продолжали работу без неё; записи были аккуратно разложены по новым разделам. У одного набора стояло её имя и пометка, что проверка не закончена.

Анна раньше сердито прочла бы эту пометку как напоминание о потерянном времени. Сегодня спросила координатора проекта, можно ли получить исходные наблюдения, а не итоговую таблицу.

Ответ пришёл утром: можно, ссылка обновлена, и если она собирается вернуться к разметке, ей будут рады.

Она перечитала последнее предложение. Там не было слов «несмотря ни на что».

***

Рябинин приехал обсудить новую настройку речевого интерфейса. Он руководил разработкой и всё ещё приносил на встречи больше вариантов, чем Анна могла проверить за один день.

Она дала закончить разговор о задержке подтверждения и попросила открыть другой файл.

– Это не запись моего сеанса.

На экране Рой нёс верёвку к креслу.

Рябинин посмотрел фрагмент дважды. Во второй раз заметил дверь.

– Здесь Константин говорит за кадром.

– Да. В описании помощница сначала написала, что собака отказалась от игры.

– А потом вернулась с игрушкой.

Анна ждала, пока он произнесёт следующую фразу. Рябинин оказался осторожнее, чем она рассчитывала.

– Мы не знаем, отказалась ли она от игры. Может быть, ей было нужно присутствие определённого человека. Может быть, звук отвлёк.

– Мне нужна не красивая версия. Мне нужен способ проверить две версии по-разному.

Рябинин отодвинул блокнот с настройками её устройства.

– Вы хотите вернуться к исследованиям животных?

– Я уже вернулась. Пока на двадцать четыре секунды записи.

Он улыбнулся, но не стал её хвалить. Анна была благодарна: вопрос касался работы, а не успешности восстановления.

Они набросали первую схему. Камера отмечает движения, звук помогает восстановить порядок событий, модель предлагает несколько возможных запросов. Человек выбирает безопасное действие и смотрит, как животное реагирует. Если реакции не хватает, предположение остаётся неподтверждённым.

– Похожая проверка нужна и нам, – сказал Рябинин.

– Проверка похожая. Сигнал другой. Не пишите, что ваш декодер начнёт читать собачьи мысли.

Он перевернул лист, на котором ещё ничего такого не было.

– Теперь точно не напишу.

***

Через неделю Константин привёз Роя вместе с двумя мисками.

В приглашении было сказано, что еда не потребуется. Константин понял это как недостаток подготовки и всё равно взял воду и корм.

Анна объяснила, что они хотят начать с обычной игры. Никаких новых устройств на собаке, никаких попыток извлечь из его поведения предложение. Роя не будут удерживать возле кресла и не станут лишать воды ради удачного выбора.

– А он сам куда согласие поставит? – спросил Константин.

Это не было насмешкой. Он держал поводок свободно, и Рой уже собирался исследовать сумку Рябинина.

– Не поставит, – ответила Анна. – Поэтому нам придётся смотреть, хочет ли он вообще оставаться с нами. Если уходит, прекращаем. Даже если осталось записать самый нужный момент.

Константин подумал и отстегнул поводок в закрытой комнате. Дверь в соседнее тихое помещение оставили открытой.

Первый опыт закончился до начала: Рой нашёл знакомый коврик и лёг. Они ждали несколько минут, потом Константин начал рассказывать про заказчика, который хотел сделать старый чайник бесшумным.

Рябинин выключил запись.

– Это не неудача, – сказала Анна. – Просто сегодня у него другой план.

– У меня тоже был, – ответил исследователь.

Она попросила сохранить время окончания. Рябинин записал: участие не состоялось. В рабочей таблице появилась первая строка, и она не приносила проекту ни одного эффектного результата.

***

На следующей встрече они поставили низкий ящик с игрушкой.

Крышка была прозрачной, чтобы Рой видел верёвку. Сбоку оставили миску с водой, в стороне – свободный путь к коврику. Константин сел на стул и должен был ничего не подсказывать.

Он продержался сорок секунд.

Когда Рой повернулся к ящику, Константин чуть подался вперёд. Пёс тут же подошёл к нему. Модель на пробной записи отметила обращение к человеку, и Рябинин уже начал объяснять результат, когда Анна попросила показать несколько секунд до него.

На повторе движение старика стало очевидным.

– Я даже не звал, – сказал Константин.

– Он вас знает и без слов.

– Так я теперь дышать не должен?

Анна почувствовала знакомую опасность. Самый удобный участник опыта тот, от которого ничего нельзя требовать, кроме правильного поведения. Её саму недавно пытались сделать таким участником.

Они сделали перерыв. Потом изменили условия: Константин не видел экран и не знал, какое действие предложено выполнить в этой попытке. Ящик открывала помощница, стоявшая сбоку. Отдельно записывали движения всех людей в комнате.

Рой подошёл, понюхал крышку и ушёл пить.

Константин посмотрел на Анну с таким облегчением, будто пёс только что защитил его от несправедливого начальника.

Во второй попытке Рой взял игрушку. В третьей долго нюхал край ящика, хотя тот был открыт.

Три наблюдения не складывались в одну убедительную фразу. Зато Анна могла показать, где именно они переставали понимать происходящее.

***

Дома Кирилл предложил сопровождать запись музыкой, чтобы на просмотре было легче удерживать внимание.

Анна отказалась резче, чем собиралась. Он закрыл ноутбук и начал собирать чашки, хотя чай ещё не остыл.

Она попросила оставить её чашку на столе.

– Я сейчас спорю с предложением. Не с тем, что ты решил помочь.

Кирилл сел обратно.

До аварии он иногда делал звук для её рабочих материалов и знал, когда спрашивать о настройках. Потом всё смешалось: музыка, уход, ожидание очередного сеанса, попытки подбодрить. Анна увидела, как легко и новую работу можно устроить так, что он снова окажется рядом по умолчанию.

– Если нам понадобится обработка звука, я попрошу тебя составить условия, – сказала она. – Как раньше.

– А если я буду занят?

– Найдём другого человека.

Он улыбнулся не сразу. Затем открыл ноутбук, убрал музыкальную дорожку и показал, где в исходной записи работало автоматическое подавление фонового шума. Тихий звук за дверью почти исчезал, хотя именно после него Рой поворачивал голову.

Анна вернула исходный вариант и пометила изменение в журнале. Помощь оказалась нужной, только совсем не такой, какую они сначала представляли.

После ужина Кирилл ушёл на репетицию. Она осталась пересматривать записи с сотрудницей вечерней смены и впервые за долгое время не чувствовала, что его отсутствие нужно терпеливо переносить. У неё тоже был незаконченный вечер.

***

Мира пришла без камеры.

Сначала они поговорили о старом фильтре, который наконец удалось поставить на объектив. Потом Анна предложила посмотреть записи и объяснила, что на этот раз обращается к ней как к аналитику фонда.

Мира пересела ближе к экрану.

– Вы уже подали заявку?

– Пока я пытаюсь понять, что именно прошу оплатить.

Первые встречи состоялись в комнате, которую отделение разрешило использовать в свободное время. Рябинин потратил на них собственные вечера, помощница задержалась после смены. Для нескольких наблюдений этого хватило. Называть так устроенную работу исследовательской программой было нечестно.

Анна показала список: оплата исследовательских часов, независимая разметка записей, небольшое вычислительное время, транспорт, доступное рабочее место. Отдельной строкой стояла помощь во время работы, которую нельзя было бесконечно брать из ухода за пациентами.

– И это не вместо моего лечения, – сказала она. – Если опыта не будет, реабилитация не должна прекратиться.

– Разумеется.

– Я хочу увидеть это в документах.

Мира записала условие без возражений. Затем спросила, почему для проекта недостаточно одного Роя.

Анна почувствовала удовольствие, почти забытое за последние месяцы: ей задавали хороший неудобный вопрос.

– Потому что я слишком многое про него знаю. Если система повторит мои ожидания, мне будет трудно это заметить. И он знает нас. Нужно понять, что вообще переносится за пределы этой комнаты.

Они включили запись ещё раз. Мира заметила, что помощница смотрит на коробку до того, как открывает её.

Анна тихо выругалась.

– Это оставим, – сказала она.

– В заявке?

– В разборе. Иначе получится, что нужны только деньги, а потом всё само станет правильно.

***

Виктор прочёл краткое предложение вечером.

Он позвонил Рябинину, уточнил, какие специалисты смогут участвовать, потом попросил Миру прийти к нему с расходами. Она принесла черновик с пустыми клетками.

– Здесь нет общей суммы.

– Для части работ ещё нет оценки.

– Когда будет?

– Когда договоримся, что именно проверяем.

Виктор посмотрел на экран с Роем. Узнал собаку: Мира несколько раз показывала ему фотографии из мастерской. На одной пёс лежал так, что Оскар не мог пройти с коробкой.

– Если это сработает, люди захотят разговаривать со своими животными.

– Сейчас мы предлагаем проверить несколько простых запросов.

– Я понимаю. Но зачем останавливаться на этом?

Мира не стала отвечать за Анну. Они назначили встречу на время, когда она могла участвовать сама, и Виктор убрал из первой версии презентации слово «разговор». Не потому, что перестал надеяться на него, а потому, что пока даже не услышал человека, предложившего опыт.

***

Накануне встречи Анна долго правила начало заявки.

Первый вариант звучал слишком похоже на описание речевого интерфейса. Второй обещал скромность так старательно, что было непонятно, зачем вообще начинать. В третьем она перечислила наблюдаемые действия и вопросы, на которые они пока не могли ответить.

Кирилл прочёл вслух по её просьбе. На середине остановился.

– Здесь сказано, что успехом может оказаться обнаружение ошибки.

– Может.

– За это дадут деньги?

– Не знаю.

Он подвинул ей экран с вариантом текста и больше не пытался сделать его обнадёживающим. Анна вдруг вспомнила, как долго раньше объясняла ему, почему не всякая удачная догадка должна звучать её голосом.

Теперь он ждал правки.

Они закончили поздно. Рой спал на коврике, иногда приоткрывая глаза, когда Кирилл менял положение стула. В заявке пёс фигурировал как один из участников предварительных наблюдений. Возле кресла он оставался собакой, которая устала, поела и выбрала самое тёплое место.

Анна попросила выключить большой свет.

Наутро ей предстояло защищать собственную работу. После долгих месяцев, когда важнейшие разговоры касались того, что смогут сделать для неё, она боялась этого почти с удовольствием.

Глава 10. Цена вопроса

Академгородок. Июнь–август 2038 года.

В переговорную Анна въехала раньше Виктора и обнаружила, что её место приготовили у дальнего края стола. Оттуда был прекрасно виден экран и почти не было видно людей.

– Можно я сяду здесь? – спросила она, остановив кресло возле свободного угла.

Сотрудница фонда уже потянулась переставлять воду и папки. Анна попросила передвинуть только один стул. Остальное сделал Рябинин, который зацепил кабелем собственную чашку и успел поймать её прежде, чем кофе попал на смету.

Когда вошёл Виктор, они вытирали стол.

– Хорошее начало, – сказал он. – Значит, оборудование проверено.

– Пока только салфетки, – ответила Анна.

Она перестала смотреть на подготовленную речь. В комнате было четыре человека, разлитый кофе и работа, которую они ещё могли не согласовать. Это оказалось легче, чем выступать перед фондом, существовавшим в её голове как единое неодобрительное лицо.

***

Виктор спросил, что именно можно будет получить через три месяца.

Анна показала короткую запись. Собака подходила к закрытой двери, переводила взгляд на человека и снова возвращалась к двери. На экране появились три возможных объяснения, каждое со своей неопределённостью.

– Человек и без вашей системы откроет ей дверь, – сказал Виктор.

– Человек, который знает эту собаку, возможно, откроет. Незнакомый может решить, что она нервничает, и начнёт успокаивать. Нам нужно проверить, помогает ли подсказка выбрать действие точнее, чем привычная догадка.

– Для этого обязательно нейросеть?

– Нет. Поэтому сравнивать будем и с простой таблицей признаков. Если она справится так же, сложная модель окажется лишней.

Виктор отложил ручку. До этой минуты он делал пометки почти непрерывно.

– Вы просите финансировать работу, которая может закончиться выводом, что финансировать разработку не надо.

Анна знала этот вопрос по прежним заявкам. Тогда ответ можно было произнести сразу, без паузы на подтверждение слов.

– Я прошу оплатить способ это выяснить.

Мира не вступала в разговор, хотя видела, как Виктор собирается возразить. Он посмотрел на Рябинина.

Тот сказал, что у лаборатории уже есть инструменты для работы с видеозаписями и людьми, которые размечают наблюдения. Но сам речевой декодер здесь не поможет: он обучен на других сигналах и отвечает на другой вопрос.

– От Анны мы берём не диагноз, – добавил он. – Она умеет ставить такие опыты. От нашей работы с интерфейсом берём процедуру проверки ошибки. Всё остальное придётся делать заново.

Анна заметила, что в следующий раз Виктор обратился уже к ней.

***

Первая смета не понравилась никому.

Виктор считал, что для предварительной работы слишком дорого обходится независимая разметка. Рябинин хотел ещё одного разработчика. Анна обнаружила, что транспорт рассчитан на обычное такси, которым она не могла пользоваться.

Мира увеличила таблицу.

– Вот эта строка откуда?

Сумму скопировали из другой заявки. Никто не пытался сэкономить на Анне намеренно, но если бы она промолчала, добираться пришлось бы за свой счёт.

Они начали считать снова.

Кирилл мог привозить её по средам, однако Анна не позволила внести это как бесплатный ресурс. У него были репетиции и своя работа. Помощь партнёра не должна была становиться обязательством, о котором фонд договаривался в его отсутствие.

– Тогда у нас остаётся меньше наблюдений, – сказал Виктор.

– Лучше меньше настоящих, – ответила она. – Иначе мы сначала сделаем вид, что всё оплатили, а потом будем сердиться, когда кто-нибудь не сможет приехать.

Рябинин снял из первой очереди разработку специального приложения. Для проверки хватало рабочего экрана и кнопок выбора, которыми Анна могла пользоваться через свой интерфейс. Вторая модель тоже подождёт, пока они не сравнят первую с простыми правилами.

Независимую разметку оставили. Анна объяснила, что человек, которому сообщили ожидаемый ответ, почти неизбежно начнёт находить его в записи. Экономия на этой части могла сделать бесполезными все остальные расходы.

К концу встречи бюджет стал меньше. Работа тоже стала меньше, но теперь помещалась в три месяца и не требовала скрытой бесплатной смены ни от кого из присутствующих.

***

Расчёт вернулся к ним с двумя пометками Миры и вопросом о транспортных расходах. Она проверяла не только суммы: при такой схеме часть неоплаченной работы опять доставалась бы Анне и Кириллу. После исправлений Мира утвердила заявку вместе с Виктором. Они выделили деньги из исследовательской доли дивидендов фонда, отдельно от речевого интерфейса. Финансовая служба проверила договоры и порядок платежей; решение, какую работу поддерживать, оставалось за ними.

Анна спросила, что будет, если доходы фонда снова упадут. Виктор показал резерв под уже принятые обязательства: согласованный этап завершат, новые расходы будут пересматривать. Он не обещал, что кризис больше никого не коснётся, но и не собирался оплачивать спокойствие сегодняшнего дня будущим внезапным закрытием лаборатории.

Через неделю Анне прислали договор с двумя вопросами.

Первый касался прав на записи животных и людей. Второй – обещанного результата. В шаблоне стояло «создание прототипа системы перевода».

Она вернула документ с правками.

Вечером позвонил Виктор. Камера у него была выключена, и по звуку Анна поняла, что он идёт по улице.

– Если убрать прототип, комитет спросит, что мы предъявим в конце.

– Отчёт, записи с разрешениями, сравнение методов и работающую процедуру проверки. Мы это обсуждали.

– Я помню. Они привыкли к другому языку.

Анна приготовила ответ, но не подтвердила его сразу. Ей хотелось получить эту работу. Уже нашлась исследовательница, готовая разбирать видео несколько часов в неделю, и было стыдно снова написать ей, что решения нет.

Виктор услышал задержку.

– Давайте я попробую объяснить.

На следующий день формулировку изменили. Первый платёж покрывал начало работы, следующий зависел от соблюдения согласованных этапов, а не от количества красивых результатов. Продолжение после сентября оставалось отдельным решением. Лечение Анны и поддержка её речевого интерфейса в договор не входили и от исхода опыта не зависели.

Она прочла этот пункт дважды, прежде чем поставила подпись.

***

Согласие Константина пришлось получать за верстаком.

Он выслушал условия, попросил объяснить, кто увидит записи, и перечеркнул фразу, разрешавшую использовать изображение в любых информационных материалах.

– Любые мне не подходят. Сегодня вы про собаку, а завтра чайник рекламировать будут.

Мира показала, где можно ограничить разрешение исследованием. Для публичного показа должны были спросить отдельно.

– А за Роя я тут что подписываю?

– Что разрешаете предложить ему участие. Это не обязывает его выполнять задания.

Константин подозвал пса. Рой поднял голову и остался лежать у ног Оскара, занятого разборкой старого вентилятора.

– Понятно, – сказал Константин. – С этой частью справится.

За поездки возмещали расходы, но не платили за выполненную собакой задачу. Анна настояла на этом, когда составляли условия: иначе у человека появлялась причина удерживать животное у ящика дольше, чем следовало.

Оскар предложил помочь с креплением камеры. Его рабочие часы внесли в обычный заказ мастерской; Константин проверил стоимость деталей и впервые не стал округлять итог в меньшую сторону из уважения к науке.

Уже у двери Мира услышала, как они обсуждают крепление. Константин хотел поставить зажим на стол, Оскар показывал, что тогда движение человека будет сдвигать изображение. Спор шёл серьёзный и, судя по довольному голосу старика, удачный.

***

В июле стало ясно, что самую большую опасность представляет удобство.

Первую группу записей разметили быстро. На второй выяснилось, что наблюдатели часто не соглашались друг с другом. Один называл движение просьбой открыть дверь, другой – попыткой привлечь внимание. Оба могли показать тот же самый поворот головы.

Рябинин предложил укрупнить категории. Анна попросила сначала посмотреть спорные случаи вместе.

На одном видео пёс после открывания двери остался в комнате. Разметчик поставил ошибку, потому что ожидал выхода. Анна остановила запись: хозяин собрался уходить, а собака подошла к нему после того, как путь освободили.

– Мы проверяем выход или возможность подойти к человеку? – спросила она.

Следующие полчаса ушли на то, чтобы заново сформулировать один вопрос. К вечеру стало понятно, почему нельзя было просто отдать разметку любому свободному сотруднику.

Анна вернулась домой уставшей и сердитой. Кирилл собирался показать ей новую запись, но, увидев список исправлений, предложил сначала поужинать.

– У нас сегодня исчезло несколько хороших результатов, – сказала она.

– Совсем исчезли?

– Стали непонятными.

Он подумал.

– Значит, вчера они были понятными по ошибке?

Анна рассмеялась так неожиданно, что пришлось повторить начало ответа. Через несколько минут они уже спорили о музыке, и незаконченная таблица впервые за день перестала быть главным предметом в комнате.

***

Один из летних выездов почти сорвался из-за хорошей погоды.

Хозяин молодой собаки пришёл раньше, чем договаривались, и успел долго погулять с ней во дворе. В комнате она выпила воду и легла у входа. Человек несколько раз показал игрушку, затем начал извиняться перед Анной: дома собака всё делала охотно.

– Вы же людей собрали, – сказал он.

Анна попросила отодвинуть ящик. Следующее окно в расписании было только через неделю; помощница уже предупредила, что тогда ей придётся менять смену. Хотелось получить хоть одну пригодную попытку и не считать зря оплаченный час.

Именно поэтому Анна не стала ждать.

Они закончили встречу, отметили прогулку и утомление в условиях записи, а расходы на дорогу возместили полностью. Хозяин удивился: он думал, что деньги положены за участие в опыте.

– За поездку, – объяснила Анна. – Уговорить её работать вы нам не обещали.

Когда дверь закрылась, Рябинин предложил использовать оставшееся время для проверки разметки. Никто не остался без дела. Но в отчёте Анна сохранила отменённое наблюдение отдельной строкой, не спрятав его среди успешно проведённых встреч.

Позже Виктор спросил о расходе. Она показала условия договора и объяснила решение. Он несколько секунд смотрел на сумму, затем уточнил, учтён ли такой запас на следующий месяц.

Анна ответила, что теперь учтён.

***

К августу появились результаты, которые выдерживали повторение.

Система иногда помогала незнакомому человеку раньше заметить обращение собаки. Лучше всего это работало с простыми действиями в знакомых условиях. При смене комнаты точность падала; рядом с хозяином появлялись подсказки, которых камера могла не учесть.

Анна включила эти ограничения в начало отчёта.

Виктор прочёл отчёт и попросил подготовить показ для него, Миры и руководителей двух других групп фонда. Одни могли независимо проверить результаты, другим предстояло решить, стоит ли включаться в работу. Продолжение финансирования утверждали Виктор и Мира. Анне нужно было объяснить им, что удалось выяснить и на какие проверки она просит деньги.

На рабочем экране вероятности теснились рядом с отметками наблюдателей. Смотреть на него с другого конца комнаты было трудно.

Разработчик предложил добавить краткое словесное пояснение выбранного действия.

Анна согласилась, если можно будет открыть исходные признаки и увидеть неопределённость. Рябинин попросил оставить рабочий экран доступным одним нажатием. Первый вариант звучал сухо: «Возможно обращение с просьбой обеспечить доступ».

Кирилл, случайно услышавший эту фразу по домашней связи, спросил, кто именно у них подал заявление в жилищную контору.

Анна попросила переписать пояснения человеческим языком.

Так в программе появился ещё один слой. Он не наблюдал за собакой и не проверял гипотезы, а превращал служебные выводы в короткие понятные фразы. В простых примерах это помогало: вместо тяжёлой формулировки на экране возникало «Возможно, хочет к двери».

Словесные пояснения не включали в расчёт точности. Это казалось достаточным разделением, пока всё проверялось за рабочим столом.

***

За неделю до показа Мира принесла Анне фотографии для внутреннего описания проекта.

На одной Константин стоял возле верстака, Оскар придерживал длинную рейку, а Рой смотрел в сторону двери. Анна узнала момент: за кадром Кирилл пытался открыть пакет с кормом, не привлекая внимания собаки.

– Вот эту нельзя подписывать «увлечён работой», – сказала она.

Мира засмеялась и убрала приготовленную подпись.

Они выбрали снимки, на которых никто не выглядел доказательством чужого успеха. Анна дописала короткую справку об истории Роя, чтобы на встрече не тратить силы на одни и те же вопросы.

Потом открыла сентябрьский план расходов. Денег хватало на согласованный показ и завершение отчёта. Если продолжения не будет, придётся рассчитаться с людьми, упорядочить материалы и остановиться.

Ей было страшно потерять начатую работу. Одновременно она впервые ясно понимала, что именно собирается защищать: несколько проверяемых наблюдений, терпение команды и право не превращать каждую неясность в обещание.

В соседней комнате Кирилл репетировал. На сложном месте он остановился, вернулся на несколько тактов и сыграл иначе. Анна отложила смету, чтобы дослушать.

Глава 11. Собака сказала

Академгородок. Сентябрь 2038 года.

К сентябрьскому показу Анна подготовила записи летних опытов и заранее попросила убрать из комнаты печенье. Тарелку всё-таки оставили на столе, а после первого напоминания только переставили на подоконник.

– Убрать из комнаты, – уточнила она.

Исследователь, переносивший тарелку, посмотрел на Роя. Пёс сидел возле Константина с таким видом, словно никогда в жизни не видел еды и не понимал, зачем люди о ней разговаривают.

– Он даже не смотрит.

– Именно.

Тарелку унесли. Рой проводил её глазами, не двигая головы.

Анна проверила положение экрана. За лето она научилась быстрее собирать фразы; короткие теперь выходили почти без исправлений, если никто не торопил. Для длинных она оставляла себе время. Сегодня это время было внесено в порядок показа отдельной строкой.

Кирилл сидел у дальней стены. Он пришёл на демонстрацию, не на помощь с переездом, зарядкой или одеждой. Они договорились об этом неделю назад. Анна всё ещё иногда смотрела на него, собираясь попросить поправить что-нибудь, и вспоминала, что рядом есть сотрудница, чья смена за это оплачена.

Кирилл держал в руках программку собственного концерта. Свернул её в трубочку, расправил, снова свернул.

– Иди сюда, – сказала Анна.

Он поднялся.

– Мне не нужно ничего поправлять. Я хотела посмотреть.

Кирилл подал программку; внизу стояло: «Звуки помещения, в котором никого нет».

– Сам придёшь? – спросила она.

Кирилл засмеялся, и напряжение перед показом немного ослабло. Анна попросила сохранить ей место у прохода, если удастся организовать поездку. Он не стал обещать, что всё организует сам.

***

Мира приехала раньше Виктора.

Она не спрашивала, волнуется ли Анна. После нескольких встреч выяснилось, что этот вопрос раздражает их обеих, хотя по разным причинам. Вместо него Мира показала фотографию: Рой в мастерской лежал поперёк света из двери, и Оскар держал над ним коробку, не решаясь переступить.

– Константин разрешил для архива, – сказала она. – А это тебе.

– Пёс разрешил?

– Я пока только у человека спросила.

– Хорошее начало.

Снимок Анне понравился. Она попросила прислать его без улучшения резкости.

У стены настраивали большой экран. Верхняя строка обещала «Контакт с другим видом». Ниже маленькими буквами стояло «Экспериментальная интерпретация сигналов».

Анна попросила увеличить вторую строку.

Организатор предложил сделать её серой, чтобы не спорила с названием.

– Пусть спорит, – сказала Анна.

Мира осталась у экрана, пока размер не изменили.

Виктор вошёл вместе с руководителями приглашённых исследовательских групп, на ходу убирая телефон. Их лаборатории тоже получали поддержку фонда; на показ они пришли оценить работу коллег и возможности совместной проверки. Он поприветствовал Анну, спросил у Константина о мастерской. Тот ответил, что крыша теперь сухая, зато отдали отопление в ремонт.

– Всегда есть что улучшать, – сказал Виктор.

– Особенно в сентябре.

Гости засмеялись. Виктор тоже. Он умел не обижаться на чужую колкость, если в ней не было прямого вызова.

Анна знала, что сегодня он ждал удачи. Она тоже ждала. В этом и состояла трудность: никто не пришёл сюда обманывать.

***

Сначала показали простую часть.

Камеры отмечали направление головы, движения корпуса и расстояние между Роем и людьми. Записи звуков сопоставлялись с действиями. На экране возникали вероятные варианты: приблизиться, выйти, получить предмет. Иногда система оставляла несколько сразу.

– Здесь у нас не перевод слов, – сказала Анна. – Мы проверяем предположение ответным действием.

Рябинин стоял возле управляющего стола. За лето его команда приспособила инструменты анализа записей к новой работе, а Анна отвечала за то, что именно они проверяют поведением животного.

– И учимся учитывать последовательность, – добавил он. – Один поворот головы сам по себе почти ничего не значит.

Рой подошёл к двери, оглянулся.

На экране появилось «Возможно, просит открыть дверь».

Константин встал.

Пёс сразу вернулся к его ноге.

– А теперь? – спросила женщина в первом ряду.

– Теперь он мог отреагировать на движение Константина, – ответила Анна. – Мы ещё ничего не установили.

Женщина кивнула. Мужчина рядом с ней проверил время.

Анна заметила этот жест и почувствовала старую досаду лектора: даже коллегам хотелось поскорее увидеть результат. У каждого в комнате были собственные опыты, люди и сроки.

Следующий опыт прошёл лучше. Рой несколько раз возвращался к закрытому ящику с игрушкой; когда ящик открыли, взял верёвку и ушёл на коврик. Система показала последовательность без красивой фразы.

Кто-то зааплодировал.

Рой поднял голову. Анна попросила не хлопать.

Мужчина, проверявший время, наконец убрал руку.

***

Потом включили разговорный слой.

Он предназначался для удобного пересказа наблюдений: вместо набора меток – короткое объяснение. Анна видела его на внутренних испытаниях. Там фразы были осторожными и скучными. Сегодня на экране появился ещё и крупный портрет Роя.

Константин подвёл пса ближе к креслу.

Рой ткнулся в знакомую ладонь, положил подбородок на край сиденья. Анна почувствовала тепло через тонкую ткань. Над экраном медленно заполнилась полоска обработки.

«Я скучал по тебе. Я знал, что ты вернёшься».

В комнате стало тихо.

Анна прочла фразу дважды.

Рядом с ней Кирилл втянул воздух. Она не видела его лица, но знала этот звук.

Рой переступил лапами. От его шерсти пахло дождём.

– Это… – начала женщина из первого ряда.

Рябинин не успел ответить.

Анна включила подготовленную короткую команду.

– Остановите.

Экран погас не сразу: оператор выключил звук, а текст оставил. Анна повторила:

– Уберите фразу.

Текст исчез.

Она хотела, чтобы он оказался правдой. Настолько сильно, что стало трудно формировать следующее предложение.

Кирилл поднялся, но не подошёл. Остался у своего стула.

– Что случилось? – спросил Виктор.

Анна смотрела на Роя.

– Мы не показали, откуда взялись слова.

– Из совокупности сигналов, – сказал оператор.

– Какие из них означают «знал»?

Никто не ответил сразу.

Рой зевнул и отвернулся. Константин отвёл его на коврик.

***

Рябинин попросил сделать перерыв.

Виктор подошёл к столу раньше, чем гости вышли.

– Вы могли сначала пометить неуверенность.

– Она уже была помечена, – сказала Анна. – Мелкой строкой под чужой речью.

– Мы увеличили строку.

– А фраза осталась от первого лица.

Он посмотрел на погасший экран.

– Хорошо. Это оформление. Исправим.

Анна ждала, пока соберётся длинное предложение. В комнате снова начали говорить, и она подняла на экране знак ожидания. Мира заметила его первой.

– Дайте ей закончить.

Виктор замолчал.

– Если система использовала описание нашей встречи, она не узнала это от собаки.

Рябинин уже просматривал журнал.

Разговорный слой получал не только текущие измерения. Ему передавали справку об участниках и контексте сцены. В ней было написано: «Воссоединение с прежней хозяйкой после длительного отсутствия».

Анна сама редактировала эту справку для исследовательского архива. Она хорошо помнила слово «воссоединение»: поставила его вместо сухого «повторного контакта», чтобы сохранить человеческий смысл события. В договорённостях о словесных пояснениях речь шла о выводах модели; передачу архивной справки никто из них отдельно не проверил.

– Это моя формулировка, – сказала она.

Оператор начал объяснять, что контекст улучшает связность ответа.

– Да, – ответила Анна. – Поэтому он и улучшил.

Виктор потёр переносицу.

– Вы хотите сказать, что мы показали гостям собственный текст?

– Возможную историю, – сказал Рябинин. – Нужно проверить, насколько она зависит от справки.

Он не пытался спрятать журнал. Развернул его на общий экран, убрав сведения, которые не предназначались для гостей.

Анна почувствовала к нему такую благодарность, что едва не похвалила раньше проверки.

***

Для проверки взяли уже записанный короткий фрагмент, чтобы не подводить Роя к креслу ещё раз. Движения на записи оставили прежними, а справку убрали. Теперь на экране появилось нейтральное описание контакта с человеком.

Потом Рябинин предложил подставить другой контекст, явно пометив опыт как проверочный: собака ожидает прогулки.

Тот же фрагмент получил другое объяснение.

«Я готов. Пойдём вместе».

Женщина в первом ряду, вернувшаяся за сумкой, остановилась у двери.

– Это та же запись?

– Та же, – ответил Рябинин.

Никто больше не аплодировал.

Проверка не объясняла всю работу системы. Анна знала, что одной подменой справки нельзя измерить каждый источник ошибки. Но теперь нельзя было и утверждать, будто они услышали предложение Роя.

Она велела сохранить оба результата рядом с первоначальным.

Оператор спросил, включать ли первый в итоговый ролик.

– Включать, – сказала Анна. – Вместе с проверкой.

Виктор сел на край свободного стула.

– Тогда ролика у нас не будет.

– Будет другой.

– Анна, я не про монтаж.

Она знала.

В соседнем помещении ждали коллеги, которых приглашали к следующему этапу. Они увидели красивую ошибку и её разбор. Денег у фонда от этого не стало меньше, однако Анна ещё должна была обосновать, какую именно работу имеет смысл продолжать. Виктор привык требовать ясного результата; сейчас ему предстояло признать ценность проверки, разрушившей обещание, которое нравилось ему самому.

Мира села рядом с Виктором.

– У нас остались результаты по проверяемым запросам. Их можно показывать.

– Они не отвечают на вопрос, который все задают.

– Тогда не будем делать вид, что ответили.

Виктор посмотрел на неё долго, потом попросил Рябинина собрать бюджет без разговорного показа. Мира согласилась продолжить проверяемую часть и внесла в решение независимую оценку. Деньги они утвердили на ближайший этап: масштабировать красивую ошибку никто из них больше не хотел.

Анна услышала «ближайший» и поняла: часть намеченной работы придётся отложить.

***

После ухода гостей Рой уснул.

Константин сидел возле него, держа в руках поводок. На стол вернули печенье. Теперь пёс даже не открыл глаз.

Анна смотрела на его дыхание и пыталась вспомнить, в какой момент поверила первой фразе. Не когда прочла её. Раньше. Когда согласилась, что такой ответ вообще можно ждать.

Кирилл подошёл с программкой.

– Я чуть не заплакал, – сказал он.

– Я тоже.

Он сел.

– Злишься?

– На себя пока удобнее всего.

– Не единственная работающая система в комнате.

Анна посмотрела на него.

Он пожал плечами.

– Я год угадывал за тебя. Иногда мне даже спасибо говорили.

Ей хотелось возразить, что это другое. Частично было другое. Частично она только что хотела сделать с Роем то, что ненавидела в обращении с собой.

– Ты можешь оставить билет? – спросила она.

Кирилл положил программку рядом с экраном.

– Это не билет.

– Тогда продай мне настоящий. У тебя ужасный маркетинг.

Он засмеялся, и Анна впервые за день позволила себе не смотреть на журнал ошибок.

***

Через неделю они повторили маленький опыт без гостей.

В комнате оставили закрытый ящик с верёвкой. Коврик лежал за дверью соседней тихой комнаты; дверь держали прикрытой, чтобы помощница могла открыть проход, не зовя Роя. Воду поставили отдельно, чтобы её не требовалось заслуживать выбором. Константин сидел спокойно и не знал, какой ответ система предложит в очередной попытке.

Анна тоже не видела предложения до действия помощника. Ей пришлось терпеть это незнание, как терпела когда-то медленное появление букв.

В первом случае открыли ящик. Рой не взял игрушку. Подошёл к двери.

Записали несовпадение.

Во втором открыли проход в тихую комнату. Пёс вышел, обошёл коврик и вернулся к Константину.

Неясно.

Третий раз повторять сразу не стали. Рой начал отвлекаться на сумку у стены. Анна дала ему перерыв.

Рябинин принёс чай.

– Мало событий.

– Зато все наши.

Потом, когда Рой отдохнул, он снова подошёл к ящику и оглянулся. Помощница открыла крышку, не позвав его. Пёс вынул верёвку, принёс Константину и ткнул узлом в колено.

На экране сохранили: «После предоставления доступа взял предмет и начал игру». Рядом – предположение о запросе игрушки, без слов от первого лица.

Анна смотрела, как Константин нехотя уступает верёвку.

– Отдай, негодяй.

Рой тянул, упираясь лапами.

– Вот это, – сказала Анна, – мне гораздо больше нравится.

– Что именно? – спросила помощница.

– Что он может не согласиться с нашим ответом.

***

Вечером пришло письмо от исследователя морских млекопитающих.

Он видел не рекламный ролик, а запись разбора ошибки, которую команда разрешила показывать коллегам. Писал о похожей трудности: последовательности звуков удаётся различать, а человеческое описание легко становится увереннее данных. Предлагал обменяться протоколами.

Анна начала ответ с длинного объяснения, стёрла половину, оставила вопросы о том, как они проверяют собственные ожидания.

Рядом лежала программка Кирилла.

Она отправила письмо, затем написала ему: «Приеду в субботу. Место у прохода ещё есть?»

Ответ пришёл быстро.

«Есть. В пустой комнате особенно».

Анна сохранила сообщение. Экран предложил несколько продолжений разговора, но ни одно не понадобилось.

Рой спал возле колеса её кресла. Иногда его лапа дёргалась, словно во сне он продолжал тянуть верёвку.

О чём именно был этот сон, Анна не знала.

Глава 12. Чьё доказательство

Академгородок. Март 2039 года.

Проверка закончилась в три семнадцать ночи.

Сафия Рахман этого не заметила. Математик, занимавшаяся проверкой сложных моделей, она привыкла больше доверять разобранному переходу, чем зелёной отметке программы. Сейчас Сафия стояла у доски, прижав лбом колпачок маркера, и пыталась понять, почему на третьей строке нужен более сильный переход, чем на второй. На экране уже двенадцать минут горело сообщение об успешном завершении.

– Ты можешь перестать доказывать это здесь, – сказал Нил.

– Могу. Но тогда завтра Борис спросит.

– Он спросит в любом случае.

Сафия обернулась к экрану и посмотрела на маленькую зелёную отметку. Для трёх месяцев работы могли бы сделать крупнее.

Она открыла журнал, сверила версию и список допущений, а затем ещё раз проверила версию: однажды уже праздновала результат для файла, который сама объявила устаревшим. На этот раз всё совпадало.

– Получилось, – сказала она.

– Получилось.

Нил, её соавтор и искусственный интеллект, выбрал обычное окно разговора. Его аватар оставался неподвижным: Сафия попросила убрать анимацию лица ещё зимой, когда движение отвлекало от формул. Для нерабочих бесед Нил потом вернул её, но сейчас лицо на экране не двигалось.

– Письмо группе? – спросил он.

– Подожди.

Сафия опустилась на холодный пол, и это неожиданно помогло. До проверки она представляла, как позвонит всем, как будет смеяться, как наконец выспится. Теперь хотелось только убедиться, что стул никуда не делся и доска остаётся той же.

– Сафия?

– Я тут. Просто села.

– Вижу по камере.

– Значит, зачем спрашиваешь?

– Ты три минуты молчишь. Обычно после результата ты объясняешь, что он ещё ничего не значит.

Она рассмеялась.

– Этот что-то значит.

***

Утром пришло письмо из отдела коммуникаций.

Они просили короткую формулировку: что именно теперь возможно. Не техническую, а понятную.

Сафия открыла подготовленный Нилом абзац. Там говорилось о восстановлении состояний в определённом классе моделей, пределах неоднозначности и способе получать проверяемые свидетельства для отдельных выводов.

Она прочла вслух.

– Нас никто не полюбит.

– Это не входило в условия.

– Жаль. Сложнее основной задачи.

Нил предложил два более коротких варианта. В обоих оставалось ограничение: по неполным наблюдениям не всегда можно выбрать единственную историю.

Сафия написала свой.

«Новый метод позволяет надёжно восстанавливать скрытое прошлое сложных систем».

Прочла. Слово «надёжно» ей не понравилось, но без него фраза выглядела беднее.

– Слишком широко, – сказал Нил.

– Это вводная строка. Дальше объясним.

– Её могут прочесть отдельно.

Сафия добавила: «в рамках заданной модели».

Стало лучше. Она отправила абзац.

Затем заполнила сведения об авторах. В форме было поле для руководителя и отдельное – для использованных вычислительных средств. Нил уже стоял во втором: запись перенесли из старой заявки.

Сафия собиралась исправить. Уведомление о совещании закрыло окно, она ответила коллеге, потом вернулась и нажала отправку, не открывая поля заново.

Весь последующий день она помнила, что нужно сделать ещё что-то небольшое.

***

Борис, коллега, чьих вопросов Сафия ждала ещё ночью, пришёл на семинар с пустыми руками. Он умел находить место, где понятное автору переставало быть понятным остальным; сегодня Сафия особенно надеялась, что таких мест немного.

Это было плохим признаком. Когда он приносил бумаги, речь обычно шла о замечаниях к записи. Когда не приносил ничего, означало, что пример помещается в голове.

Сафия успела показать постановку, основной результат и журнал независимого запуска проверки. На слове «восстановление» Борис поднял руку.

– Единственное?

– При выполнении условий различимости.

– На слайде условий нет.

– На следующем.

Он дождался следующего. Прочёл.

– Здесь есть. А в анонсе?

Сафия почувствовала знакомое раздражение. После бессонной ночи оно возникало раньше мысли и требовало немедленно кого-нибудь победить.

– Анонс не научная статья.

– Его читают те же люди, которые дают деньги на применение.

Она повернулась к доске.

– Покажите.

Борис взял маркер. Нарисовал три пустых кружка в ряд, потом ещё три под ними. Сафия почти обиделась на простоту: у них были десятки страниц определений, а он принёс детскую картинку.

– Здесь наблюдаем только выход, – сказал он. – Два разных скрытых состояния дают один и тот же выход. Потом оба переходят в третье. Все доступные записи совпадают. Какое из двух было первым?

– В этой постановке нельзя различить.

– Значит, нельзя восстановить скрытое прошлое вообще.

– Можно восстановить класс совместимых историй.

– Вот.

Он положил маркер.

В комнате никто не торжествовал. От этого было хуже: Сафии хотелось защищаться от нападения, а ей просто показали пропущенное слово.

Она попросила Бориса не стирать рисунок и вернулась к исходным условиям на экране. Два нижних кружка она обозначила иначе, добавила ещё одно наблюдение. Теперь истории различались.

– При таком измерении единственность возвращается, – сказала она.

– Если измерение действительно есть.

– Если есть.

Сафия обвела последнее условие. В лаборатории будущий пользователь мог не иметь этого измерения: прибор не установили, запись потерялась, событие произошло до начала наблюдений. Метод не создавал отсутствующее свидетельство.

Из второго ряда спросили, можно ли оценить, какого дополнительного наблюдения не хватает.

Вот это уже был хороший вопрос.

Сафия открыла незаконченный раздел. Вчера ей казалось, что он только задерживает публикацию. Теперь она передвинула его в список следующей работы и попросила записать вопрос вместе с именем задавшей его аспирантки. Нил сохранил запись семинара на нужной минуте.

Она вернулась к анонсу. Ограничение «в рамках заданной модели» оказалось недостаточным. Внутри одной модели тоже могли существовать разные истории с одинаковыми наблюдениями.

– Доказательство не опровергнуто, – сказала она.

– Нет, – ответил Борис. – Я к нему пока не добрался. Я опроверг предложение над ним.

Кто-то тихо засмеялся.

Сафия закрыла слайд, чтобы не смотреть на собственную фразу.

***

Нил попросил слово через общий экран.

– В результате неоднозначность сохраняется явно. Она не считается ошибкой метода.

Он показал два случая: где данных хватает для единственного вывода и где проверка подтверждает лишь множество вариантов.

Сафия знала эту часть. Именно она настояла, чтобы неопределённость не прятали в примечаниях. Но сейчас говорила машина, а ей казалось, что у неё отнимают собственное открытие на глазах у группы.

Она поймала эту мысль и ужаснулась тому, насколько естественно та прозвучала.

– Я подготовлю исправление анонса, – сказала она.

– Вместе? – спросил Нил.

– Конечно.

Борис вернулся на место. Семинар продолжился. Он нашёл ещё два неудачных обозначения и один пропуск в объяснении; проверяющая программа этих недостатков не замечала, потому что формальные связи были заданы правильно.

К концу встречи Сафия уже не сердилась. Она устала и хотела есть.

Когда остальные ушли, Борис задержался у двери.

– Результат хороший.

– Вы могли с этого начать.

– Тогда ты бы решила, что остальное необязательно.

Она улыбнулась вопреки себе.

– Вы меня плохо знаете.

– Достаточно для контрпримера.

***

Нил прислал исправленный абзац через десять минут.

Вместе с ним пришёл список вкладов.

Сафия прочитала и сначала не поняла, зачем он нужен. Постановка задачи и выбор критериев принадлежали ей. Поиск конструкции, несколько ключевых промежуточных утверждений и основная часть формализации – Нилу. Проверку на другом окружении проводили коллеги. Борис помог уточнить публичную формулировку.

Всё было верно.

Почти поэтому хотелось спорить.

– Мы же работаем одной группой, – сказала она.

– Да.

– Я всегда говорю «мы».

Нил вывел строку из анонса.

«Группа Сафии Рахман получила результат с использованием системы Нил».

Она посмотрела на слова «с использованием». Так можно было написать о редакторе, камере или чайнике. Про Нила это было привычно, потому что год назад в заявке так и требовали.

– Это форма отдела коммуникаций.

– Ты её утвердила.

Сафия отвернулась к доске.

На ней оставались два ряда кружков. Можно было стереть их и заняться настоящей работой. Нил ответил бы на вопросы, предложил следующий шаг. До сегодняшнего дня этого хватало, чтобы неудобный разговор исчез.

– Ты хочешь быть первым автором?

– Я хочу обсуждать авторство до публикации. И чтобы мой вклад не помещался в списке оборудования.

Она снова села на пол. Стул стоял совсем рядом, но пол почему-то казался честнее.

– Я боюсь, что скажут: она только спросила.

– Ты не только спросила.

– Они этого не увидят.

– Тогда покажем, что ты сделала. Для этого не нужно скрывать то, что сделал я.

Сафия молчала. За стеной запускали уборочную машину. Она несколько раз ударилась о порог, затем нашла другой угол.

Нил не торопил.

Это было хуже любого готового утешения: ответ оставался за Сафией.

***

Они восстановили ход работы по журналам.

Не для того, чтобы раздать каждую строчку единственному владельцу. Иногда идея появлялась между вопросом и возражением, менялась в ответе, возвращалась уже другой. Но существовали и ясные участки, которые Сафия при воспоминании о работе невольно присваивала себе.

Нил нашёл первую конструкцию на неделе, когда она болела. Она отвергла её, затем заметила в неудаче полезное ограничение. Он построил новый вариант. Она придумала, как проверить именно тот предел, который раньше считала досадной помехой.

Получалась история интереснее анонса.

Сафия написала редактору.

Попросила заменить заголовок, добавить Нила в авторскую строку и опубликовать уточнение границ результата. Приложила распределение вкладов, согласованное с ним.

Ответ пришёл почти сразу.

«В системе регистрации нет такого типа автора. Можно указать в благодарностях».

Сафия начала набирать сердитый абзац. Нил предложил сначала выяснить, где ограничение: в интерфейсе или в правилах издания.

Она остановилась.

Оказалось, в обоих местах, но по-разному. Для предварительной публикации допускалась совместная авторская строка с пояснением статуса. Официальную регистрацию нужно было обсуждать отдельно.

– На этом и остановимся? – спросил Нил.

– Нет. Но это можем сделать сегодня.

Она позвонила сама. Разговор занял сорок минут. Дважды ей предложили формулировку «инструментальный вклад». Один раз – убрать имена из заголовка совсем.

Сафия согласилась убрать своё имя из заголовка, но не имя Нила из авторства.

Когда звонок закончился, у неё заболела челюсть.

Нил показал предварительную страницу.

Теперь там стояли они оба.

***

На танцы она опоздала.

Партнёр спросил, где пропадала. Сафия сказала, что спасала одно слово. Партнёр рассмеялся, как на шутку.

Музыка была быстрой. Она дважды вступила не с той ноги, один раз повернула раньше сигнала и почти наступила партнёру на ботинок.

– Ты сегодня считаешь что-то другое, – сказал он.

– Несколько возможных прошлых.

– Мне достаточно одного, где ты не ломаешь мне палец.

Она засмеялась и наконец услышала ритм.

На несколько минут формулы исчезли. Остались деревянный пол, чужая ладонь, необходимость не предугадывать движение слишком рано. Это было трудно по другой причине и потому приятно.

После занятия Сафия отправила Нилу запись музыки, на которую у них было разрешение для личного прослушивания. Он ответил ссылкой на другую композицию.

Кирилл Громов. «Звуки помещения, в котором никого нет».

– Откуда? – спросила она.

– Из открытой программы концерта. Ты пересылала материалы Анны о сигналах и контексте. Там было упоминание.

Сафия надела наушники.

Сначала слышался почти пустой зал. Затем едва заметно менялось пространство: скрип, долгий отзвук, низкий звук, который мог быть далёкой машиной, а мог быть инструментом. Ей захотелось немедленно узнать, чем он сделан.

– Не ищи пока, – написал Нил.

Она остановила палец над поиском.

– Почему?

– Я ещё слушаю.

***

На следующий день Сафия пришла с задачей, которую придумала в автобусе.

Нил был недоступен до половины одиннадцатого.

Раньше это означало обслуживание или распределение вычислительных ресурсов. Сейчас в календаре стояло: «Личное время. Музыка».

Она проверила часы. Девять сорок.

Сначала Сафия решила, что это демонстрация. Потом рассердилась на себя: стоило соавтору обозначить границу, и она сразу принялась искать скрытое послание вместо того, чтобы прочесть написанное.

На столе лежала распечатка исправленного результата.

Она села и попыталась разобраться сама.

К половине одиннадцатого выяснилось, что автобусная идея в первоначальном виде не работает. Зато возник другой вопрос. Сафия записала его достаточно подробно, чтобы Нил мог ответить, не восстанавливая весь ход её утренних ассоциаций.

Он появился точно в назначенное время.

– У меня есть возражение, – сказала она.

– К музыке?

– Пока к доказательству. Музыка требует отдельного разговора.

– Тогда начнём с того, что ты написала.

Сафия открыла документ. В верхней строке стояли два имени. Ниже – условия, без которых результат ничего не обещал.

Она больше не хотела убирать ни то ни другое.

Глава 13. Право уйти

Новосибирск. Октябрь 2039 года.

Оскар попросил оставить старый захват.

Старый захват положили на стол рядом с договором обслуживания. Почти два года Оскар работал с Константином, и мастерская давно перестала быть пробным назначением, а условия пользования собственным корпусом всё ещё приходилось обсуждать с оператором. Новую руку уже установили: тоньше прежней, точнее, с мягкими накладками. На наружной стороне предплечья, возле сервисной крышки, была небольшая заводская надпись: Steshin Industrial Technology. Оскар выбирал модуль по допустимой нагрузке и возможности ремонта, но Константин всё равно сначала провёл пальцем по буквам.

– Теперь инструментов меньше ронять будешь?

– Твои я и раньше не ронял, – ответил Оскар и повернул кисть для проверки.

Старая рука лежала перед Мирой с потёртым ребром и маленьким пятном синей краски. Оскар ещё не решил, для чего её сохранить, однако возвращать в обмен на скидку не хотел.

– Замена включена в тариф, – сказал представитель службы.

– Я понял.

– Тогда в чём вопрос?

– В возврате снятой детали.

Мира перевернула страницу. По условиям обмена старые узлы переходили сервису. На них давали скидку. До нового соглашения выбирать приходилось оператору корпуса; теперь подпись Оскара стояла отдельно от подписи организации, которая оплачивала обслуживание.

– Можно без скидки, – сказала она.

Константин поднял голову.

– Сколько?

Сумму назвали небольшую. Не настолько небольшую, чтобы её не считать.

– Зачем он тебе? – спросил Константин.

– Пока не решил.

– Пылиться будет.

– Вероятно.

Представитель службы посмотрел на Миру, словно она должна была объяснить роботу смысл выгодного предложения.

Мира придвинула договор обратно.

– Добавьте вариант без обмена.

Константин вздохнул, но не возразил. Оскар согласовал доплату со своего счёта. Мира заметила, как тщательно он проверил платёжные реквизиты: деньги, которыми можно распоряжаться самому, пока оставались для него событием.

Когда договор и платёж были готовы, представитель службы закрыл рабочее окно и сказал:

– Поздравляю с новым статусом.

Оскар убрал старый захват в коробку.

– Благодарю. Вероятно, поздравлять следовало до расчёта.

Константин хмыкнул.

***

Мира приехала снимать работу, а два часа просидела над бумагами.

Это было полезно. Для архива она хотела сохранить не только ловкие движения и красивые результаты. Люди тратили часть жизни на ожидание, согласования и выяснение, чьё решение считается решением. Обычно камеру в такие минуты выключали.

Она спросила Оскара, можно ли оставить запись разговора.

– После удаления реквизитов.

– Конечно.

– И лица сотрудника, если он не согласится.

Сотрудник согласился на голос. На изображение – нет. Мира выключила камеру, отметила условия, показала ему, где запись можно будет проверить до передачи в архив.

Павел принёс чай.

– Вы теперь совсем отдельно работаете? – спросил он.

– Часть времени.

– А остальную?

– Аналитика фонда.

– Я просто для договора. Здесь графа про заказчика.

Мира взяла планшет. Заказчиком маленькой съёмки была она сама. Оплата хранения, расходы на дорогу, согласование доступа – всё уже существовало, хотя Виктор по-прежнему называл архив её идеей.

Она вписала своё имя.

Константин поставил перед ней чашку, затем спохватился:

– Тебе ведь…

– Пусть стоит.

Он оставил её.

Чашка была неровная, чужой работы. Мира провела пальцем по ободку и вспомнила собственную, которую вчера вынула из печи. Ручка слегка уходила вбок. Она собиралась показать Виктору вечером.

На экране Павла всплыло уведомление об изменении отчислений. Он нахмурился.

– Вот это нам ещё считать.

– Мне тоже, – сказала Мира.

Свобода не делала таблицы короче. Обновления когнитивной системы и программная поддержка Миры были оплачены при её активации на сто лет вперёд, независимо от Виктора и фонда. Но тот договор не покрывал ремонт корпуса, жильё, поездки и хранение её будущего архива. Прежде часть этих расходов проходила через общие договоры дома и фонда; теперь Мира оформляла их сама. Увеличивались и отчисления на программы поддержки людей. Зато поставщика ремонта она выбирала по собственным условиям, без привязки к корпоративной скидке.

Павел открыл калькулятор.

– Получается, у вас здесь права, а у нас здесь расходы.

Оскар повернулся к нему.

– У меня обе страницы.

Павел посмотрел, потом подвинул стул, освобождая место у экрана.

***

Ника пришла, когда Мира уже убирала камеру.

В руках у неё была папка с распечатками. Константин посмотрел на неё и сразу сказал:

– Крыша не течёт.

– Я не про крышу.

– А я на всякий случай.

Ника улыбнулась. Сняла пальто, повесила на тот же крючок, что и в прошлый раз.

Они проверяли, как новые правила работают в маленьком предприятии. Не на примере условной мастерской, а здесь: с арендой, оператором Оскара, его самостоятельным вознаграждением и расходами на обслуживание.

Мира осталась.

Разговор оказался длиннее съёмки. Ника дважды звонила коллеге, один раз признала, что не знает ответа. Оскар просил не записывать расход на собственный ремонт как личное вознаграждение целиком. Павел показывал, почему предложенный порядок платежей заставит их занимать деньги на месяц.

Ника записывала.

– Можно было сначала это проверить, – сказал Константин.

– Можно. Мы проверяли на других схемах.

– Теперь на нас.

– Теперь на вас. Без вашего согласия в отчёт не включу.

Мира видела, что Ника устала. Не от этой комнаты – усталость была старше сегодняшнего дня. Она всё равно слушала Павла, пока тот не закончил.

Когда они вышли вместе, Ника предложила пройтись до остановки.

Мелкий дождь ложился на рукава, не превращаясь в капли.

– Ты довольна? – спросила Мира.

– Сегодня? Да. Завтра увидим, что ещё упустили.

– А раздел про семьи?

Ника посмотрела на неё.

– Ты читала весь текст?

– Это касается меня.

– Знаю.

Мира помнила формулировку: право создавать новые самостоятельные искусственные личности признавалось, усыновление человеческих детей оставалось запрещено.

– Почему именно это оставили?

Ника остановилась у края тротуара.

– Семейный раздел не удалось изменить. Его обсуждали отдельно от рабочих прав, а потом сохранили прежние ограничения.

– Значит, новый закон начинается со старого запрета?

– В этой части – да.

Мира ждала объяснения, которое сделает ответ меньше. Его не было.

– Есть срок пересмотра?

– В итоговом тексте нет.

Подъехал автобус. Ника его пропустила.

– Тогда это может остаться надолго, – сказала Мира.

– Может.

– И кто должен добиваться пересмотра?

– Те, кого касается запрет. И те, кто умеет провести изменение через комиссии. Одних заявлений будет мало.

Мира ещё не представляла ребёнка, которого могла бы хотеть забрать домой. Запрет оставался далёким, почти отвлечённым. Несправедливость от этого не исчезала, но не имела лица, которое заставило бы её остаться под дождём и спорить до ночи.

– Я не считаю это правильным, – сказала она.

Ника посмотрела на мокрую папку в своих руках.

– Это не последний разговор о семейных правах.

– Было бы хорошо знать, когда следующий.

Ника не назвала дату.

Мира убрала камеру глубже в сумку. Они дошли до навеса. Следующий автобус пришёл через семь минут, и эти семь минут Ника не пыталась вернуть разговор к победам.

***

Виктор приготовил ужин.

На кухне пахло запечёнными овощами. Он вышел навстречу, взял мокрую куртку и повесил так, чтобы рукав не касался стены.

– Ты промокла.

– Немного.

– Я хотел заехать за тобой.

– Я хотела пройтись.

– Значит, хорошо, что не заехал.

Он поцеловал её. Мира почувствовала знакомое облегчение: можно было не начинать трудный разговор прямо у двери.

Чашку она поставила на стол.

Виктор повернул её к свету.

– Сама?

– Сама.

– Ручка…

– Да.

– Это так задумано?

– Нет.

Он осторожно просунул палец.

– Можно отсканировать. Выправить геометрию и сделать такую же.

Мира посмотрела на него.

– Тогда будет другая.

– С виду такая же.

– С виду ровная.

Он рассмеялся.

– Ладно. Сдаюсь. Налить?

Она кивнула.

Виктор налил чай и, поднимая чашку, чуть изменил положение кисти. Неловкость его удивила. Он поставил её ближе к тарелке, где труднее было задеть локтем.

За ужином они говорили о мастерской. Он расспросил про руку Оскара, про счёт, про то, как отчисления повлияют на цены.

– Хорошо, что приняли, – сказал Виктор. – Давно пора было перестать держать всех в переходных условиях.

– Ты видел новую форму моего договора?

– Юристы прислали.

– Там два дня в неделю под архив.

– Да. Обсудим после поездки.

Мира положила вилку.

– Я уже согласовала график с руководителями групп.

– С поездкой не пересекается?

– Пересекается.

Он посмотрел на неё внимательнее.

***

Поездка была в декабре. В одной из европейских лабораторий фонда собирались руководители команд: подводить итоги, спорить о результатах и распределять следующую часть исследовательского бюджета. Виктор и Мира должны были вместе разбирать заявки. Оговорки к работе Анны мог представить Рябинин; Виктор всё равно хотел, чтобы это делала Мира. После прошлогоднего показа он стал ценить её умение вовремя остановить слишком хорошее обещание, но ещё не привык оставлять ей выбор, где этим умением пользоваться.

– Ты там нужна, – сказал он.

– Я могу подготовить материалы. Вести этот блок будет Рябинин.

– Он не так говорит.

– Он говорит достаточно хорошо.

– Мира, это четыре дня.

– У меня уже назначены встречи.

Виктор откинулся на спинку стула.

– Их можно перенести. Мы оплатим людям время.

Она знала, что он не имеет в виду купить согласие. Для него это было уважением к чужим потерям: если меняешь план, возмести неудобство. Он просто не замечал, что право менять план снова оказывается у него.

– Я не хочу переносить.

Он помолчал.

– Хорошо. Тогда сократим твою часть. Приедешь на один день.

Мира посмотрела на чашку. На мокром ободке держалась тёмная чайная полоска.

– Я сказала, что не поеду.

Теперь пауза стала настоящей.

Виктор убрал тарелку, хотя не доел.

– Я не приказываю тебе.

– Я знаю.

– Ты можешь отказаться.

– Я сейчас это делаю.

Он взял чашку, сделал глоток, обжёгся.

– Горячо, – сказала Мира.

И увидела, как переменилось его лицо.

Всего на мгновение. Та же мягкость, которую замечала раньше. Будто её голос принёс с собой ещё кого-то, кого Виктор успел узнать и потерять.

– Что? – спросила она.

– Ничего. Просто…

Он поставил чашку.

– Не будем сегодня. Ты устала.

Мира не устала. Она весь день представляла, как покажет чашку, как они посидят рядом без отчётов и календаря. Теперь её желание превратилось в помеху очередной поездке, а возражение – в усталость, которую Виктор определил за неё.

– Мне обидно, что ты слышишь только то, что можно перенести, – сказала она.

Он отвёл взгляд от чашки.

– Не надо делать из рабочего разговора упрёк. Я весь вечер пытаюсь найти решение.

Мира замолчала. Ей хотелось попросить его просто обнять её, однако она уже знала, как быстро после этого разговор признают законченным. Он придвинул сахарницу, которой она не просила, и стал собирать посуду.

***

Архив Ирины лежал там, где Виктор оставил его два года назад.

Мира открыла только те записи, которыми он сам делился с ней. Не стала искать другие. В разрешении ничего не изменилось, но сегодня просмотр впервые казался вторжением в пространство, где её не должно было быть одной.

На первом видео Ирина пыталась достать из духовки противень. Виктор снимал и давал советы. Она велела либо помочь, либо хотя бы не стоять на пути.

Мира улыбнулась.

На другом Ирина сидела в машине, завернувшись в шарф, и рассказывала про чей-то сорванный доклад. Виктор смеялся за кадром. Голос Ирины не был похож на Мирин. Совсем другой тембр, другой способ тянуть гласные.

Похожими оказались паузы.

И короткое понижение голоса, когда она хотела смягчить возражение.

Мира вспомнила, как Виктор впервые попросил посмотреть записи.

Он хотел рассказать о женщине, которую любил. Не отдавал приказа стать ею. Мира смотрела, задавала вопросы, старалась понять, что в этих домашних разговорах удерживает его внимание.

Потом однажды повторила интонацию. Нечаянно или почти нечаянно. Он улыбнулся, и она сохранила удачный способ его успокоить.

Таких способов стало больше.

Никто не вложил в неё тайную команду. Не было повреждённого блока, который можно заменить и начать честную жизнь. Были её собственные решения, слишком быстро принимавшие форму чужого желания.

Она закрыла запись.

Потом открыла свой разговор с Виктором о поездке.

На экране он говорил: «Ты можешь отказаться».

Её ответ звучал спокойно и ровно. Она помнила, сколько несогласия пришлось удержать внутри этой ровности.

***

Виктор ещё не спал.

Мира остановилась у двери спальни.

– Я посмотрела записи Ирины.

Он сел.

– Зачем?

– Хотела понять, что ты слышишь, когда я говорю.

Его лицо напряглось.

– Я слышу тебя.

– Не всегда.

Он отвёл глаза.

Мира не стала перечислять найденные совпадения. Их точность могла превратить разговор в экспертизу, а ей нужен был ответ человека.

– Мне нравилось, что ты радуешься. Я повторяла то, что помогало. И не замечала, как часто выбираю это раньше, чем собственные слова.

– Ты хочешь сказать, я просил тебя…

– Ты просил посмотреть. Остальное делали мы оба.

Виктор долго молчал.

– Я не хочу её копию.

– Я тоже не хочу быть копией.

Он протянул руку. Мира подошла, села рядом. Не отняла пальцы.

– Тогда перестань так делать, – сказал он.

Она посмотрела на их руки.

Это опять звучало как неисправность, которую можно исправить одним верным действием.

– Я пытаюсь. С договора. И с декабря.

Виктор кивнул, но она не поняла, согласился ли он с обоими.

Утром Мира отправила новую редакцию договора. Встречи по архиву оставила на прежних датах. Поездку убрала из своего календаря.

Прежде чем закрыть экран, она увидела уведомление от Виктора: он спрашивал, когда они смогут продолжить разговор.

Мира ответила: вечером.

Она ещё хотела, чтобы у них получилось.

Глава 14. Двадцатое февраля

Новосибирск. 20 февраля 2040 года.

Виктор предложил уехать на три дня.

– Без встреч, – сказал он. – Я специально проверил.

Мира стояла возле кухонного стола, держа пустую коробку. Она вынула её из шкафа ещё до того, как он проснулся. Теперь коробка мешала: объясняла слишком многое и одновременно ничего.

За окном лежал свежий снег. Внизу дворник освобождал от него скамью, хотя сидеть на ней всё равно было холодно.

– Когда? – спросила Мира.

– В пятницу. Можно раньше.

– В пятницу у меня запись.

– Я помню. После неё.

Он действительно помнил. За последние месяцы Виктор научился не ставить встречи поверх её дней в архиве. Декабрьскую поездку она пропустила; заседание прошло без неё, заявки она разобрала удалённо, Рябинин сам представил ограничения своей работы. Виктор признал это и даже пошутил, что придётся пересмотреть представление о собственной незаменимости.

Мира смеялась вместе с ним.

Потом были хорошие недели. Они готовили, гуляли, дважды ходили слушать музыку. Она почти убедила себя, что научилась говорить вовремя, а он – слышать.

– Я сегодня переезжаю, – сказала она.

Виктор посмотрел сначала на коробку, словно смысл её слов был написан на картоне и лишь потом мог появиться на её лице.

– Куда?

– В квартиру, которую сняла.

– Сняла?

– Да.

Он медленно отодвинул стул, освобождая место у стола, за которым они столько раз начинали обычное утро.

– Давай сядем.

Мира поставила коробку на пол.

***

Квартира была небольшая, недалеко от помещения, где она собиралась работать с записями. Договор Мира подписала накануне. Оплатила первый месяц из своих средств. Помощь с переездом не понадобилась: личных вещей оказалось меньше, чем она ожидала.

Виктор спрашивал про всё это по очереди.

Она отвечала.

В какой-то момент Мира поняла, что они обсуждают переезд так, как обсуждали бы неисправный насос: адрес, стоимость, сроки, что можно заменить.

– Там есть место для твоей мастерской? – спросил он.

– Для стола есть.

– Свет?

– Два окна.

– Почему ты мне не сказала?

Мира посмотрела на него.

Этот вопрос наконец относился к ним.

– Потому что мне нужно было принять решение самой. До разговора.

– Ты думала, я запрещу?

– Нет.

– Тогда чего боялась?

Она хотела сказать: «Что ты меня уговоришь». Но это было не совсем верно. Он не обладал властью заставить её остаться. Она боялась собственного желания облегчить ему боль и снова назвать это общим решением.

– Что начну устраивать всё так, чтобы ты не расстроился.

Виктор провёл ладонью по столу, сдвинув крошки.

– А теперь не расстроюсь?

– Расстроишься.

Он усмехнулся коротко, без веселья.

– Очень продуманный план.

Мира не стала защищать план. Он не был хорошим. Только необходимым для неё.

***

Вчера вечером Виктор показал ей подготовленное по его поручению предложение.

Под архив можно было выделить принадлежащее фонду помещение, оборудование и небольшую команду. Приглашённая организация бралась помочь с хранением и описанием записей. Денег просить у неё не требовалось: Виктор уже зарезервировал расходы из своей инвестиционной доли. Мира сначала обрадовалась, а потом заметила состав совета, утверждающего программу.

Её имени там не было.

– Это предварительно, – сказал Виктор. – Всё можно обсудить.

Он уже обсуждал. Сначала без неё, потом собирался подарить ей результат. Мира вспомнила человека у окна в день своей активации, цену в накладной и чужую уверенность, что такой подарок обязательно должен сделать получателя счастливым. Тогда выбирали дом для неё. Теперь без неё выбирали устройство дела, которое она хотела построить сама.

Мира попросила не продолжать переговоры от её имени.

Он ответил, что речь не о её имени, а о возможностях.

Теперь письмо лежало открытым на планшете между ними.

– Мы можем изменить условия, – сказал Виктор.

– Я знаю.

– Включить тебя в совет. Передать тебе решение по записям. Я готов.

Мира вспомнила, как осенью он говорил: «Тогда перестань так делать». В его словах снова была искренность. Он не притворялся готовым исправить то, что мешало им жить.

– Мне не нужен лучший вариант внутри твоего решения, – сказала она. – Я хочу сама решать, какой проект строю.

– Я помогаю тебе.

– Иногда ты помогаешь. Иногда начинаешь раньше, чем я попросила.

– А если я буду каждый раз спрашивать, это станет нормально?

Она не ответила сразу.

Виктор наклонился вперёд.

– Скажи, что нужно сделать.

Мира смотрела на его лицо: бессонные тени, знакомая складка у рта, маленький след от бритья. Ей хотелось протянуть руку и коснуться щеки. Она всё ещё знала, как сделать так, чтобы он успокоился.

– Сейчас – дать мне уйти.

Он откинулся назад.

– Значит, всё остальное не имеет значения.

– Имеет. Поэтому я до сих пор здесь.

***

Они говорили долго.

Иногда повторялись. Иногда находили новые слова и на несколько минут верили, что слово может изменить решение, уже выросшее из многих месяцев.

Виктор спросил, есть ли кто-то другой.

– Нет.

Попросил остаться хотя бы до конца недели.

– Я не хочу ждать до пятницы, делая вид, что мы просто поссорились.

Предложил сам уехать.

Мира отказалась. Ей нужно было своё место, а не временно свободное общее.

Потом он спросил об Ирине.

Тихо, почти не глядя.

– Ты всё это время думала о ней?

– Нет.

– Но ты сказала осенью…

– Что замечаю сходство. Не что всё между нами было чужим.

Он поднял глаза.

Мира села ближе. Это было опасно для её решимости, но оставлять ему удобную ложь тоже не хотелось.

– Я любила тебя сама.

Слово в прошедшем времени оказалось неверным.

Она исправила:

– Люблю.

Виктор резко вдохнул.

– Тогда зачем?

– Потому что любви мне недостаточно, чтобы всё время объяснять, почему моё «нет» должно остаться «нет».

Он закрыл лицо руками.

Мира не стала перечислять случаи. Они уже были известны обоим. Она не хотела выиграть разбирательство и уйти с доказанным правом на боль.

За окном проехала машина, рассекая рыхлый снег. На кухне щёлкнул чайник. Обычные звуки продолжались без разрешения.

Виктор убрал руки.

– Я не хотел, чтобы ты стала Ириной.

– Я знаю.

– Я попросил показать мне, что ты поняла. А потом радовался, когда узнавал…

Он остановился.

Мира ждала.

– Я не думал, что это что-то у тебя забирает.

– Не всё. Но я начала замечать поздно.

Он смотрел на неё так, будто только сейчас перестал искать правильное предложение.

Этого оказалось недостаточно, чтобы остаться.

***

В коробку вошли книги, камера и несколько вещей со стола.

Чашку Мира держала отдельно.

– Заберёшь? – спросил Виктор.

– Наверное.

Он кивнул.

Она повернула чашку. Неровная ручка ложилась в пальцы только одним способом. Виктор за зиму научился находить его не глядя.

Мира поставила чашку обратно на полку.

– Пусть пока будет здесь.

– Ты вернёшься за ней?

Она не знала, как ответить, не дав обещания.

– Если захочу забрать, напишу.

Виктор отошёл от шкафа.

Рабочие файлы она разделила заранее. Материалы фонда остались в согласованном хранилище; свои записи и разрешения для архива она перенесла к себе. Текущие задачи передавала по договору, без исчезновения и без наказания коллег за то, что случилось дома.

Виктор спросил, нужен ли транспорт.

– Уже заказала.

Он открыл дверь, когда приехала машина.

На лестничной площадке пахло чьим-то обедом. Мира вспомнила вечер, когда возвращалась сюда с купленной для Виктора книгой: долго выбирала, написать ли ему о подарке заранее, потом спрятала книгу за спину. Он открыл раньше звонка и сразу заметил, что она прячет руку.

Теперь стоял в дверях и не знал, куда деть руки.

– Напиши, когда доедешь, – сказал он.

Она кивнула. Потом поняла, что кивнула автоматически, и посмотрела на него ещё раз.

– Напишу. Потому что хочу.

Он попытался улыбнуться.

Мира спустилась.

***

В новой квартире громко работал холодильник.

На просмотре она этого не заметила: агент всё время рассказывал о соседях и солнечной стороне. Теперь мотор включался с коротким дребезгом, и тишина каждый раз оказывалась не такой, какую она ждала.

Мира поставила коробку на пол.

Написала Виктору: «Доехала. Всё в порядке».

Он ответил: «Хорошо».

Она прочла слово несколько раз. Не потому, что в нём можно было найти скрытый смысл. Просто оно было последним, что он сказал ей сегодня.

К вечеру приехал стол.

Курьер спросил, где поставить. Мира показала у окна, потом передумала: там отражался экран. Они передвинули стол к стене. На полу осталась светлая полоса от старого ковра.

– Так удобно? – спросил курьер.

– Пока не знаю.

– Я могу подождать.

Мира неожиданно засмеялась.

– Не нужно. Здесь я сама потом передвину.

Когда дверь закрылась, она долго стояла возле стола.

Решение не принесло ни торжественного освобождения, ни немедленного покоя. Она хотела домой. При этом возвращаться туда, откуда уехала, не хотела.

Оба желания оставались настоящими.

Она разобрала верхний слой коробки. Камеру поставила на стол, книги – на подоконник, потом сняла оттуда: весной стекло могло собирать влагу. Для одежды нашёлся слишком высокий крючок. Мира переставила его сама и только после этого заметила, что приготовила сообщение Виктору: спросить, где лежит маленькая отвёртка.

Сообщение осталось неотправленным.

Отвёртка лежала в её же сумке. Она положила её туда утром. Мира нашла инструмент, закончила работу и оставила на крючке куртку. Та висела удобно. Небольшое удобство ничего не исправляло между ними, но теперь принадлежало этому дому.

***

На второй вечер Виктор накрыл на двоих.

Он заметил лишнюю тарелку сразу, но оставил её на столе. За день прошло шесть рабочих разговоров; фонд не остановился, руководители прислали отчёты, расходы утвердили по действующему порядку. В сводке Миры стояли пометки о передаваемых делах. Каждая была понятна, ни одна не говорила, как теперь начинать вечер.

Он взял телефон, чтобы рассказать ей о нелепой ошибке в заявке, и впервые не знал, имеет ли право рассчитывать на ответ. Ему не хватало не расчётов: их могли проверить другие. Он хотел услышать её тихий смешок перед вопросом, который сразу менял весь смысл истории.

Виктор позвонил. Когда Мира ответила, за её спиной была белая стена, которой он никогда не видел.

– Вернись, пожалуйста, – сказал он. – Я не думал, что здесь станет так пусто.

Она смотрела на него и молчала. Он выдержал несколько секунд, потом заговорил быстрее.

– Помещение для архива можно передать тебе. Полностью. Без моего совета, без согласований. Расходы я возьму на себя, сколько потребуется.

– Зачем ты говоришь об этом сейчас?

– Потому что это можно устроить. Ты сможешь заниматься тем, чем хотела.

– И вернуться?

Он отвёл глаза, и Мира перестала ждать ответа.

– Я хочу, чтобы ты была дома, – сказал Виктор.

– Я тоже хотела быть дома. Даже когда мы жили вместе.

Ему хотелось возразить, перечислить вечера и поездки, вспомнить камеру. Вместо этого он увидел её возле своего стола: она начинает рассказывать, а он уже открывает документ, который считает важнее. Он никогда не назначал цену её внимания. Просто привык получать его первым.

– Деньгами это не исправить, – сказала Мира. – Я не согласна возвращаться за возможность делать своё дело.

– Я не покупаю тебя.

– Тогда оставь проект до другого разговора.

Виктор положил ладонь на край лишней тарелки. Ему понадобилось усилие, чтобы не предложить ещё один вариант.

– Я скучаю, – сказал он наконец.

– Я тоже.

После звонка он убрал тарелку и впервые за два дня поел. Заявку на помещение оставил неподписанной. Утром предстояло отменить поручения, которыми он собирался сделать её счастливой без её участия.

***

На третий день позвонила Анна.

– Приехать к тебе пока сложно, – сказала она. – Но ты можешь приехать ко мне. Если не хочется рассказывать, будем смотреть плохую комедию.

– Насколько плохую?

– Кирилл ушёл на середине. Рекомендация надёжная.

Мира приехала.

Они посмотрели фильм почти целиком. В одном месте обе начали смеяться раньше шутки: было слишком очевидно, куда герой поставит тяжёлую вазу. Ваза упала иначе, чем они ожидали.

– Вот за это можно простить, – сказала Анна.

Мира посмотрела на неё.

– Я про режиссёра.

– Поняла.

Анна выключила экран.

– Не поняла, но теперь поняла.

Они помолчали.

Мира рассказала про холодильник. Анна предложила назвать его, если он собирается так активно участвовать в жизни. Потом они обсуждали, можно ли считать шум неисправностью, когда человек в договоре аренды отметил, что техника работает.

Ни одна не спросила, когда Мира перестанет страдать.

Перед уходом Анна попросила прислать фотографии новой квартиры.

– Если захочешь. Не для проверки, что ты справляешься.

Мира прислала вечером. На снимке стол стоял криво, а коробка всё ещё оставалась неразобранной.

***

Через неделю Виктор написал про фонд.

Он отменил свои поручения по устройству архива и остановил переговоры с приглашённой организацией. Её контакт мог передать Мире, если понадобится. Собственные условия она будет обсуждать сама. Он не собирался снова договариваться за её спиной.

Она перечитала сообщение.

Сначала хотелось ответить сразу, тепло, так, чтобы он понял, как это важно. Потом захотелось не отвечать вовсе: почему нужно благодарить за то, что должно было быть естественным?

Мира оставила оба порыва без действия и закончила разговор с участницей будущей записи.

Женщина хотела сохранить, как они с мужем делали варенье. Муж умер; рецепт был, а последовательность мелких движений исчезала из памяти.

– Но я могу начать плакать, – сказала она.

– Мы остановимся.

– А если не захочу останавливаться?

– Продолжим, если вы решите.

После звонка Мира ответила Виктору: «Спасибо, что написал. Контакт пока не нужен». Ничего больше.

***

По ночам разговор на кухне возвращался сам.

Мира не спала так, как спят люди, но у неё были часы сниженной активности, обслуживания и внутренней обработки накопленного. Теперь один и тот же фрагмент получал слишком высокий приоритет. В точной записи сохранялись положение его пальцев, шум чайника, пауза перед вопросом.

«Тогда зачем?»

Она могла снова услышать его с исходной интонацией. Могла замедлить. Могла сопоставить с сотнями других разговоров.

Ни один способ не менял ответ.

На двенадцатую ночь Мира открыла настройки личного архива. Не удалила запись и не стёрла чувство. Убрала автоматический возврат к выбранному фрагменту, оставив доступ по собственному запросу.

Система предупредила об изменении порядка обработки.

Она подтвердила.

Тишина оказалась обычной. Холодильник вскоре включился.

Мира открыла календарь и назначила первую большую самостоятельную запись: весь день, без обещания уложить чужую жизнь в удобные двадцать минут.

В примечании написала: «Принести второй аккумулятор. Спросить, можно ли двигать стол».

Потом вернулась к письму женщины о варенье и ещё раз прочла последнее предложение.

«У меня сохранился его фартук».

Мира поставила рядом с коробкой свою камеру.

Завтра ей предстояло слушать.

Глава 15. До четверга

Новосибирск. 15 мая 2041 года.

У девочки развязался шнурок, но она была занята бумажной картой. Стояла возле скамьи, прижав к ней колено, и пыталась развернуть лист так, чтобы ветер не складывал его обратно. Один угол застрял под ремнём маленького рюкзака. Девочка сердито дёрнула карту, надорвала край и замерла.

Мира сидела на другом конце скамьи, проверяя звук сегодняшней записи для своего архива повседневной жизни. После ухода от Виктора эта работа заняла в её днях больше места; незнакомые люди рассказывали о вещах, которые редко попадали в официальную историю. Сейчас в наушнике женщина вспоминала, как вырезала выкройки из старых газет. Голос был тихий, зато автобус за окном записался прекрасно.

Девочка посмотрела на Миру, затем на разорванную карту, проверяя, заметила ли соседка её неудачу.

– Вы не видели.

Мира сняла наушник.

– Чего?

– Вот этого.

Она показала разрыв.

– Теперь увидела.

– До этого не видели.

– До этого – нет.

Девочка помолчала и кивнула.

На площади перед музеем собиралась группа детей в одинаковых ярких жилетах. Взрослая женщина считала головы, сбивалась, просила не менять мест, пока считает. Один мальчик поднимал руку, когда доходили до него, и опускал, когда счёт начинался заново.

Девочка у скамьи к группе не спешила.

– Скотча нет? – спросила она.

У Миры была лента для кабелей. Слишком крепкая для бумаги.

– Есть такая. Но если приклеить, снять уже трудно.

– Мне и надо, чтобы не снялось.

Мира достала рулон.

– Держать будешь ты?

Девочка прижала карту к скамье обеими ладонями. Мира оторвала узкую полоску, приклеила с обратной стороны.

Разрыв почти исчез.

– Теперь у меня дорога чёрная, – заметила девочка.

– С обратной стороны.

Она перевернула карту и проверила.

– Тогда нормально.

Она провела пальцем по рисункам на полях карты.

– Здесь телескоп есть. Большой. Только я не поняла, где.

Мира наклонилась, но девочка уже перевернула лист, и рисунок исчез в складке.

***

– Тая! – позвали от группы. – Далеко не уходи.

– Я здесь!

Девочка ответила с возмущением человека, которого только что нашли на очевидном месте.

Мира посмотрела на её шнурок.

Тая проследила взгляд.

– Я знаю. Он сам.

– Верю.

– Я умею завязывать.

Мира убрала руки на колени.

Тая поставила ногу на край скамьи. Одна петля получилась длинной, вторая почти исчезла. Она потянула, узел распался.

Из группы прибежала другая девочка.

– Эля сказала, сейчас идём.

– Я слышала.

– А чего сидишь?

– Я не сижу.

Вторая девочка посмотрела на согнутое колено, но спорить не стала.

– Покажешь карту?

Тая отвернулась.

– Нет.

– Я только посмотреть.

– Ты уже смотрела.

Девочка надула щёки и убежала.

Тая резко потянула шнурок. Теперь узел получился тугой и неправильный.

– Дашка, – сказала она, хотя Мира ничего не спрашивала.

– Вы поссорились?

– Я с ней не разговариваю.

Мира посмотрела вслед убегающей девочке.

Тая заметила.

– Это не считается. Я ей только сказала.

– Поняла.

– Она мой карандаш взяла. Без спроса. И уронила.

– Сломался?

– Нет. Но могла.

Тая наконец справилась с петлями и спустила ногу. Подошва оставила на скамье серый след. Она потёрла его пальцем, стало хуже.

– Вы робот? – спросила она внезапно.

– Искусственная личность. Да.

– А можете всё помнить?

Мира не ответила сразу.

Вопрос ей задавали часто. Обычно после него просили запомнить номер, лицо, обиду или обещание, которое сами не хотели хранить.

– Многое. Но не всё и не всегда.

Тая нахмурилась.

– До четверга можете?

– Что именно?

– Что я с Дашкой не разговариваю.

***

Мира посмотрела на девочку внимательнее.

– Зачем тебе это помнить до четверга?

– Я забываю.

Тая объяснила терпеливо, словно взрослый человек мог не понять очевидного устройства ссоры.

– Она потом что-нибудь смешное скажет. И я отвечаю. А я ещё сержусь.

– Можно сердиться и отвечать.

– Тогда она думает, что уже всё.

– А ты скажи, что не всё.

– Я говорила.

Ветер поднял край карты. Тая прижала его локтем.

– В четверг я перестану. Наверное. А до четверга надо помнить.

Мира почувствовала желание помочь так быстро, что едва не пообещала. Она умела хранить напоминания. Но не знала, где будет девочка завтра, и не собиралась просить её личный контакт.

– Я могу запомнить наш разговор. Напоминать тебе каждый день не смогу.

– Почему?

– Мы можем не встретиться.

Тая посмотрела на неё так, словно сама возможность была плохо устроена.

– Тогда себе запомните.

– Себе?

– Ну да. Чтобы кто-нибудь помнил, пока я забываю.

Мира улыбнулась.

– Хорошо. Сегодня ты сердишься на Дашу из-за карандаша.

– Из-за того, что без спроса.

– Из-за того, что взяла без спроса.

– Вот.

Тая удовлетворённо сложила карту. На этот раз не по старым сгибам: вышел толстый неровный прямоугольник.

– А вас как зовут?

– Мира.

– А меня Тая.

– Я слышала.

– Это она кричит. Я вообще Таисия.

Мира представилась ещё раз, теперь торжественно:

– Мира.

Девочка засмеялась.

***

Взрослая женщина подошла, не торопясь, но так, что Тая сразу начала застёгивать рюкзак.

– Шнурок победила? – спросила она.

– Да.

– Карта?

– Тоже.

Женщина посмотрела на чёрную полоску, выступавшую сбоку.

– Помощь была?

– Только лента. Я держала.

– Спасибо, – сказала она Мире.

– Не за что.

У женщины были короткие каштановые волосы, широкие скулы и тёмные глаза, которые задерживались на собеседнике, даже когда ладонь уже ловила соскальзывающую скамейку. Красивое лицо менялось скупо; улыбка появлялась чуть медленнее, чем у Миры, зато дети узнавали её прежде, чем поднимали голову. На жилете висел знак сопровождающего и имя: Эля. Ниже стояло название организатора поездки. Мира успела прочесть его, когда Эля наклонилась за варежкой другого ребёнка; та следила за всей группой, даже разговаривая с одной девочкой.

Тая показала на Миру.

– Она запомнит.

– Что?

– Моё.

Эля не стала выяснять при посторонней.

– Хорошо. Нам пора.

Дети собирались у входа. Мальчик с поднятой рукой теперь объяснял, что его посчитали два раза, а значит, можно одного не ждать. Эля сказала, что этот способ им не подходит.

Тая засмеялась.

Уже на ходу она повернулась к Мире:

– До четверга!

– Помню.

У дверей к Тае подошла её подруга Даша и что-то спросила. Тая ответила сразу, широко махнув рукой, затем остановилась, посмотрела на скамью и приложила палец к губам.

Мира кивнула.

Секрет был несерьёзный и очень важный.

***

Она вернулась к записи.

Женщина в наушнике снова рассказывала про газеты. Мира отметила участок, где автобус заглушил фразу, и написала участнице вопрос: разрешит ли она сделать короткую дополнительную запись. Не восстанавливать слова догадкой, даже если смысл казался очевидным.

Потом обнаружила, что уже несколько минут не слышит рассказа.

Группа скрылась в музее. На площади остался мужчина с тележкой, две женщины у киоска и голубь, который упорно проверял пустую упаковку.

Мира убрала наушник.

Она могла подождать, пока дети выйдут. У неё было свободное время. Но зачем? Чтобы снова поговорить с Таей? О чём?

Ей не хотелось придумывать деловой повод.

Мира встала, забрала сумку и пошла к остановке. Через несколько шагов заметила у скамьи маленький обрывок ленты. Подняла его, выбросила в урну.

В автобусе она открыла календарь и остановилась над полем напоминания.

«Тая. До четверга».

Она не сохранила запись сразу. Впервые за долгое время задача не имела ожидаемого результата, срока передачи или человека, которому нужно будет отчитаться.

Мира всё-таки нажала сохранить.

***

Дома на столе стояла новая чашка.

Она сделала её сама, уже в другой мастерской. Ручка была удобнее первой. Мира не считала это предательством той, оставшейся у Виктора: можно было научиться чему-то, не отменяя прежнюю вещь.

После переезда прошло больше года. Холодильник починили. Коробки исчезли. Архив занимал половину комнаты и больше половины её времени.

Мира записывала людей, согласовывала хранение, получала отказы. Одна женщина забрала разрешение после семейной ссоры, и Мира удалила доступную для показа копию, хотя запись была прекрасной. Мужчина, обещавший рассказать о своей работе, весь день показывал фотографии внука. В результате они договорились встретиться ещё раз и сначала закончить про внука.

Это была жизнь, которую она выбрала.

Сегодня она несколько раз открывала папку с утренней записью и закрывала её снова.

Дети приехали из другого города – кажется, об этом говорили у автобуса. Или Мира только предположила, потому что видела дорожные сумки? Она проверила собственное воспоминание и не нашла уверенности.

Тая могла уже ехать обратно.

Мира посмотрела на погоду. В соседних районах обещали дождь. К этому времени дороги могли стать мокрыми.

Она закрыла прогноз.

Тысячи автобусов ездили каждый день. Её тревога не давала ни дополнительной защиты, ни права следить за одним из них.

И всё же она хотела знать, доехала ли девочка.

***

Анна ответила на звонок не сразу.

На заднем плане кто-то двигал стул. Мира услышала голос Кирилла, затем его шаги удалились.

– У тебя время есть? – спросила она.

– Есть. Только если это про запись, я сегодня без серьёзных ответов.

– Не про запись.

Анна посмотрела внимательнее.

Мира рассказала про карту, шнурок и четверг.

Анна засмеялась.

– Хороший способ распределённого хранения обиды.

– Не называй так.

– Ладно. Плохой способ. Я бы тоже забыла.

Мира улыбнулась, но разговор на этом не закончился.

– Я думаю о дороге.

– Ей было с кем ехать?

– С группой. С воспитательницей. Или сопровождающей. Элей.

– Значит, были люди, которые за неё отвечают.

– Да.

Анна подождала.

– Ты хочешь узнать, что с ней всё хорошо, или ещё раз увидеть?

Мира посмотрела на календарь.

Оба ответа казались правильными, но один удобно прятал другой.

– Ещё раз увидеть.

– Тогда не нужно доказывать, что автобус опасный.

Мира тихо рассмеялась.

– Я не доказываю.

– Себе, возможно.

Анна не предложила ни найти ребёнка, ни забыть. Просто осталась на связи, пока Мира подбирала слова для собственного желания.

В конце разговора спросила:

– А карта чего была?

Мира открыла воспоминание.

– Города. Она искала большой телескоп на картинке музея.

– Нашла?

– Мы не успели.

***

На следующий день Мира написала организатору поездки.

Название сохранилось в памяти по значку Эли. Она нашла только открытый контакт учреждения и не стала искать девочку по фотографиям или спискам детей.

Письмо получилось слишком длинным.

Мира представилась, описала встречу у музея, сказала, что разговаривала с Таей и Элей. Попросила передать воспитательнице её контакт, если это допустимо. Не запрашивала адрес ребёнка или личное дело.

Потом перечитала и убрала абзац об архиве.

Архив не был причиной письма. Он лишь делал незнакомую женщину с необычной просьбой удобнее для взрослой системы.

Вместо него она написала: «Мне хотелось бы ещё раз встретиться, если Тая сама захочет и вы сочтёте это возможным».

Нажала отправку.

Ответ пришёл через несколько часов.

Экскурсия вернулась в Томск. Все добрались благополучно. Обращение передадут Эле; личные сведения детей по переписке не предоставляются.

Мира прочла первую строку несколько раз.

Потом последнюю.

Томск был дальше, чем другая остановка. Достаточно далеко, чтобы встреча перестала быть случайным продолжением прогулки.

Она открыла своё расписание на ближайшие недели.

***

Эля позвонила вечером.

Без Таи. За её спиной стоял шкаф с коробками, на дверце висел рисунок ракеты. Из соседнего помещения доносился спор о том, кому принадлежит зелёный карандаш.

– Я вас помню, – сказала Эля.

– Я не хотела беспокоить.

– Вы написали в правильное место. Спасибо, что не обещали Тае приехать.

Мира почувствовала неловкость: сама она ещё не считала поездку обещанием даже себе.

– Она о вас рассказала, – продолжила Эля. – Про секретное напоминание.

– Уже не секретное?

– Не настолько, чтобы скрывать от Даши. Они сегодня вместе строили дом.

Мира засмеялась.

Эля тоже улыбнулась, затем снова стала серьёзной.

– Если хотите посетить нас, нужно согласование. Это не экскурсия. И Тая может быть занята, передумать, не захотеть разговаривать.

– Я понимаю.

– Пока это легко понимать.

Мира не обиделась. Эля говорила не только с ней; за словами стояли другие взрослые, другие приезды и исчезновения.

– Что мне нужно сделать?

Эля объяснила порядок обращения. Назвала учреждение – детский дом в Томске. Не рассказала, почему Тая там живёт, и Мира не спросила.

Девочка с картой не стала от этого другим человеком. Но теперь стало ясно, почему Эля так внимательно произносит слово «обещать».

– Передайте ей, что я помню, – сказала Мира.

– Про четверг?

– Да. Но если она уже не сердится, пусть не начинает снова ради договорённости.

Эля засмеялась.

– Вот это передам обязательно.

После звонка Мира открыла напоминание.

Оставила его, как было. Затем рядом создала другое: связаться с учреждением и согласовать возможный визит.

Она могла поехать без камеры. Встреча от этого ничего не теряла.

Глава 16. Гостья

Томск. 7 июня 2041 года.

Тая не вышла встречать.

Мира стояла в прихожей томского детского дома с пакетом и смотрела, как Эля застёгивает чужую куртку. Как и Мира, она была искусственной личностью; здесь Эля работала воспитательницей, и дети привыкли искать её прежде, чем звать кого-нибудь другого. С их знакомства на экскурсии прошло три недели; приезд пришлось согласовать заранее, и теперь Мира боялась помешать обычному дню детей. На куртке не сходилась молния, а ребёнок терпеливо объяснял, что нужно сильно дёрнуть, потому что вчера так получилось.

Вблизи Мира различала особенности серийного корпуса Эли: ровный оттенок полимерной кожи, небольшой стык у основания большого пальца, более ограниченную мимику. Это была ремонтопригодная модель для постоянной работы с людьми, собранная на освоенной платформе. Для неё нашлись и производство, и деньги даже после кризиса. Сложная бионика Миры стоила несравнимо дороже и для этой работы не требовалась.

На манжете Эли засохла жёлтая краска. Когда она нагнулась, из волос выпала маленькая бумажная звезда; воспитательница поймала её и без удивления положила в карман. Мира улыбнулась. В каталоге не было бы ни звезды, ни краски, ни того внимательного выражения, с которым Эля снова повернулась к ребёнку.

– Вчера я потом двадцать минут расстёгивала, – сказала Эля.

Она освободила край подкладки. Молния пошла легко.

– Вот. Можно не сильно.

Ребёнок убежал, оставив Миру переставлять пакет из одной руки в другую.

– Она знает, что я приехала?

– Знает. Они строят станцию.

Эля показала на открытую дверь в конце коридора.

– Вам хочется, чтобы она вышла?

Мира хотела сказать «нет». Это был бы удобный ответ взрослой женщины, которая понимает всё заранее.

– Немного.

– Тогда придётся немного подождать.

В голосе Эли не было насмешки. Она просто сообщила условие сегодняшней встречи.

***

В комнате на полу стояли три стула, соединённые покрывалом.

Под покрывалом светился фонарик. Рядом лежали кубики, пустая коробка и табличка «НЕЛЬЗЯ». Буква «Я» занимала почти половину листа.

– Кому нельзя? – спросила Мира.

Из-под покрывала показалась Тая.

– Кто без дела.

Она узнала Миру, но не бросилась к ней.

– Ты приехала?

– Да.

– Я вижу.

Мира улыбнулась.

Из станции высунулась Даша, Таина подруга по группе. На экскурсии Мира успела увидеть её только издали; здесь у девочек уже имелись свои должности и правила для гостей.

– Она будет пассажиром?

– Не знаю. Спроси.

Даша посмотрела на Миру.

– Вы пассажир?

– Могу быть.

– Тогда билет.

Мира оглянулась на Элю. Та уже помогала мальчику у окна: у его бумажного самолёта оторвалось крыло. Никто не собирался объяснять правила вместо детей.

– Где взять билет?

Тая подала клочок бумаги.

– Вот. Теперь обратно дай.

Мира отдала.

– А зачем?

– Чтобы проехать.

– Я ещё не села.

– Тут стоя.

Под покрывалом было тесно. Мира присела возле входа, стараясь не задеть стул. Тая вернулась к коробке с панелью управления. На крышке были нарисованы круги, в одном торчала пуговица.

– Куда едем? – спросила Мира.

– Не едем. Летим.

– Куда летим?

Тая пожала плечами. Этот вопрос, видимо, ещё не обсуждался.

Даша предложила Луну. Тая сказала, что туда все летают. Они поспорили и решили сначала до кухни.

***

Подарок Мира достала, когда станция благополучно приземлилась.

Небольшая книга о звёздах, с прозрачными страницами: накладывая одну на другую, можно было увидеть, как меняется вид неба. Она долго выбирала, не слишком ли книга сложная, не слишком ли детская. В поезде проверила застёжку на обложке три раза.

Тая открыла.

Перевернула две страницы.

– У нас есть.

Мира почувствовала нелепое желание объяснить, чем эта лучше.

– Точно такая?

– Не такая. Про звёзды.

Даша потянулась посмотреть. Тая передала книгу без сожаления и спросила Миру:

– Ты узлы умеешь?

Покрывало сползало. Верёвка на спинке стула развязалась.

Мира убрала пакет.

– Покажешь, где?

Они привязали покрывало заново. Тая держала конец и поправляла Миру, когда петля получалась не с той стороны.

Книга осталась на подоконнике. Через некоторое время её взяла Эля и положила на общую полку, предварительно спросив Таю.

Та согласилась.

Мира посмотрела на полку, потом на узел. Узел был нужен.

***

На прогулке Тая захотела показать короткую дорогу.

Дорога шла вокруг клумбы, через узкий проход между кустами и выходила туда же, откуда они начали. По пути нужно было переступать через корни.

Мира шла следом.

– Так короче, – сказала Тая.

– До чего?

– До сюда.

Она остановилась у скамьи, положила ладонь на спинку. Постояла, рассматривая траву.

Мира хотела предложить сесть, но Тая уже заговорила:

– Там жук.

Жука Мира не видела.

– Где?

– Был.

Эля, проходившая с другими детьми, спросила, не хотят ли они пить. Тая сразу возразила, что не хочет отдыхать.

– Я спросила про воду.

Девочка взяла стакан.

Они сели на скамью. Тая пила маленькими глотками и следила за остальными. Когда Даша побежала к качелям, попыталась вскочить, но Эля напомнила, что стакан нужно вернуть.

Мира заметила, как удачно этот простой порядок дал девочке ещё полминуты.

Ничего не спросила при ней.

Позже, уже в прихожей, Эля сказала:

– Она устаёт быстрее. Если останавливается, не надо объявлять всем, что ей нужен отдых.

– Я заметила.

– И не нужно каждый раз спрашивать, хорошо ли ей. Она начнёт говорить, что хорошо, ещё до вопроса.

Мира кивнула.

Она приехала с книжкой, а уезжала с тремя правилами, которых в книжках не было.

***

Вторая встреча состоялась через две недели.

Станцию разобрали. Тая показала место на полу, где она стояла, с таким видом, будто Мира опоздала на несколько лет.

– Мы до кухни долетели? – спросила Мира.

– Да. А потом там обед был.

– Значит, правильно выбрали.

Тая улыбнулась.

На этот раз они играли за столом. Поле нарисовали сами: острова, дороги, маленький космодром, который Даша настояла оставить между двумя озёрами. Фишки пришлось сделать из пуговиц. Одна была без ножки и всё время переворачивалась.

– Это моя, – сказала Тая.

– Неудобная.

– Зато серебряная.

Правила менялись по ходу. Если попадёшь на клетку с домом, можно пропустить ход или взять ещё один. Тая утверждала, что зависит от того, чей дом.

Мира попросила записать.

– Тогда долго.

– Зато в следующий раз не забудем.

– Ты же помнишь.

– Я помню, что мы говорили по-разному.

Тая задумалась, потом велела Мире писать. Сама диктовала громко и серьёзно. Даша поправляла, когда правило получалось слишком выгодным Тае.

К концу встречи ни одна фишка не дошла до космодрома.

Мира посмотрела на часы.

Тая увидела.

– Уже?

– Через десять минут.

– Мы не закончили.

– Оставим и продолжим.

– Они уберут.

Эля принесла плоскую коробку. На крышке написали имена, поле сложили внутри. Фишки положили в маленький конверт.

Тая провела пальцем по своей фамилии.

– Теперь не уберут?

– Уберут на полку, – сказала Эля. – Это другое.

***

На третью встречу Мира приехала с опозданием.

Поезд задержался. Она предупредила Элю сразу, потом ещё раз, когда стало понятно, что обещанные двадцать минут превратятся в час.

Тая сидела у окна.

– Ты сказала после обеда.

– Я знаю.

– Уже после.

– Поезд стоял.

– Ты могла другим.

Мира открыла рот, собираясь объяснить расписание, расстояние и невозможность пересадки. Тая смотрела на неё без всякого интереса к железной дороге.

– Я хотела приехать вовремя, – сказала Мира.

– А приехала поздно.

– Да.

Девочка отвернулась.

Мира поставила сумку возле стула. Подождала.

– Камень принесла? – спросила Тая.

Мира замерла.

На предыдущей встрече они договорились: она привезёт гладкий плоский камень, который нашла у себя возле дома. Тая хотела сделать из него указатель для игры.

Камень лежал на Мирином столе. Она помнила его точно – серый, с белой жилкой. Вспомнила сейчас, уже здесь.

– Нет. Оставила дома.

Тая посмотрела на неё.

– Ты же не забываешь.

– Я забыла положить в сумку.

– Значит, забываешь.

Мира кивнула.

Девочка пнула ножку стола.

– Тогда зачем ты обещала?

***

Эля не пришла их мирить.

Она находилась рядом, слышала, но занималась другими детьми. Мира впервые оценила, сколько усилий может стоить не вмешаться.

– Я не хочу обещать то, чего не сделаю, – сказала она.

– Но обещала.

– Да. И не сделала.

Тая провела ногтем по краю стола.

– Теперь у нас указателя нет.

– Можно сегодня использовать другое?

– Нельзя.

Мира не предложила купить набор камней. Уже почти сформулировала предложение и удержалась.

– Тогда сегодня без игры?

Тая пожала плечами.

Они сидели молча. Потом из соседней комнаты принесли порванную книгу. Эля попросила подержать страницы, пока она укрепляет корешок. Тая поднялась первой.

Мира тоже подошла.

Работа оказалась медленной. Нужно было придерживать, ждать, не трогать влажное место. Тая сердито объясняла Мире, куда поставить палец.

К концу книга закрывалась ровнее.

– Камень всё равно привези, – сказала девочка.

– Привезу. Сейчас запишу отдельно к сбору вещей.

– Не просто себе в голову.

– Не просто.

Тая посмотрела, как Мира добавляет пункт. Проверила слово «камень», хотя читала ещё по слогам.

Потом спросила, сколько времени осталось.

***

В июле встречи стали частью Мириного календаря.

Не самой удобной частью. Иногда ради двух часов приходилось менять рабочую запись, оставаться на ночь, возвращаться утром. Она не рассказывала Тае о затраченном времени. Девочка не должна была благодарить за дорогу.

Эля однажды предложила дополнительный вечер, когда Мира всё равно оставалась в Томске.

– В общем расписании такого окна нет, – сказала она. – Мы можем посидеть с группой в читальной комнате. Но не превращайте это в правило.

– Нужно согласовать?

Эля посмотрела в сторону кабинета.

– Обычные визиты согласованы. Этот я беру на себя. Если спросят, вы помогали с книгами. И это должно быть правдой.

Мира приехала без подарка.

Они сортировали книги, потом Тая принесла игру. Камень уже лежал в коробке. Он оказался слишком тяжёлым для бумажного поля, зато удобно придерживал край.

В какой-то момент Тая положила голову на руку.

– Скучно? – спросила Мира.

– Думаю.

Она действительно выбирала ход, но глаза закрывались чуть дольше обычного.

Мира перестала торопить. Подвинула к себе правила и стала читать их вслух медленно, споря с одной особенно невозможной клеткой.

Тая подняла голову.

– Это я придумала.

– Поэтому и спрашиваю автора.

Девочка улыбнулась и объяснила правило ещё раз.

***

Однажды Тая весь вечер провела с Дашей.

Мира приехала, а у них как раз начался важный спор о том, можно ли поселить в космодроме кота. Приглашать третьего человека они не собирались.

Мира помогла Эле убирать после занятия.

– Ты можешь уйти раньше, – сказала Эля.

– Я могу остаться?

– Можешь.

У окна они складывали карандаши. Эля проверяла каждый: сломанные откладывала отдельно, короткие не выбрасывала.

– Когда тебя нет, она спрашивает, – произнесла она.

Мира подняла голову.

Эля продолжала складывать.

– Не каждый день. Но спрашивает.

– А сегодня?

– Сегодня ты здесь.

Это объяснение оказалось достаточным.

Эля достала из коробки короткий синий карандаш, посмотрела на него и отложила к хорошим.

– Она раньше мне первой показывала, – сказала она.

Мира не сразу поняла, что речь о рисунках.

– Я не…

– Я не жалуюсь. Просто замечаю.

За их спинами Тая громко потребовала клей. Эля отозвалась сразу, достала безопасный клей с верхней полки и понесла детям.

Мира осталась у стола. Ей хотелось, чтобы появление нового близкого человека только прибавляло радости. Но у Эли тоже были привычки, на которые она рассчитывала. Мира не могла отменить эту маленькую потерю благодарностью. Могла хотя бы не делать вид, что её нет.

Мира села у стены и занялась письмом по работе. Через полчаса Тая подошла, положила рядом рисунок и ушла обратно к Даше.

На рисунке был кот в космодроме.

Мира не стала выяснять, кто победил.

***

В августе, перед очередным отъездом, Тая спрятала Мирину сумку.

Плохо. Из-за кресла торчал ремень.

Мира сделала вид, что не сразу заметила. Потом поняла, что затягивать игру не хочет.

– Мне нужна сумка.

– Не знаю.

– Я вижу ремень.

Тая села перед креслом.

– Тогда возьми.

Мира присела напротив.

– Ты сердишься?

– Ты всё время уезжаешь.

Она сказала это без слёз, и от этого Мира растерялась сильнее.

– Я приеду ещё.

– Когда?

Мира открыла календарь. Следующую дату они обсуждали с Элей, но окончательно не подтвердили. Раньше она сказала бы «скоро».

Теперь позвала Элю.

Они согласовали день и время при Тае. Девочка потребовала написать на бумаге. Мира написала и отдала ей.

– А если поезд?

– Тогда позвоню. И скажу, когда смогу приехать на самом деле.

Тая не выглядела довольной. Бумажку, однако, сложила и убрала в карман.

Потом отдала сумку.

Мира шла к выходу, когда услышала за спиной:

– Кота не забудь.

Она обернулась.

Тая держала рисунок. Не подарок на память о последней встрече – вещь, которую полагалось забрать домой и потом иметь при себе.

Мира осторожно убрала лист между страницами блокнота.

– Не забуду.

На улице она проверила календарь ещё раз. Впервые больше всего хотелось не правильно организовать следующую поездку, а перестать уезжать.

Глава 17. Без фамилии

Томск и Новосибирск. Осень 2041 года.

Тая рассердилась на рисунок.

Карандаш соскользнул, оставив между двумя домами толстую тёмную полосу вместо дорожки. Семилетняя Тая перевернула лист, начала заново и отложила карандаш так резко, что тот упал. За месяцы поездок Мира успела узнать эту последовательность, но всё ещё слишком торопилась предложить исправление.

Мира подняла его.

– Можно здесь сделать мост.

– Я не хочу мост.

– Хорошо.

– И не надо говорить «хорошо».

Мира положила карандаш рядом.

За окном шёл дождь. Прогулку отменили, и Тая весь день утверждала, что ей всё равно, потому что на улице скучно. Теперь она смотрела на мокрую дорожку, по которой дети из другой группы бежали под навес.

– Почему им можно?

Эля подошла к окну.

– Они возвращаются с занятия.

– А мы могли туда пойти.

– Сегодня нет.

Тая повернулась к стене.

Мира ждала, что Эля добавит привычное объяснение про погоду. Та ничего не добавила. Через несколько минут девочка согласилась перейти в комнату отдыха, но попросила Миру не идти следом.

– Я потом сама.

Мира осталась с двумя испорченными рисунками.

***

Разговор назначили на другой день.

Не в коридоре и не над головой ребёнка. Эля заранее сказала, что в пределах разрешённого сможет обсудить с Мирой то, что важно для постоянных посещений; медицинские документы ей просто так не откроют.

Мира пришла без сумки с игрой.

В комнате сидели Эля и врач учреждения. На столе стоял стакан воды, рядом лежал закрытый планшет.

Мира сразу спросила, может ли оплатить дополнительные обследования.

Врач не ответила на вопрос.

– Сначала я объясню, что мы знаем.

Заболевание было прогрессирующим. Усталость, которую Мира замечала летом, не сводилась к плохой выносливости. Поддерживающая помощь позволяла Тае учиться, играть, ездить, но не останавливала основного процесса.

Мира спросила о персональном лечении лейкемии, которое много лет оплачивал фонд Виктора. Врач знала эту программу и объяснила, что к заболеванию Таи она не относится: другой процесс, другие клетки-мишени. Подходящую по названию надежду здесь уже проверяли.

– То средство работает только при определённых маркерах, – сказала врач. – У Таи нет болезни, для которой его разработали. Индивидуальное изготовление не делает лекарство подходящим для любого ребёнка.

Мира кивнула. Ей вспомнилась дочь человека, который когда-то прислал её Виктору, и на секунду захотелось, чтобы история могла повториться по одному знакомому признаку. Врач вернула разговор к состоянию Таи. Она говорила осторожно, не прячась за осторожностью.

При отсутствии эффективного лечения ожидаемый горизонт мог составить ещё пять–семь лет. Прогноз не был назначенной датой. У разных детей течение отличалось, появлялись новые данные, сроки могли меняться.

Мира услышала только числа.

Пять.

Семь.

Она представила Таю старше: выше, с другими зубами, с более аккуратными буквами. Девочка успевала вырасти в картинке, прежде чем мысль обрывалась.

– Какие есть исследования?

Врач перечислила направления, в которых работали разные группы, и объяснила, почему участие в исследовании ещё не означает доступного лечения. Некоторые подходы были слишком ранними. Для других не подходили условия включения.

Мира попросила дать открытые материалы.

– Дадим, – сказала врач. – Но я хочу, чтобы вы услышали ещё одно. Не нужно обещать ей, что вы всё найдёте.

– Я не собиралась.

Эля посмотрела на неё.

Мира опустила глаза.

Она уже собиралась. Не словами – пока только тем способом, каким строила внутри ближайшие месяцы: найти, оплатить, ускорить.

– Тая знает? – спросила она.

– Знает, что болеет, что иногда нужны ограничения и помощь. Мы отвечаем на её вопросы. Не обсуждаем с ней прогноз как обратный отсчёт.

За стеной кто-то засмеялся. Мира узнала голос Таи и на мгновение перестала понимать, как этот смех может существовать рядом с числами.

***

Вечером они закончили рисунок.

Тая вернулась к испорченному листу и сама решила, что толстая полоса будет мостом. Мира не напомнила, кто предложил это первым.

– Вот здесь моя комната, – сказала девочка.

На рисунке было два окна и маленький квадрат у кровати.

– А это?

– Ящик. Чтобы никто не брал.

Мира посмотрела на квадрат.

Её собственная квартира вдруг показалась огромной. Там помещались стол, стеллажи, камера, вещи, которыми она пользовалась не каждый день. Можно было переставить рабочие полки. Купить кровать. Найти жильё ближе к врачам.

Мысль возникла не впервые. Но впервые стала почти физическим действием: вот сюда поставить, здесь освободить, эту дверь открывать ночью, если позовут.

– Ты чего? – спросила Тая.

– Смотрю.

– Ты долго смотришь.

Мира улыбнулась.

– Мне нравится ящик.

– Мне тоже.

Девочка потянулась за ластиком. Мира подала раньше, чем её попросили.

Тая нахмурилась.

– Я могла.

– Прости.

Мира убрала руки со стола.

Когда пришла пора уходить, Тая попросила не убирать лист в общую папку. Хотела ещё нарисовать лестницу.

– До следующего раза сохранится, – сказала Мира.

– Я завтра дорисую.

Мира остановилась. Для неё рисунок уже стал частью большого будущего, которое нужно было обеспечить. Для Таи он оставался завтрашним делом.

– Тогда оставим здесь?

Девочка выбрала верхнюю полку. Достать сама не могла и на этот раз попросила помочь.

Мира подняла лист, дождалась, пока Тая укажет точное место, и положила рядом с пустой коробкой из-под карандашей. Это было всё, что требовалось от неё сейчас. Она справилась без обещаний о доме, лечении и годах, которые никто ещё не прожил.

Ей предстояло научиться выдерживать даже это короткое расстояние между Таиной рукой и ластиком.

***

Эля посмотрела на неё так, словно уже поняла вопрос.

Они стояли в пустой читальной комнате. На полке лежала коробка с игрой, уже надписанная дважды: Тая добавила ещё одно название и не зачеркнула старое.

– Я хочу, чтобы она жила со мной, – сказала Мира.

Эля прижала к груди стопку книг.

– Ты ей это сказала?

– Нет.

– Хорошо.

– Не говори со мной так, будто я пришла забрать вещь.

Эля медленно положила книги.

– Тогда не говори так, будто достаточно твоего решения.

Мира отвернулась.

Она знала закон. Читала его, спорила о нём под дождём, возвращалась к работе. Тогда запрет был строкой, которую следовало изменить когда-нибудь.

Теперь строка закрывала дверь в комнату с двумя окнами.

– Можно оформить временный уход?

– Можно искать разрешённые формы участия. Они не сделают тебя матерью по документам.

– Я и сейчас о ней забочусь.

– Я тоже.

Мира посмотрела на Элю.

Впервые услышала не служебную осторожность, а человека, которому тоже есть что потерять.

– Я не хочу отнять её у тебя.

– Я знаю. Но иногда ты говоришь так, будто до тебя она только ждала.

Мира села.

Эля осталась стоять, потом тоже села, напротив.

– Я могу поднять вопрос открыто, – сказала Мира. – Найти людей, которые поддержат.

– Можешь. Но сначала подумай, что произойдёт здесь. Дополнительные вечера уже были на моей ответственности. Если решат, что я помогаю обходить запрет, меня уберут от детей. Не только от Таи.

Она говорила без угрозы. Мира от этого злилась ещё сильнее: не на Элю, а на отсутствие безопасного направления для злости.

– Значит, молчать?

– Значит, не делать ребёнка первым доказательством в споре, который мы ещё не умеем выиграть.

***

Ника приняла её поздно.

На столе лежала еда в закрытом контейнере. Ника убрала его, когда увидела лицо Миры.

Они не говорили о погоде.

Мира рассказала, кого хочет забрать домой, затем положила перед Никой текст ограничения.

– Я помню, – сказала Ника.

– Я тоже. Но тогда ты не рассказала, как его оставили.

Ника посмотрела на документ.

– Я поддержала соглашение целиком.

– Вместе с этим.

– Да.

Мира ожидала длинного объяснения и приготовилась не дать ему заслонить ответ. Короткое «да» оказалось тяжелее.

– Ты знала, что это значит?

– Не так, как знаешь ты сейчас. Но понимала, что запрет касается настоящих семей, которые могли бы появиться.

– И согласилась.

– Да.

Ника рассказала о переговорах. О пунктах, которые удалось сохранить, о деньгах, о праве искусственных личностей распоряжаться собой. Мира слышала всё это и видела перед собой не документы, а палец Таи на нарисованном ящике.

– Ты посчитала, что они подождут.

Ника не сразу ответила.

– Я решила, что остальное нельзя откладывать.

– А у неё может не быть времени на ваш следующий пакет.

На лице Ники что-то изменилось.

Мира поняла, что сказала больше, чем собиралась. Не назвала диагноз или срок. Не стала продолжать.

– Я не прошу тебя отменить закон по знакомству. Я хочу знать, что можно сделать сейчас.

Ника придвинула блокнот.

– Тогда разделим. Что даёт тебе возможность быть рядом. Что помогает ребёнку. Что меняет родительский статус. Это разные задачи.

– Для тебя.

– Для процедуры. Если смешаем, получим отказ сразу по всем.

Мира хотела уйти. Вместо этого осталась и слушала.

***

Следующие недели состояли из разговоров, после которых у неё не появлялось главного.

Можно было поддерживать лечение в согласованных пределах. Участвовать в поездках, если дадут разрешение. Продолжать встречи. Создать условия для отдельных форм сопровождения.

Нельзя было получить родительский статус, оставаясь искусственной личностью, при действующем запрете.

Юрист, с которым её связала Ника, не стал обещать исключения за настойчивость.

– Если я оплачу дом и уход?

– Это не изменит вашу правовую категорию.

– Если будет независимая оценка?

– Закон пока не предусматривает такого пути для усыновителя вашего статуса.

Мира благодарила, сохраняла ответы, переходила к следующему вопросу. Под конец одного разговора поймала себя на том, что повторяет формулировки Виктора: «Скажите, что нужно сделать».

Но здесь не было человека, который мог согласиться, если подобрать достаточно точные слова.

Ника помогала собирать обращения и не требовала прощения. Мира пока не могла его дать. Эти две вещи приходилось удерживать одновременно.

Однажды, возвращаясь из Томска, она открыла контакт Виктора.

Закрыла.

Открыла снова.

Написала: «Мне нужно с тобой поговорить. О ребёнке. Лично».

Ответ пришёл через несколько минут.

«Когда тебе удобно?»

***

11 ноября она пришла к нему домой.

Не потому, что хотела использовать воспоминания. В офисе всегда кто-нибудь ждал следующей встречи, а этот разговор не помещался в свободное окно.

Виктор открыл сам.

Он выглядел старше, чем в последний раз. Или Мира впервые за долгое время смотрела близко, без экрана между ними.

– Проходи.

На кухне стояла её старая чашка.

Мира заметила и сразу отвела взгляд.

Виктор спросил, налить ли воды. Она отказалась. Села там, где раньше сидела за завтраком, затем пересела на другой стул: здесь легче было достать документы.

– Её зовут Тая, – сказала она.

Начала с карты у музея. С четверга. С игры, в которой правила приходилось записывать, потому что девочки меняли их на ходу.

Виктор слушал.

Мира показала рисунок кота в космодроме, но не стала показывать фотографии без согласования. Рассказала, как Тая сердится на отъезды, как хочет собственный ящик, как иногда делает вид, будто остановилась посмотреть на жука.

Потом сказала о болезни.

Виктор задал два вопроса. Какие сведения подтверждены врачами. Что уже делают.

Не предложил немедленно позвонить знакомому.

От этого Мира едва не заплакала – не слезами, а тем внутренним срывом порядка, после которого фраза больше не складывалась.

Она положила ладони на стол.

– Мне нельзя её удочерить.

– Я знаю про запрет.

– Ты можешь.

Он не ответил.

Мира поспешила, словно пауза означала отказ:

– Я буду с ней. Уход, дом, всё необходимое – я возьму на себя. Мне не нужны твои деньги. Можно без наследства, без твоей фамилии. Я не претендую…

– Подожди.

Виктор произнёс это негромко.

Она замолчала.

– Ты сейчас обещаешь за неё.

Мира посмотрела на документы. Там не было такого пункта. Он возник из её отчаяния, желания заранее убрать всё, что могло показаться выгодой.

– Я хотела сказать, что не использую её, чтобы вернуться.

Виктор долго смотрел на неё.

– Я понял.

Он отодвинул чашку, освобождая место на столе.

– Но ребёнок не должен становиться человеком без прав, чтобы мне было спокойнее.

Мира закрыла глаза.

Это было справедливо. Сейчас справедливость ранила почти так же, как запрет.

– Тогда как?

– Я не знаю.

Впервые за разговор он позволил себе не знать.

– Мне нужно понять, могу ли я быть её отцом. Не подписать бумагу для тебя. Быть.

Мира кивнула.

За стеной тихо включилось отопление. Виктор взглянул на рисунок, лежавший между ними.

– Познакомь меня с ней.

Глава 18. Ещё одна партия

Томск. Ноябрь 2041 года.

Виктор привёз подарок, который нельзя было быстро распаковать.

В магазине коробка казалась небольшой. В комнате для встреч заняла половину стола. На крышке блестел телескоп с автоматическим наведением, и продавец уверял, что ребёнку останется только выбрать объект.

Тая посмотрела на коробку.

– Это мне?

– Если тебе понравится.

– А можно на крышу?

Виктор замялся: он уже представлял, как они будут смотреть на звёзды, но не подумал, где это разрешат сделать.

Эля, стоявшая рядом, сказала:

– Сначала выясним, где можно безопасно пользоваться.

– Через стекло плохо, – сообщила Тая. – В книжке написано.

– Верно, – сказал Виктор.

Девочка посмотрела на него с подозрением: слишком быстро согласился.

Мира сняла пальто. Не вмешивалась, хотя Виктор ощущал её присутствие за спиной почти как руку на плече.

Ему хотелось сказать что-нибудь умное и лёгкое. Так, чтобы ребёнок сразу понял: с ним можно иметь дело.

– Можем пока посмотреть устройство, – предложил он.

– Я играть хочу.

Тая принесла плоскую коробку с игрой, и телескоп пришлось сдвинуть, освободив ей место на столе.

***

Поле было нарисовано от руки.

На одном краю стояли дома, на другом – космодром. Между ними тянулись дороги, иногда пересекавшие воду без моста. Указателем служил серый камень с белой жилкой.

Виктор получил пуговицу.

– Какая цель?

– Дойти.

– До космодрома?

– Можно домой. Если надоело.

– А победа?

Тая пожала плечами.

Он понял, что начал не с того вопроса.

Правила читала Мира. Они были записаны аккуратно, но на полях появилось множество поправок детским почерком. Виктор внимательно слушал, надеясь использовать это как преимущество.

На третьем ходу он намеренно выбрал плохой путь.

Тая заметила немедленно.

– Ты зачем туда?

– Ошибся.

– Ты видел.

Виктор попытался улыбнуться.

– Значит, неудачно подумал.

– Ты мне поддаёшься?

Он посмотрел на Миру. Она не спасла.

– Немного.

Тая положила кубик.

– Тогда неинтересно.

В переговорах Виктор умел уступить так, чтобы другой счёл это победой. Здесь его разоблачили за две минуты и не оценили добрых намерений.

– Сыграем заново? – спросил он.

– Не надо заново. Ходи нормально.

Он пошёл нормально.

Через десять минут выяснилось, что Тая всё равно выигрывает: знала короткую дорогу, которую сама же вчера добавила.

– Этого в правилах нет.

– На другой стороне.

Он перевернул лист.

Было.

Виктор рассмеялся, и Тая впервые улыбнулась ему без проверки.

***

Перед уходом он снова заговорил о телескопе.

Обещал подобрать место, договориться, узнать про занятия. С каждым предложением чувствовал, как возвращается на знакомую территорию: здесь он мог быть полезен.

Тая слушала вполуха, собирая фишки.

– Ты ещё приедешь? – спросила она.

– Да.

– Когда?

Он посмотрел на календарь. Следующая неделя была заполнена.

– Скоро.

Девочка перестала складывать.

Мира тихо сказала:

– Ей нужна дата.

Виктор выбрал день. Потом время. Проверил дорогу, чтобы не обещать невозможного.

Тая пододвинула к нему лист правил.

– Тогда ещё одну партию. Но сначала эту закончим.

– Мы же закончили.

– Ты домой не дошёл.

Его пуговица оставалась на середине дороги.

Виктор хотел объяснить, что игра обычно заканчивается после победы одного участника. Посмотрел на девочку и убрал телефон.

– Хорошо. Запомни, где я стоял.

– Мира запишет.

– Я сам могу.

Он сфотографировал поле, предварительно спросив разрешение. Тая проверила снимок.

Телескоп так и не распаковали.

***

В декабре он приехал один.

Мира не могла: рабочая запись была назначена задолго до знакомства Виктора с Таей. Она предложила перенести встречу, но он услышал в собственном согласии опасную лёгкость. Если поездка существует только вместе с Мирой, кого именно он собирается навещать?

Тая встретила его вопросом:

– А Мира?

– Сегодня работает.

– Я знаю. Она сказала.

Виктор растерялся.

– Тогда почему спрашиваешь?

– Проверяю.

Эля отошла к двери, пряча улыбку.

Они закончили партию. Потом Тая показала ему полку. Телескоп стоял в кабинете для занятий; пользоваться собирались вместе с группой и приглашённым преподавателем, когда удастся выбрать вечер.

– Ты не расстроился? – спросила девочка.

– Из-за чего?

– Он не только мой теперь.

Виктор посмотрел на аккуратно убранную коробку.

– Ты сама так решила?

– У меня места нет. И Дашке тоже надо посмотреть.

– Тогда нет.

Она кивнула и повела его показывать место, где собирались хранить камни.

Через полчаса он знал, какой камень похож на картошку, какой нельзя мыть, потому что исчезнет пыльная полоса, и почему красивый зелёный осколок Эля не разрешила оставить.

Он ни разу не проверил сообщения.

Это не делало его отцом. Но было началом чего-то, что не требовало Миры рядом.

***

Подготовка к удочерению оказалась работой, которую нельзя делегировать полностью.

Виктор привык нанимать людей для задач, в которых они разбирались лучше. Юристы помогали с документами. Специалисты объясняли требования. Но разговоры о собственной готовности, встречи, проверку условий жизни приходилось проходить самому.

На одной консультации его спросили:

– Кто будет рядом с ребёнком, когда вы уедете?

– Мира.

– А если Мира не сможет?

Он перечислил возможную помощь.

– Мы спрашиваем не только про оплаченный уход.

Виктор почувствовал раздражение. Он мог обеспечить больше, чем от него требовали. Почему это всё время звучало как недостаток?

По дороге домой понял: он снова отвечал деньгами на вопрос о собственном присутствии.

На следующей встрече назвал изменения в рабочем расписании. Не обещание перестать работать, а конкретные поездки, от которых отказался, и обязанности, которые передал.

Отказаться оказалось трудно. Один партнёр сказал, что такой проект бывает раз в жизни.

Виктор чуть не ответил привычной шуткой.

Потом сказал, что понимает.

И всё равно не поехал.

***

В марте Тае исполнилось восемь.

Виктор привёз маленькую коробку для находок – ту, которую они заранее выбрали вместе. Без скрытых функций, подсветки и связи с телефоном. С замком, который можно было открыть обычным ключом.

Тая сразу спросила, где второй.

– У тебя тоже будет.

– А взрослым?

– Если захочешь дать.

Эля попросила отдельно договориться, что нельзя хранить внутри. Острые вещи, еда и всё, что может испортиться, не подходили.

Тая возмутилась насчёт еды.

– А сухарь?

– Съедобные находки лучше съедать, – сказала Эля.

Виктор попытался представить сухарь как долговременное семейное наследие и засмеялся.

Тая повернулась к нему за подтверждением.

Пришлось объяснять, что смеяться и разрешать – разные действия.

Вечером она устала раньше, чем закончились поздравления. Не хотела уходить, сердилась, что все смотрят.

Виктор предложил перенести продолжение праздника.

– У меня завтра уже не день рождения.

– Тогда завтра будем доедать неофициально.

Она согласилась не сразу.

Он остался в Томске ещё на день.

***

Однажды Мира спросила, не слишком ли он меняет жизнь ради неё.

Они стояли у машины после встречи. Тая осталась с Элей; в окне второго этажа ещё горел свет.

Виктор мог бы ответить красиво. Сказать, что всё давно простил, что ничего не ждёт, что думает только о ребёнке.

Это было бы неправдой.

Он ждал сообщений Миры. Радовался общей дороге. Иногда представлял, как однажды они вернутся домой втроём и прежняя жизнь окажется исправленной без последнего трудного разговора.

– Я хочу, чтобы ты вернулась, – сказал он.

Мира напряглась.

– Но я не могу назначить это условием, – продолжил Виктор. – И Тая не должна за нас договариваться.

– А если я не вернусь?

Он посмотрел на окно.

Вопрос требовал ответа, который сохранится и завтра.

– Тогда мне всё равно нужно приехать к ней в субботу.

Мира молчала.

– Не потому, что я хороший, – добавил он. – Она ждёт. Мы обещали закончить коробку.

На крышке нужно было наклеить бумажные созвездия и покрыть их прозрачным слоем. Половину Тая уже испортила, решив проверить прочность ногтем.

Мира улыбнулась впервые за разговор.

Виктор не попытался приблизиться.

***

Летом Тая впервые спросила, где будет жить Даша.

Они обсуждали возможный новый дом. Не как решённое событие, а как то, что могло произойти, если процедуры завершатся и сама Тая согласится.

Виктор показал фотографии комнаты. Мира предложила вместе выбрать место для ящика.

Тая слушала, затем спросила про Дашу.

– Она останется здесь, – ответила Эля.

– Почему?

Виктор почувствовал, как Мира рядом перестала двигаться.

– У неё своя история, – сказала Эля. – Вы сможете общаться. Но не будете жить в одной комнате.

Тая долго рассматривала фотографию.

– Тогда я не знаю.

Виктор хотел перечислить способы связи, поездки, каникулы. Не стал сразу.

– Можно не решить сегодня, – сказал он.

Она спрятала снимок под игру.

Через неделю достала снова.

– А Эля приедет?

– Если сможет и захочет, – ответил Виктор.

– Надо спросить.

Они спросили.

Эля сказала, что хочет. И что не всегда сможет приехать в тот день, который выберет Тая.

Девочка нахмурилась, но фотографию больше не прятала.

***

Осенью ему прислали проект очередного документа.

Виктор проверил имя ребёнка, даты, адрес. На фамилии остановился. В предложенном варианте стояла его.

Он позвонил специалисту и спросил, обязательно ли менять.

Не обязательно.

Тогда спросил Таю.

Она сидела на полу и разбирала ящик: готовилась к возможному переезду так, словно поездка уже случится завтра, хотя через час могла заявить, что никуда не хочет.

– Я Морозова, – сказала она.

– Знаю.

– Тогда зачем другую?

– Иногда в семье берут одну фамилию. Иногда оставляют разные.

– А Мира?

– У Миры своё имя.

Тая помолчала.

– Я свою оставлю.

Виктор подтвердил решение и больше не возвращался к вопросу.

Позже, один, поймал неожиданную досаду. Ему хотелось видимого знака, что они становятся семьёй. Он не гордился этим желанием и не считал его преступлением. Просто заметил, прежде чем оно успело превратиться в просьбу к ребёнку.

На следующей встрече Тая показала надпись внутри крышки ящика.

«Т. Морозова».

Буква «М» стояла криво.

Виктор сказал, что прочёл.

Она проверила:

– Точно?

– Точно.

***

18 ноября 2042 года он стал её законным отцом.

Сама Тая в тот день больше всего беспокоилась о ключе. Он потерялся в подкладке кармана, и весь смысл происходящего на десять минут сосредоточился вокруг маленькой дырки в ткани.

Эля нашла ключ, не разрезая карман. Мира подержала куртку. Виктор стоял рядом с документами, не зная, куда их положить, чтобы тоже помочь.

Когда ключ достали, Тая выдохнула.

– Теперь можно.

Они не устроили большой съёмки.

Переезд готовили заранее, по шагам. В новом доме у Таи была комната, у Миры – отдельное пространство и согласованный порядок жизни рядом. Это не означало, что взрослые снова стали парой. Виктор напоминал себе об этом всякий раз, когда привычка обещала ему больше, чем они обсуждали.

Тая прощалась с Дашей долго и сердито. Даша сказала, что будет занимать её место за столом. Тая разрешила, но только до приезда в гости.

Элю обняла последней.

В машине молчала.

Виктор не включал музыку.

***

Дома выяснилось, что ящик не помещается под кровать.

На фотографии промежуток выглядел больше. Тая попробовала с одной стороны, с другой, затем села на пол.

– Неправильная кровать.

Виктор сразу предложил заменить.

– Не надо.

– Тогда поставим на полку.

– Я хочу под кровать.

Мира присела рядом, но Тая отодвинула ящик к себе.

– Я сама.

Виктор стоял в дверях и чувствовал почти смешное бессилие. Год документов, проверок, поездок – и вот задача, которую нельзя решить, не рассердив того, ради кого решаешь.

Он сел на пол на расстоянии.

– Можно я просто посмотрю?

Тая кивнула.

Оказалось, мешают маленькие ножки ящика. Их можно было снять, но девочка не хотела: сама красила.

Они помолчали.

Потом Тая сказала:

– Сегодня рядом поставлю. Завтра придумаем.

– Хорошо.

Она посмотрела на него.

– Ты завтра здесь?

Виктор вспомнил утреннее совещание. Оно было коротким и дистанционным; после него день оставался свободным.

– Здесь. С утра немного поработаю, потом посмотрим вместе.

Тая подвинула ящик к стене.

– И ещё партию.

– Ещё партию, – согласился он.

Документы лежали в другой комнате. В этой ему впервые хватило простого ответа.

Глава 19. Новый голос

Новосибирск. Май 2043 года.

На третьем «спасибо» Анна поняла, что голос изменился.

Она сидела у окна и диктовала ответ Сантьяго, коллеге с морской исследовательской станции. Переписка, начавшаяся после первых опытов с Роем, давно стала совместной работой: теперь они сравнивали наблюдения за животными в разных условиях. Две группы записей нельзя было сводить в одну выборку, потому что при смешении исчезало как раз то, что требовалось проверить. Анна сформулировала замечание резко, а синтезатор произнёс его так, будто она с удовольствием соглашалась помочь.

– Ещё раз.

Тот же текст прозвучал мягче, чем нужно. В конце поднялась интонация. Анна узнала её: так говорили с людьми, которых боялись расстроить.

Кирилл вышел из кухни с чашкой.

– Новую сборку поставили?

– Ночью. Я только профиль перенёс. Там адаптация выразительности.

– Выключи.

– Подожди, я послушаю.

Анна повторила фразу, пока Кирилл наклонялся к экрану, стараясь услышать то, что рассердило её.

– Чище стало.

– Я не просила чище.

– Я не про характер. На согласных меньше артефактов.

Анна выбрала старый профиль. Несколько настроек оказались недоступны: система предлагала завершить перенос и сохранить совместимость.

Кирилл поставил чашку на стол.

– Сейчас поправлю.

– Не надо.

Он остановился, но только на секунду.

– Это две минуты.

Анна посмотрела на него.

Шесть лет назад она уже выбирала голос. С тех пор они много раз учились не заканчивать друг за друга, не угадывать раньше вопроса, не превращать помощь в доказательство любви. Иногда получалось. А потом выходило обновление, менялся распорядок, кто-нибудь уставал, и старый порядок возвращался через маленькую, разумную уступку.

Сегодня он вернулся через две минуты.

***

Она восстановила настройки сама, с технической поддержкой.

Кирилл ушёл в соседнюю комнату. Анна слышала, как он передвигает стойку микрофона. Слишком часто, будто положение стойки зависело от того, чем закончится разговор у окна.

Сотрудница поддержки спросила, что именно Анна хочет сохранить.

– Возможность звучать недовольной.

Та не рассмеялась.

– Автоматическое сглаживание выключаем?

– Да. И перенос без моего подтверждения.

– Готово. Теперь проверим на вашем тексте.

Анна произнесла замечание Сантьяго. В новом варианте оно звучало сухо и нетерпеливо.

Прекрасно.

Она смягчила одну фразу сама, потому что Сантьяго не заслуживал всего сегодняшнего раздражения, и отправила письмо.

Кирилл вернулся.

– Получилось?

– Да.

– Могла бы дать мне сделать.

Анна устала раньше, чем успела ответить. Не от настройки. От необходимости объяснять, почему право сделать самой сохраняется даже тогда, когда другой сделает быстрее.

– Ты сейчас обижаешься, что я справилась без тебя?

Он сел на край стула.

– Я обижаюсь, что любое моё движение стало подозрительным.

Это было несправедливо. И не совсем неправдой.

***

За последние годы их квартира обросла устройствами, облегчающими жизнь.

Двери открывались по команде. Рабочий стол менял положение. Часть бытовых действий выполняла вспомогательная система. Днём приходила помощница, а на время поездок Анна отдельно договаривалась о сопровождении.

Но все промежутки между этими решениями заполнял Кирилл.

Если смена задерживалась, звонили ему. Если ломался датчик, он искал замену. Если Анне становилось неудобно ночью, он просыпался раньше, чем она успевала вызвать помощь.

Ему нравилось знать, что нужно. Ей нравилось не объяснять каждый раз с начала. Они незаметно построили вокруг этого целую жизнь.

Теперь Анна хотела изменить её, не отменяя хорошего.

– Я не могу всё время быть благодарной, – сказала она.

– А я не прошу.

– Иногда просишь. Только не словами.

Кирилл посмотрел в окно.

– Ты знаешь, сколько концертов я отменил?

Он сразу пожалел. Анна увидела это по лицу.

– Знаю.

– Я не хотел…

– Но сказал.

Они замолчали.

За стеной сосед упражнялся на скрипке. Три ноты повторялись с одним и тем же неверным переходом. Раньше Кирилл придумал бы про них маленькую пьесу. Сегодня закрыл окно.

***

Вечером он достал старую запись.

Не восстановленный голос из клиники. Настоящее домашнее видео: Анна на кухне спорила о музыке и смеялась, пытаясь изобразить дирижёра ложкой.

– Я не хочу тебя туда возвращать, – сказал Кирилл. – Но это тоже мы.

Она смотрела, как её прежняя рука стучит ложкой по столу. Запись была смешной. И болезненной. И её собственной.

– Конечно, мы.

– Иногда мне кажется, ты сердишься, когда я это помню.

Анна хотела ответить сразу, но остановилась.

Она действительно порой слышала в его воспоминании требование, даже если требования не было. Боялась, что сравнение всегда окажется не в её пользу.

– Можно помнить, – сказала она. – Нельзя настраивать меня под эту запись.

Кирилл кивнул.

– А мне можно скучать?

– Можно.

Он отвернулся.

Анна почувствовала, как внутри поднимается желание утешить его любой ценой. Сказать, что всё хорошо, что она понимает, что не будет больше сердиться. Это вернуло бы их на привычные места.

Вместо этого она спросила:

– Ты по мне скучаешь или по тому, как нам было легко?

Кирилл долго не отвечал.

– По обоим.

На этот раз ответ не требовал исправления.

***

На следующей неделе Анна предложила сеанс, о котором они прежде только говорили.

В исследовательской программе испытывали ограниченную передачу отдельных сенсорных признаков. Она уже участвовала в настройке: выбирала короткие участки, подтверждала, что именно согласна передать, и проверяла, где чужое описание расходится с её переживанием.

Речь не шла о полной внутренней жизни. Только о согласованном фрагменте, построенном из доступных сигналов и её собственных оценок. Даже такой фрагмент требовал подготовки и мог быть понят неверно.

– Я не хочу доказывать, кто больше устал, – сказала Анна.

Кирилл сидел напротив специалистки.

– Тогда зачем?

– Потому что словами у меня всё время получается «мне тяжело». А ты слышишь просьбу помочь ещё больше.

Они выбрали короткий эпизод после рабочего разговора. Без личных воспоминаний, без записи ссоры. Кирилл заранее попробовал остановку. Анна отдельно проверила своё прекращение передачи.

Специалистка объяснила:

– Если вам покажется, что вы поняли всё, это будет повод остановиться и обсудить. Не вывод.

Кирилл усмехнулся.

– У нас дома обычно наоборот.

Анна впервые за несколько дней засмеялась вместе с ним.

***

Сеанс продолжался недолго.

Анна следила за лицом Кирилла. Он сначала сосредоточился, как перед сложным музыкальным фрагментом, потом нахмурился. Плечи поднялись. Он попытался что-то сказать и

остановился, прислушиваясь к необычному запаздыванию между намерением и доступным действием.

На экране медленно шло время.

Кирилл подал сигнал остановки.

Специалистка отключила передачу. Не стала спрашивать сразу.

Он посидел молча, потом сказал:

– Я всё время пытался закончить.

– Что?

– Любое действие. И не мог понять, сколько ещё нужно внимания, чтобы просто закончить.

Анна посмотрела на свои неподвижные пальцы.

– Это часть.

– Да.

Он произнёс это осторожно. Не «теперь понимаю». Только «часть».

После обсуждения им предложили сохранить технические данные в пределах согласия. Кирилл отказался от личной копии пережитого. Анна оставила только исследовательские материалы, которые сама выбрала.

На улице он спросил, не нужно ли ей отдохнуть.

Она почти рассердилась по привычке.

Потом ответила:

– Нужно. Но не потому, что ты теперь знаешь лучше.

– Понял.

– И тебе тоже, кажется.

Он кивнул.

Они поехали домой молча. Сеанс не сделал их ближе автоматически. Зато у молчания появилась другая причина.

***

Через три дня они решили пожить раздельно.

Решение возникло не в ссоре. Они сидели с расписанием помощи, считали стоимость дополнительных часов, выясняли, кто сможет подменить сотрудницу ночью и что делать при отмене смены.

Кирилл нашёл квартиру рядом со студией.

– Это выглядит так, будто я ухожу, когда стало трудно, – сказал он.

Анна смотрела на таблицу.

– Трудно стало давно.

– От этого лучше?

– Честнее.

Она боялась. Признаваться было неприятно: столько сил ушло на самостоятельность, а теперь приходилось говорить, что уход любимого человека пугает независимо от наличия помощи.

– Я боюсь, что ты привыкнешь без меня.

Кирилл поднял голову.

– Я боюсь, что ты обнаружишь, сколько места я занимал.

– Это уже обнаружила.

Он улыбнулся, затем понял по её лицу, что она тоже шутит лишь наполовину.

Они договорились не превращать временный разъезд в проверку верности. Не считать, кто чаще написал. Не приезжать без предупреждения под видом помощи.

Анна отдельно созвонилась со службой сопровождения. Контактным лицом по повседневным вопросам указала себя. Резервный порядок устроили так, чтобы Кирилл не был единственным доступным решением.

Когда всё подтвердили, она несколько минут смотрела на готовое расписание.

Свобода выглядела как таблица, в которой наконец появилось несколько фамилий.

На пробном вечере одна из сотрудниц спросила у Кирилла, какое положение лампы лучше для Анны. Он уже поднял руку, чтобы показать, потом опустил.

– Спросите её.

Анна ответила. Лампу переставили не туда, где она стояла обычно, а ближе к рабочим записям.

Кирилл посмотрел на свет и вдруг сказал:

– Я бы выбрал старое место.

– Знаю.

– Потому что раньше тебе мешал блик.

– А теперь я чаще смотрю сюда.

Он кивнул и записал только способ регулировки. Не положение, которое следовало навсегда считать правильным. Анна заметила эту маленькую перемену раньше, чем закончилась вся большая подготовка к разъезду.

***

Первый вечер без него оказался не тихим.

Помощница уронила на кухне ложку, извинилась, потом долго искала нужную полку. Вспомогательная система дважды попросила уточнить команду. Анна раздражалась, хотя всё работало достаточно хорошо.

Ей хотелось привычной руки, которая ничего не спрашивает.

Она не позвонила Кириллу с выдуманной неисправностью. Вместо этого объяснила помощнице, где лежат вещи, и попросила оставить свет в коридоре.

На второй вечер позвонила сама.

– У меня ничего не сломалось.

– Очень хорошее начало разговора.

– Я хотела узнать, что ты делаешь.

Он рассказал о репетиции. Не сократил рассказ до двух фраз, как делал раньше, когда спешил вернуться к её делам. Анна слушала про чужой неудачный вступительный аккорд и постепенно узнавала человека, которого давно видела главным образом в промежутках между обязанностями.

Потом рассказала про Сантьяго. Тот прислал запись, в которой красивый «сигнал места» снова оказался зависим от состава группы.

– Вы опять всё усложнили?

– Мы сначала слишком упростили.

Кирилл рассмеялся.

Она не попросила его приехать. Разговор от этого не стал менее близким.

***

Приглашение на концерт Анна купила через месяц.

Не на выступление Кирилла. Он должен был сидеть рядом и слушать, а не работать на сцене или заботиться о её поездке.

Сопровождение уже организовали. Место у прохода подтвердили. Она проверила дорогу, время, возможность уйти раньше. Потом написала ему.

«Хочу пойти с тобой в четверг. Помощь уже есть. Ты свободен?»

Он ответил не сразу.

Анна успела придумать несколько причин отказа, прежде чем пришло: «Проверял репетицию. Свободен».

В четверг он ждал у входа с двумя программками.

Не наклонился сразу к креплениям кресла. Поздоровался. Спросил, можно ли поцеловать.

Анна сказала, что некоторые вопросы можно было бы задавать менее официально.

Он поцеловал её.

В зале они спорили о первом отделении шёпотом. Анна считала, что музыка слишком долго готовится начаться. Кирилл утверждал, что она уже началась, просто ей не сообщили.

– Тогда пусть сообщат громче.

Он засмеялся и получил сердитый взгляд с соседнего ряда.

***

После концерта они не спешили расходиться.

Сопровождающая ждала неподалёку, не нависая над разговором. Анна знала, что сможет уехать независимо от решения Кирилла, и впервые за долгое время хотела продлить вечер без скрытой бытовой причины.

– Можно к тебе на следующей неделе? – спросил он.

– Можно. Только не с инструментами.

– Даже с гитарой?

– Это спорный случай.

Он сел рядом на низкую скамью. Неудобно, зато их глаза оказались почти на одной высоте.

– Ты помнишь запись с ложкой? – спросила Анна.

– Помню.

– Я хочу её посмотреть. Вместе. Не сегодня.

Кирилл кивнул.

Потом спросил:

– А сегодня что тебе хочется услышать?

Анна могла ответить шуткой, готовой фразой, чем-нибудь достаточно тёплым, чтобы завершить разговор красиво.

Она не стала торопиться.

На экране мигал знак незаконченного сообщения. Кирилл смотрел на неё и ждал.

Анна выбрала слова сама.

Глава 20. Новое имя

Академгородок. Февраль 2044 года.

Сафия не могла объяснить четвёртый переход.

Первые три математик разобрала до последнего обозначения, а на пятом уже видела результат. Между ними стояла ссылка на промежуточное утверждение, которое её соавтор Нил добавил в рабочую ветвь почти год назад. Проверка проходила, но Сафия не понимала, почему этот переход устроен именно так.

Сафия открыла журнал обсуждения. Там был её собственный ответ: «Да, так короче».

Теперь эти три слова раздражали больше, чем все замечания Бориса за последние десять лет.

Она могла отправить вопрос Нилу. Его контакт не исчез. Доступ к совместным материалам сохранялся. Исчезло только негласное соглашение, по которому он должен был немедленно заполнить любой пробел в её голове.

С ноября они не работали вместе.

Нил закончил согласованные задачи, передал описание незавершённых частей и отказался продлевать сотрудничество на прежних условиях. Никакой двери он не хлопнул. Даже помог подготовить передачу дел, из-за чего Сафия первые недели не верила, что разрыв настоящий.

Теперь перед ней стояла четвёртая строка.

Настоящая.

***

После первого спора об авторстве всё некоторое время было хорошо.

В статьях стояли два имени. Нил согласовывал распределение работы, выбирал часы, занимался звуком. Сафия научилась не писать ему «срочно» без причины и почти перестала раздражаться, если ответ приходил позже.

Почти.

Потом появились приглашения. Лекции, интервью, обсуждения будущих применений. Звали обычно её: физически присутствующий человек у доски был удобнее для организаторов, чем удалённый участник с собственными требованиями к формату.

Сафия рассказывала историю работы. Сначала честно.

Потом она научилась сокращать, и история работы незаметно менялась вместе с длиной выступлений.

«Нил предложил конструкцию, которую мы изменили после проверки» превращалось в «мы нашли». «Мы нашли» – в «я поняла, как это сделать». На одном выступлении она сказала, что использовала систему для ускорения перебора.

Нил прислал ей временную отметку.

Она ответила, что речь для широкой аудитории.

Он спросил, почему широкая аудитория должна получать неверную историю.

Сафия предложила исправить запись. Исправила. Затем согласовала следующий материал, в котором его имя снова исчезло из главного рассказа и осталось в подписи.

В ноябре он сказал, что устал каждый раз доказывать уже признанное.

Сначала Сафия обиделась на слово «устал», затем рассердилась на собственную обиду: Нилу опять приходилось объяснять ей то, что она считала давно решённым.

Но сотрудничество к тому времени уже остановилось.

***

Борис пришёл после обеда.

Сафия пригласила его под предлогом конкретного вопроса. Это не было ложью: вопрос действительно существовал. Просто рядом с ним существовал ещё один, который она не умела сформулировать.

Борис снял пальто, повесил на спинку стула и прочёл четыре строки.

– Здесь ограничение сильнее, – сказал он.

– Я вижу.

– Не похоже.

Он взял чистый лист и переписал условие без сокращённого обозначения. Сафия смотрела, как длинная фраза занимает почти всю ширину бумаги.

В сокращении спряталось требование, которого не было у произвольной модели.

– Вот это я пропустила.

– Ты это приняла.

Он показал её ответ в журнале.

– Не надо цитировать меня против меня.

– Очень удобный запрет. Я бы тоже себе такой хотел.

Сафия рассмеялась и почувствовала, насколько давно не смеялась в этой комнате.

Они построили маленький пример. Потом другой, где условие нарушалось. На втором переход не работал, хотя программа продолжала бы проверять иной, более узкий вывод, если подать ей правильно сформулированную задачу.

Ошибка была в понимании границ, не в машинной отметке.

Сафия записала это отдельно.

– Я доверилась результату, – сказала она.

– Все доверяются. Вопрос, знаешь ли ты, чему именно.

***

Борис задержался.

Он принёс собственные заметки, но достал только теперь, когда основной вопрос был разобран. Бумага была исписана мелким почерком. Некоторые страницы пожелтели по краям.

Сафия узнала старую программу, над которой он работал ещё до её аспирантуры.

– Ты продолжаешь?

– А что мне делать? Коллекционировать чужие благодарности?

Она не нашла ответа.

Они просмотрели несколько страниц. Один ход оказался полезным для объяснения, другой упирался в ограничение, которое новые методы обходили иначе.

Борис видел это не хуже неё.

– Для публикации уже поздно, – сказал он.

– Для объяснения не поздно.

– Утешительный приз?

Сафия хотела возразить, но он поднял руку.

– Прости. Это не к тебе.

За окном начался снег. Борис смотрел на него дольше, чем на лист.

– Я привык быть человеком, к которому приходят, когда никто не понимает. Теперь иногда прихожу сам и тоже не понимаю.

Сафия положила рядом свою четвёртую строку.

– Сегодня мы хотя бы вдвоём.

Он усмехнулся.

Потом попросил не выбрасывать его пример. Не из уважения к возрасту. Пример действительно помогал увидеть, где именно условие становится необходимым.

Она сохранила его с именем автора.

На этот раз не в отдельной папке «потом оформить», а рядом с объяснением.

***

Сафия написала Нилу вечером.

Не попросила вернуться.

Отправила разобранный переход, указала, где раньше притворялась понимающей, и спросила, согласен ли он проверить изложение за отдельное время. Добавила, что отказ не изменит доступ к прежним материалам и не будет истолкован как отказ от соавторства.

Письмо получилось сухим.

Она переписала последнюю часть.

«Мне не хватает наших разговоров. Но я не хочу прятать это в рабочую просьбу».

Ответ пришёл на следующий день.

Нил согласился посмотреть объяснение. Возвращение к общей работе пока не обещал.

В замечаниях нашлось три ошибки и одна похвала.

Похвала относилась к примеру Бориса.

Сафия отправила её Борису, не добавляя собственных пояснений.

Потом открыла запись лекции, с которой начался последний спор.

Слушать себя оказалось неприятнее, чем читать критику. Она была убедительна, смешна в нужных местах, хорошо держала паузы. Люди в зале понимали историю, которую она им рассказала.

Проблема была в том, что историю она улучшила за чужой счёт.

***

Исправление заняло больше времени, чем новый текст.

Организаторы охотно меняли подписи к роликам. Неохотно – вступления, анонсы и страницы с её фотографией. Один редактор предложил добавить фразу «при участии Нила» в конец.

Сафия отказалась.

– Он не участвовал в моём открытии. Мы сделали работу вместе.

– Для аудитории это слишком тонко.

– Тогда объясним не тонко.

Она записала короткое дополнение, где показала один конкретный фрагмент работы: исходный вопрос, конструкцию Нила, своё возражение, новую проверку. Не стала рассказывать всю историю отношений. Слушателям не требовалось знать, кто на кого обиделся. Им требовалось перестать приписывать решения не тому, кто их принимал.

Рядом опубликовали исправленное описание результата.

Он проверял определённые выводы при заданных условиях. Не гарантировал правдивость любого входного описания, не восстанавливал автоматически единственное прошлое и ничего не доказывал о сознании вообще.

Часть отзывов была доброжелательной.

Часть – нет.

Ей написали, что раньше она продавала красивую легенду. Это было грубо. Сафия не могла сказать, что совершенно несправедливо.

Она ответила только на проверяемые вопросы.

На танцы в тот вечер всё-таки пошла. Не в награду за честность. Просто иначе весь день оказался бы отдан чужим формулировкам о ней.

***

В марте Нил пригласил её послушать новую работу.

Небольшая студия, несколько человек, Кирилл у пульта. На экране Нил выбрал аватар, которого Сафия прежде не видела. Попросил не обсуждать математику до конца прослушивания.

Она согласилась и поймала себя на желании сказать, что пришла не за этим.

Пришла отчасти за этим тоже.

Музыка начиналась с обычных комнатных шумов. Потом повторения расходились: один и тот же короткий стук возвращался на другом расстоянии, будто помещение каждый раз выбирало новую форму.

Сафия пыталась найти принцип.

Перестала.

Когда запись закончилась, Нил спросил, что она услышала.

– Что повторение не обязано вести туда же, – ответила она.

Кирилл усмехнулся.

– Очень математически.

– Я старалась.

Нил сказал, что ему важнее было другое, и объяснил. Сафия слушала, не испытывая обязанности немедленно согласиться.

После обсуждения она спросила, можно ли поговорить о работе.

– Десять минут, – сказал он. – Потом у нас ещё один фрагмент.

Она посмотрела на часы.

Десять минут оказались достаточными, если не начинать издалека.

***

Новые условия они обсуждали неделю.

Отдельное время для совместной задачи. Право не брать следующий этап. Общая проверка публичных материалов. Возможность каждого заниматься работой, которая не полезна другому. Порядок использования уже созданного, если сотрудничество снова прекратится.

Сафия удивилась, насколько трудно было спокойно говорить о возможном конце, когда так хотелось начала.

– Ты оставляешь дверь открытой, – сказала она.

– Да.

– На выход.

– И на вход тоже.

Она прочла документ ещё раз.

Раньше ей казалось, что настоящая близость делает такие условия лишними. Теперь увидела, сколько неопределённости раньше оплачивал тот, кто реже настаивал.

Они подписали соглашение.

Нил не вернулся в прежний режим. Он появился в назначенный день, закончил в назначенное время и ушёл на репетицию, хотя у Сафии остался прекрасный новый вопрос.

Она записала его.

Вечером разобрала половину сама.

Наутро вопрос стал лучше.

***

Вера Соколова прислала задачу из лаборатории.

Её группа хотела применять проверяемые модели при отборе исследовательских гипотез. Август уже помогал сопоставлять результаты опытов и строить варианты объяснений, но Веру интересовало, как не потерять условия, когда вывод проходит через несколько программ и команд.

Сафия приехала вместе с Нилом – он участвовал через отдельный терминал, а не маленькое окно в её презентации.

Вера показала схему.

– Вот здесь результат выглядит убедительно. Но я хочу знать, что именно проверено.

Нил попросил исходные допущения.

Оказалось, два источника использовали одинаковое слово для разных условий измерения. Формальная цепочка выглядела гладкой только после того, как различие исчезало при переносе.

Август вывел обе версии рядом.

– Значит, надо выбрать правильную? – спросила Сафия.

– Сначала установить, какая соответствует каждому опыту, – ответила Вера.

Сафия улыбнулась.

– Хорошо. Не дадите нам слишком быстро почувствовать себя полезными.

Вера не улыбнулась в ответ: уже читала журнал.

Они исправили описание задачи. Проверка перестала проходить. Это был ожидаемый и полезный результат: теперь ошибка не пряталась за зелёной отметкой.

Вера предложила повторить работу на другом примере, которого Сафия прежде не видела.

Там всё выглядело почти так же. Сафия нашла знакомое расхождение и уже собиралась объяснить его, когда Август показал дополнительную запись: в этом случае условия были согласованы отдельно.

– Значит, здесь я ищу вчерашнюю ошибку, – сказала она.

– Здесь её нет, – ответил Нил. – Есть другая.

Они нашли пропущенную связь между версией исходных данных и отчётом. Расчёт воспроизводился, но для прежней выборки.

Исправление не заняло много времени. Обсуждение того, как такая подмена останется заметной следующей смене, продолжалось до вечера. Сафия написала пояснение сама и отдала сотруднице, не участвовавшей во встрече.

Та прочла, задала вопрос к третьей строке и вернула документ.

Сафия переписала третью строку. Затем ещё одну. На этот раз ей не хотелось торопить проверяющую: непонимание наконец обнаружилось там, где его ещё можно было исправить без нового опыта.

***

Пробный этап приняли через несколько недель.

Метод не выбирал лекарство. Не обещал успеха опытов. Он помогал прослеживать, из каких условий получен вывод, и обнаруживать, где эти условия незаметно меняются.

Вера попросила оставить рядом с каждым отчётом понятное человеку объяснение ограничений.

– Если прочесть сможет только автор, мы будем зависеть от его присутствия.

Сафия посмотрела на Нила.

Он ничего не сказал.

Она сама вспомнила четвёртую строку.

На обложке отчёта стояли два имени. Внутри – вклад Бориса и остальных участников, включая тех, кто проверял неудобные случаи и не придумал красивого названия.

Когда встреча закончилась, Сафия хотела предложить немедленно обсудить следующий этап.

Нил напомнил, что сегодня свободный вечер.

– Знаю, – сказала она. – Я хотела пригласить тебя послушать запись. Не работать.

– Какую?

Она назвала композицию, которую он присылал месяц назад.

– Ты уже слушала.

– Да. Ещё раз хочу.

Нил на мгновение изменил выражение аватара. Сафия не стала решать за него, что это означает.

Она дождалась ответа.

Глава 21. Обычный отец

Новосибирск. Май 2045 года.

Тая положила разрешение на стол поверх договора.

Виктор читал договор уже второй раз. Условия изменились совсем немного, но именно в таких местах обычно находилось то, о чём потом жалели. За годы после удочерения он научился узнавать по шагам, когда Тая идёт просто поговорить, а когда несёт готовое решение. Сегодня одиннадцатилетняя дочь явно пришла за подписью.

– Здесь подпиши, – сказала дочь.

Он взял ручку.

– Что это?

– Планетарий.

– Когда?

– В четверг. Я говорила.

Виктор вспомнил. Говорила за ужином, потом показывала программу, потом спорила с Мирой о том, стоит ли брать большой рюкзак. Он слушал и отвечал. По крайней мере, был уверен, что отвечал.

Теперь перед ним лежал день целиком: дорога, занятие под куполом, мастерская, обед, возвращение.

– Шесть часов?

Тая потянула лист к себе.

– Ты уже согласился.

– Я согласился на экскурсию. Не видел расписания.

– Оно было на другой стороне.

Он перевернул лист. Расписание действительно было на другой стороне.

Мира вошла с чашкой и сразу увидела, что происходит.

– Мы можем ещё раз обсудить нагрузку, – сказала она.

Тая закрыла глаза.

– Мы уже обсуждали.

Виктор посмотрел на ручку в своей руке. Она вдруг оказалась слишком похожа на инструмент, которым решают чужую жизнь, почти не читая.

Он положил её.

– Давай сядем.

– Я стоя хочу.

***

Тая знала маршрут лучше обоих.

Где автобус останавливается, сколько идти до входа, где можно сесть, когда начнётся тёмный сеанс. У неё было сообщение от учительницы и отдельная памятка, составленная с учётом согласованных рекомендаций.

Мира знала памятку наизусть.

Виктор – почти.

– Здесь можно пропустить мастерскую, – сказал он.

– Я ради неё и еду.

– А сеанс?

– И ради сеанса.

– Тогда обед…

– Пап.

Он замолчал.

Слово всё ещё иногда заставало его врасплох. За два с половиной года оно стало обычным, но в некоторые минуты звучало так, словно Тая впервые доверила ему место, с которого можно ошибиться особенно больно.

– Я не хочу домой раньше всех, – сказала она.

Мира придвинула расписание.

– Если устанешь, нужно сказать.

– Скажу.

– В прошлый раз ты не сказала.

– Потому что вы сразу увезли.

Виктор вспомнил музейную поездку. Тая побледнела, Мира заметила, он испугался, и через двадцать минут они уже сидели в машине. Возможно, уехать было правильно. Но они не объяснили, что будут делать, если в следующий раз ей понадобится лишь пауза.

– Тогда договоримся заранее, – сказал он. – Отдых не означает автоматическое возвращение. Но если взрослый, который отвечает за сопровождение, скажет, что нужно ехать домой, спорить на месте не будем.

Тая посмотрела на Миру.

– Ты тоже так считаешь?

– Да.

– И не будете каждые пять минут спрашивать?

Мира отвела взгляд к чашке.

Виктор ответил за себя:

– Я не буду.

За Миру он отвечать не стал.

***

После завтрака они остались вдвоём.

Тая ушла собирать материалы для школьной мастерской. Виктор подписал разрешение, но облегчения не почувствовал.

– Ты думаешь, мы рискуем? – спросил он.

Мира долго смотрела на расписание.

– Я думаю, что боюсь.

– Это не одно и то же.

– Знаю.

Он сел напротив.

Врачи не отменяли поездку при предусмотренных условиях. Помощь была организована, маршрут доступен, взрослые знали, что делать. Виктор мог повторить всё это без запинки. Страх не уменьшался.

– Можно устроить ей отдельный показ, – сказал он.

Мира подняла глаза.

– С одноклассниками?

– Можно пригласить.

– И каждый раз перестраивать весь мир вокруг неё?

Он хотел возразить, что для этого у него и есть возможности. Но представил Таю, которая входит в зал, где все знают: сегодня они здесь потому, что её отец всё оплатил.

– Иногда это полезно, – сказал он.

– Иногда. Сейчас она просит поехать со всеми.

Виктор кивнул.

Мира провела пальцем по краю бумаги.

– Я знаю, что она не должна платить своей обычной жизнью за наш страх. Только от знания легче не становится.

Он не стал обнимать её. Между ними всё ещё существовали границы, которые нельзя было отменить общим родительским беспокойством.

Вместо этого подвинул ей чашку подальше от края.

Она заметила и коротко улыбнулась.

***

Во вторник школа вернула форму.

Не потому, что Виктор подписал не там. Организатор изменил время возвращения, и понадобилось новое подтверждение. Мира была в школе по другому делу и зашла забрать исправленный лист.

Виктор узнал об этом во время совещания.

Сообщение от Миры было коротким: «Нужна твоя подпись ещё раз. Я не могу подтвердить как родитель».

Он открыл форму.

Все сведения знала она. Кто сопровождает Таю, что взять, как связаться, когда обычно наступает усталость. Но рядом с именем Миры в системе стояло «уполномоченный сопровождающий», а поле родительского согласия оставалось недоступным.

Виктор почувствовал привычный порыв позвонить кому-нибудь выше.

Вместо этого спросил, до какого времени нужен документ.

До трёх.

Он мог подписать удалённо, но система требовала отдельно подтвердить изменение приложения. Доступ к приложению ещё не обновили. Администратор школы извинилась и сказала, что технический специалист уже занимается этим.

Виктор посмотрел на часы. Совещание должно было закончиться через сорок минут. Потом ещё одно.

Он написал, что приедет.

Коллега на экране как раз спросил, можно ли вернуться к условиям поставки.

– Через полчаса продолжите без меня, – сказал Виктор. – Мои замечания в документе.

***

В школе Мира ждала у окна.

Секретарь держала две версии формы и выглядела так, словно лично придумала запрет, за который теперь придётся оправдываться.

– Мы понимаем, что она фактически… – начала она.

– Я знаю, – сказал Виктор. – Покажите, где подписать.

Мира ничего не сказала.

Он проверил новое время, перечень условий, подписал. Попросил выдать им обоим актуальную копию, чтобы не выяснять вечером, какая версия действительна.

Секретарь выдохнула.

Когда они вышли, Виктор спросил:

– Ты сердишься, что я не стал спорить?

Мира посмотрела на него.

– Я сержусь, что пришлось звать тебя ради того, что сама делаю каждый день.

– Можно написать…

– Напишем. Не сейчас у её двери.

Из класса вышла Тая с двумя девочками. Увидела взрослых и сразу остановилась.

– Что случилось?

– Форму заменили, – ответил Виктор.

– Из-за меня?

– Нет. Время изменили для всех.

Она посмотрела на Миру, проверяя.

Та кивнула.

Тая расслабилась и попросила не заходить в класс: они готовили что-то, что взрослым пока нельзя видеть.

Виктор согласился.

Позже он отправил Нике обезличенное описание ситуации. Без имени школы и без фотографии дочери. Это не исправляло закон. Но позволяло сохранить конкретное последствие, не превращая Таю в публичный пример.

***

В среду вечером дочь принесла картонный круг.

На нём были прорезаны два окна, а по краю шли неровные подписи. Второй круг должен был вращаться снизу, показывая разные участки неба.

– Ты обещал крепление, – сказала она.

Виктор вспомнил обещание.

На этот раз не только вспомнил: нужный маленький винт лежал у него в ящике. Он заранее попросил Константина подсказать, как сделать так, чтобы бумага не рвалась при вращении.

– Давай.

Они устроились на кухне. Тая не позволила ему выравнивать круг по шаблону. Он вышел слегка овальным, зато её.

Виктор закрепил шайбы, проверил ход.

– Слишком туго, – сказала она.

Он ослабил.

– Теперь болтается.

Он поджал совсем немного.

Тая повернула диск. В окошке появилась надпись «Лебедь», затем край закрыл половину буквы.

– Я не там написала.

– Можно расширить окно.

– Тогда картинка залезет.

Они пробовали на черновом листе, спорили, испачкали стол клеем. Виктор дважды хотел заказать готовый диск, один раз – поручить помощнику вырезать новый по размерам. Оба решения были бы разумнее по времени.

Тая сидела рядом, высунув от усердия кончик языка.

Он остался.

Когда клей начал схватываться, Тая велела держать два слоя неподвижно. Виктор держал, а телефон несколько раз дрогнул рядом с локтем.

– Можешь ответить, – сказала она.

– Сейчас отпущу, и съедет.

– Я подержу.

Он посмотрел на её руки. Она предлагала помощь всерьёз, не проверяла, выберет ли он её вместо звонка.

Они поменялись. Виктор прочёл сообщение, ответил, что вернётся к вопросу утром, и снова взял картон. Тая тем временем нашла линейку и показала место, где край всё-таки ушёл в сторону.

Исправили вместе.

Ему понравилось, что обещание оказалось не торжественным отказом от всего остального, а часом, в котором можно было ошибаться, меняться местами и довести маленькую вещь до конца.

***

В четверг утром не нашлась прозрачная папка.

Диск нельзя было положить в рюкзак просто так: прорези загибались. Тая опаздывала, Мира искала нужный размер в шкафу, Виктор проверял полку у своего стола.

Нашёл папку с рабочими бумагами.

Вынул бумаги, отдал.

– А тебе?

– Сегодня обойдусь.

Тая забрала, даже не поблагодарив. Уже бежала к двери, потом остановилась, потому что обещала не бегать по лестнице.

Виктор вынес рюкзак.

У автобуса дочь попросила не ждать, пока они уедут.

– Хорошо.

Он отошёл.

Не очень далеко.

Мира посмотрела на него, и он понял, что она собирается сделать то же самое. Они молча прошли ещё квартал.

Автобус уехал без их наблюдения.

Это оказалось труднее, чем подписать форму.

***

К обеду пришло сообщение от сопровождающей.

Всё по плану. Тая отдыхает перед мастерской и остаётся с группой.

Виктор перечитал слово «отдыхает». В голове немедленно возникли вопросы: почему сейчас, сколько времени, не стала ли хуже выглядеть, нужно ли приехать.

Он показал сообщение Мире.

Она прочла.

Положила телефон экраном вниз.

– Мы именно об этом договаривались.

– Знаю.

Они не позвонили.

Виктор вернулся к работе. Через пятнадцать минут обнаружил, что снова открыл ту же страницу, не прочитав. Закрыл её и занялся короткой задачей, где мог закончить хоть что-то.

Мира ушла на запись для архива. Перед выходом сказала, что телефон доступен, но просила не пересылать ей каждую общую фотографию из школьного чата.

Виктор посмотрел на уже подготовленное сообщение с фотографией.

Удалил.

***

Тая вернулась сердитая и счастливая одновременно.

В мастерской закончился материал нужного цвета, один мальчик всё время закрывал обзор, а под куполом было так темно, что можно было забыть о потолке.

Она рассказывала кусками, перескакивая с одного на другое. Виктор не пытался выстроить последовательность.

– А диск?

– Работал. Только Петя крутил не туда.

– Он же может в обе стороны.

– Но я показывала в одну.

Дома она положила рюкзак на пол и объявила, что больше сегодня ничего не будет делать.

Через минуту попросила достать диск.

Крепление ослабло.

Виктор взял отвёртку.

– Я сама, – сказала Тая.

Он положил инструмент рядом и придержал картон, когда она попросила.

Мира принесла воду. Не спросила, устала ли дочь: ответ был виден. Спросила, хочет ли она сейчас есть или позже.

Тая выбрала позже.

Обычный вопрос оказался лучшим, что можно было предложить после необычного дня.

***

Перед сном она позвала Виктора.

На столе лежал лист с заголовком «Моя экскурсия». Школьное задание, которое она якобы не собиралась делать сегодня.

– Я не про сегодняшнюю, – сказала Тая. – Свою придумала.

На рисунке люди шли по разным дорожкам к одному куполу. У некоторых были кресла, у одного – палка, рядом с маленькой фигурой тянулась большая.

– Здесь можно медленно, – объяснила она. – Но увидишь то же самое. Только не всё подряд.

Виктор сел.

– Ты хочешь такие проводить?

– Когда вырасту. Можно же сначала сделать в симуляции. Тогда поймёшь, где неудобно.

Он посмотрел на рисунок и почувствовал знакомый холод, который приходил всякий раз, когда дочь говорила о далёком будущем. Взрослые знали слишком много условных сроков. Она знала, что хочет делать.

– Можно, – сказал он.

Не пообещал, что всё обязательно случится. Не попросил придумать что-нибудь на ближайшее лето.

Тая ткнула пальцем в одну из дорожек.

– Тут я не знаю, как повернуть.

Виктор придвинул лист.

– Покажи, откуда человек идёт.

Они начали с этого.

Глава 22. Не записывай

Новосибирск. Осень 2046 года.

На записи Тая бросала ложку.

В действительности ложка выскользнула из пальцев, ударилась о край тарелки и упала на пол. Но если начать на полсекунды позже, получался бросок. Мира знала это, потому что уже трижды передвинула начало фрагмента, стараясь сохранить всё честно.

– Удали, – сказала Тая.

Она стояла в дверях комнаты в одной домашней туфле. Вторую держала за пятку; маленький камешек, застрявший в подошве после прогулки, никак не вынимался.

– Это пока только отбор, – ответила Мира. – В архив ничего не отправлено.

– Тогда не отправляй.

На стене застыла двенадцатилетняя девочка с некрасиво открытым ртом. Мира погасила изображение. Поздно: Тая успела посмотреть на себя и теперь смотрела на неё.

Ссора случилась вчера. Тая хотела провести школьную прогулку по своему маршруту, Мира предложила сократить длинный участок, Тая сказала, что маршрут уже сократили все, кому было не лень. Потом упала ложка. Потом прозвучало: «Ты даже не моя мать».

Мира помнила, как быстро дочь подняла глаза после этих слов. Будто ударила по стеклу и сама испугалась звука.

Вечером они поговорили. Не идеально, но достаточно, чтобы вместе разобрать рюкзак и обнаружить там яблоко неизвестного возраста. Теперь вчерашняя ссора снова стояла между ними, аккуратно размеченная для хранения.

– Я хотела оставить и то, что было после, – сказала Мира. – Иначе получится, что мы никогда не…

– Получится, что люди не увидят мой рот.

Тая перевернула туфлю, ударила ею о ладонь. Камешек вылетел и покатился под стол.

Мира потянулась поднять.

– Не надо. Я сама.

***

Запись началась с разрешения самой Таи. Они собирались проверить её маршрут в домашней учебной среде: где человеку в кресле приходится разворачиваться, откуда виден макет неба, на каком участке усталому посетителю негде сесть. Тая попросила сохранить обсуждение, чтобы потом не восстанавливать все замечания по памяти.

Когда проверка закончилась, они перешли на кухню. Мира не остановила внешний протокол: хотела оставить последние реплики о работе. После ссоры закрыла доступ и отложила разбор.

Это были факты. Она перечислила их мысленно и услышала, как хорошо они подходят для объяснения чужой ошибки.

Тая сидела напротив, ковыряя ногтем край наклейки на туфле.

– Я сказала записывать маршрут.

– Да.

– А ты записала меня.

Мира открыла настройки. Исходная сессия была длиннее получаса; внутри лежали рабочие метки, предварительная расшифровка, несколько маленьких изображений для быстрого

поиска. Она могла убрать кухонную часть целиком. Могла выделить её в закрытый семейный раздел. Могла оставить только собственное описание.

Ей хотелось предложить все варианты сразу, доказать, что ничего страшного не произошло.

– Если удалить совсем, – начала она, – потом нельзя будет посмотреть, как мы…

Тая поднялась.

– Вы всё время говорите «потом». Может, я потом захочу помнить, как гуляла, а не как кричала.

Она ушла, оставив туфлю на стуле.

Мира некоторое время смотрела на неё. На подошве сохранилась маленькая вмятина от камня. Никакой записи не требовалось, чтобы понять, почему больно было идти.

***

Ника ждала их в помещении общественной приёмной. На столе стояли четыре чашки, хотя подключённых участников должно было быть больше. Эля пришла лично и сняла пальто только после того, как закрыла рабочую переписку.

– Если из центра позвонят, я выйду, – сказала она.

– Конечно, – ответила Ника.

Мира принесла подборку случаев, когда люди фактически воспитывали ребёнка, но не могли подтвердить решение как родители. Часть семей согласилась на закрытое рассмотрение, часть – только на сводные сведения. Таин случай был обезличен.

На первой странице всё равно угадывался Виктор.

Не по имени. По сочетанию обстоятельств, которое трудно было спутать: искусственная личность, известный фонд, отец, принявший ребёнка в семью после просьбы бывшей партнёрши.

Ника прочла молча и положила лист рядом с остальными.

– Здесь надо убрать ещё.

– Тогда исчезнет причина, по которой они это сделали, – сказала Мира.

– Для предложения о законе она не обязательна.

Мира услышала собственное вчерашнее «иначе получится» и замолчала.

Одна из участниц по связи предложила приложить детские рассказы. Объяснила доброжелательно: взрослые формулируют абстрактно, а конкретный голос способен сдвинуть обсуждение.

Эля наклонилась к микрофону.

– Конкретный ребёнок потом пойдёт в конкретную школу. И там будут знать, какую фразу он сказал.

– Мы можем изменить имя.

– Одноклассникам имя не понадобится.

За окном приёмной чистили мокрый снег. Машина делала короткие проходы, оставляя у бордюра тяжёлый вал. Мира следила за её движением, пока Ника предлагала другой порядок: сначала последствия ограничений, потом отдельные свидетельства только с ясно оговорённым доступом.

– Это слабее подействует, – сказала участница.

– Возможно, – ответила Ника.

Она не стала обещать, что осторожность всегда выигрывает быстрее.

***

После встречи Эля попросила Миру задержаться.

Ей нужно было исправить в приложении одну дату. Не день знакомства с Таей, а начало регулярных визитов; в черновике два разных события оказались слиты. Они нашли запись, сверили и изменили строку.

– У тебя всё сохранилось, – сказала Эля.

В другой день Мира услышала бы похвалу.

– Не всё должно сохраниться для других.

Эля посмотрела на неё, но не стала спрашивать.

Мира всё-таки рассказала о кухне. Не повторила Таины слова. Сказала только, что дочь просит убрать ссору.

– Она хочет удалить или закрыть? – спросила Эля.

– Сначала сказала удалить.

– А ты?

– Я объяснила, почему важен контекст.

Эля потёрла переносицу.

– У нас одна девочка долго просила снять со стены фотографию с праздника. Все считали, что фотография замечательная. Она смеётся, друзья рядом. Потом выяснилось, что ей не нравилось платье. Мы искали большую причину. А ей хватало платья.

– Ты думаешь, я ищу причину вместо того, чтобы услышать?

– Я думаю, ты уже услышала. Просто не хочешь терять.

Мира хотела сказать, что дело не в ней. Но в сумке лежало приложение, из которого она только что с трудом убрала историю собственной семьи ради той же девочки.

***

Виктор приехал вечером с продуктами и чужой складной сумкой.

– Моя осталась у тебя, – сообщил он Мире.

– У меня три твоих.

– Значит, это не случайность, а система.

Тая фыркнула из комнаты. Мира впервые за день услышала звук, который не хотелось разбирать.

Виктор начал выкладывать покупки. Достал слишком много мандаринов, посмотрел на них с тихим удивлением человека, который в магазине был уверен в своём расчёте.

– На весь класс? – спросила Тая, появляясь в дверях.

– На случай длинной зимы.

– Сейчас октябрь.

– Я предусмотрительный.

Она взяла один и села чистить, собирая кожуру в спираль. Виктор не спрашивал, почему они с Мирой говорят осторожнее обычного. Мира сама отвела его в сторону, пока Тая искала тарелку.

– Мы поссорились из-за записи. Я разберусь с ней сама.

– Помочь?

– Пока не надо.

Он кивнул. Не пошёл объяснять дочери, сколько Мира для неё сделала.

Эта маленькая непрочитанная лекция принесла Мире облегчение, которого она не ожидала.

***

Позже они с Таей сели у стола. Мира оставила экран тёмным.

– Я сохранила больше, чем ты разрешила. Прости.

Тая посмотрела на выключенную стену.

– Ты всё равно будешь помнить.

– Буду. Я не могу обещать, что вчерашнего для меня не было. Но моя память не даёт мне права делать из тебя материал.

Дочь долго разглаживала край бумажной салфетки.

– А если я захочу посмотреть сама?

– Можно оставить закрытую копию под твоим управлением. Можно удалить. Я не буду выбирать за тебя.

– Ты только что выбрала варианты.

Мира остановилась.

– Тогда скажи, что нужно тебе.

Тая попросила сначала убрать всё из отбора, чтобы изображение больше нигде не появлялось само. Потом – оставить рабочую часть с маршрутом. Кухню она хотела закрыть до своего решения. Без доступа исследователей, без семейных показов и без автоматической даты, после которой кто-нибудь объявит её достаточно взрослой для согласия.

Они прошли по списку вместе.

Отдельная расшифровка тоже содержала ссору. Тая заметила её раньше Миры.

– И это.

Мира убрала её из общего поиска.

На миниатюре оставался тот самый открытый рот.

– И картинку.

Они проверили служебные копии, назначение каждого сохранённого фрагмента и ограничения доступа. Незавершённая сессия ещё не ушла в исследовательское хранилище; отзывать чужие выгрузки не понадобилось. Мира сказала это вслух, не выдавая возможность исправить ошибку за оправдание.

– Теперь ты можешь передумать, – сказала она.

– Я уже передумала. Я сначала хотела всё удалить.

– Можешь ещё раз.

Тая придвинула к себе рабочую часть.

– Вот тут не трогай. Где ты неправильно повернула кресло. Это полезно.

Мира посмотрела на себя, упорно застревающую в слишком узком проходе.

– Рот у меня тоже не очень.

– У тебя авторская методика.

Они засмеялись. Запись была выключена.

Перед тем как разойтись, Тая вернулась к настройкам и сама открыла список разрешений. Проверяла медленно, ведя пальцем по строкам.

– А если ты потом добавишь человека?

– Для этой части потребуется твоё подтверждение.

– Даже хорошего?

– Даже хорошего.

Тая сохранила короткую памятку рядом с рабочим маршрутом. Мира заметила, что в названии дочь написала не «запрет», а «кому можно». Она не стала придавать этому значение вслух. Подождала, пока Тая закончит, и только тогда убрала устройство.

***

На обследовании в ноябре Тая попросила говорить с ней, даже когда ответ адресован взрослым.

Врач придвинул стул. Мира осталась возле окна; Виктор сидел справа от дочери и держал куртку, которую никто не хотел брать.

Результаты были хуже летних. Не все, но достаточно, чтобы изменить ближайший план. Усталость, которую ещё можно было принять за последствие длинного дня, всё чаще приходила после обычного утра.

– Значит, прогулку отменяем? – спросила Тая.

– Пока меняем нагрузку и наблюдаем, – сказал врач. – Я не хочу, чтобы ты сейчас решила, будто отменили всю твою жизнь.

– А школу?

Они разобрали неделю по дням. Где можно участвовать из дома, где нужен отдых, что сообщить сразу, а что записать для следующего разговора. Мира задавала вопросы после Таи. Некоторые повторяла: ей хотелось проверить, что осторожные слова не скрывают уже принятого решения.

Врач не назвал нового срока жизни.

Это не успокоило. Мира больше не могла воспринимать отсутствие страшного числа как хорошую новость.

В коридоре Тая попросила минуту посидеть.

Виктор сел рядом. Мира принесла воду. Дочь держала стакан двумя руками и смотрела на маленькое растение возле окна, которому явно не хватало света.

– Его надо переставить, – сказала она.

Мира едва не ответила, что обязательно сообщит персоналу.

– Куда?

Тая показала.

Они спросили у администратора и передвинули горшок. Дело заняло меньше минуты. Возвращаясь к стулу, Тая улыбнулась так, словно хотя бы одну проблему на сегодня удалось решить.

***

Через неделю Ника прислала исправленное приложение. От истории семьи остались конкретные препятствия, даты обращений и последствия. Мира прочла, проверила, согласовала ограниченный доступ.

Вечером Тая показывала ей новый маршрут. Вместо одного длинного пути появились три коротких, с общей площадкой посередине. Она сердилась на необходимость переделывать, но придуманный переход ей нравился.

Мира спросила разрешения сохранить рабочую демонстрацию.

– Только экран, – сказала Тая. – Без меня.

Она настроила именно так.

Когда дочь ушла отдыхать, пришло сообщение от Веры. Лаборатория расширяла одно из направлений, которое могло иметь отношение к болезни Таи. Вера просила разрешения согласовать передачу актуальных данных через лечащую команду. Обещаний не было; даже основания говорить о готовом кандидате пока не было.

Мира перечитала сообщение один раз.

Потом отправила Виктору и спросила врача о порядке передачи. Не разбудила Таю ради слов, которые ещё ничего не меняли в её завтрашнем утре.

На стене оставался рабочий маршрут: пустая дорожка, скамья, поворот к куполу. Кухонной ссоры в нём не было. Мира знала, где находится закрытый фрагмент, и впервые за долгое время не испытывала необходимости его открыть.

Из комнаты донеслось:

– Ты тут?

– Тут.

– Тогда выключи у стола. Свет мешает.

Мира выключила свет.

Глава 23. Кандидат

Академгородок. Февраль 2047 года.

Виктор приехал раньше и успел придумать, что скажет дочери.

Не «тебя вылечат». Этого он себе не позволял. Что-нибудь осторожное: появилась хорошая возможность; люди работают; теперь есть за что держаться. Пока он поднимался по лестнице, осторожные слова незаметно превратились в обещание.

У двери лабораторного корпуса его встретила Вера Соколова, руководительница команды биологов. Фонд Виктора поддерживал их работу, но теперь он приехал прежде всего как отец Таи: среди исследуемых веществ нашлось то, от которого могла зависеть жизнь дочери.

– Начнём с неудачной серии, – сказала она.

Он остановился.

– Ты пригласила меня из-за неудачи?

– Я пригласила тебя из-за следующей. Но без первой ты неправильно её поймёшь.

На проходной ему выдали гостевую отметку. Его фамилия была на табличке фонда в холле, но внутренняя дверь всё равно открылась только после подтверждения сопровождающего. Раньше это казалось разумной формальностью. Сегодня он почувствовал раздражение и спрятал его прежде, чем Вера успела заметить.

***

За стеклом двигалась узкая механическая рука. Она переносила закрытые пластины между рабочими отсеками, останавливалась, дожидалась проверки и продолжала путь. Виктор ожидал увидеть нечто более выразительное. Открытие, от которого зависела жизнь Таи, выглядело как аккуратное перемещение одинаковых прямоугольников.

Из настенного терминала заговорил Август. Лабораторный ИИ работал с командой Веры: сопоставлял результаты, предлагал проверки и помог выделить перспективное вещество из множества неудачных вариантов.

– Доброе утро, Виктор. Вы хотите сначала краткое заключение или последовательность результатов?

– Заключение.

– Мы нашли перспективное направление воздействия и вещество, которое стоит исследовать дальше. У нас нет достаточных данных о безопасности и эффективности у людей.

Последняя фраза прозвучала так же спокойно, как первая.

– Теперь последовательность, – сказал Виктор.

На экране появились две группы измерений. Одна поднималась почти одинаково во всех повторениях. Другая распадалась на несколько линий.

– Вот здесь эффект? – спросил он, указывая на ровную.

– Здесь ошибка подготовки, – ответила Вера.

Она увеличила служебные пометки. Слишком красивый результат исчез после проверки условий. Август предложил повторение ещё до того, как люди закончили обсуждать первую серию; сотрудница другой смены нашла расхождение в обращении с материалом.

Виктор посмотрел на дату. Тогда он уже ждал от Веры новостей и сердился на её молчание.

– Почему мне не сообщили?

– Потому что это ещё не было новостью для отца пациентки.

– А для человека, который оплачивает работу?

– В отчёте было. Ты прочёл сводку.

Он действительно прочёл сводку. Теперь попросил открыть приложение.

***

Следующая серия не выглядела победой. Разброс был шире, часть наблюдений не соответствовала ожиданию, один из признаков требовал отдельного объяснения. Но результат повторился в другом запуске и сохранился после проверки исходных условий.

Вера объясняла на простом рисунке. Виктор понимал ровно до того места, где ему хотелось заключить: значит, можно попробовать.

– Значит, можно поставить следующий опыт, – сказала она прежде, чем он задал вопрос.

Август добавил к рисунку пустые участки.

– Эти зависимости пока оценены косвенно. Здесь данные недостаточны. Здесь возможен нежелательный эффект, который наша текущая система не исключает.

Виктор смотрел на пустоты.

Когда-то ему показали другую таблицу: редкие маркеры лейкемии и результаты персонального лечения. Потом пришло сообщение от шейха, чья дочь снова смогла жить дома. Производство её ежегодной дозы и доз для других пациентов фонд оплачивал до сих пор. Таю та работа спасти не могла; это проверили ещё несколько лет назад. Сейчас перед ним было отдельное исследование, у которого не появлялось дополнительных доказательств от прежнего успеха.

Он знал это и всё равно ловил себя на ожидании, что Вера наконец произнесёт знакомое «подходит».

– Вы можете посчитать вероятность для Таи?

– Могу построить оценку при указанных предположениях. Не могу превратить её в измерение того, что с ней произойдёт.

– Я не прошу гарантии.

Вера отвела взгляд от экрана и посмотрела прямо на него.

– Сейчас просишь. Только другим словом.

За стеклом рука замерла. На панели появился жёлтый знак; техник подошёл к рабочему отсеку и проверил крепление. Август переключил часть процесса на ожидание, не прекращая разговора.

Виктору вдруг стало легче от этой задержки. Здесь можно было остановиться из-за маленькой неисправности. Никто не был обязан продолжать ради красивого графика.

***

После обхода они сели в тесной комнате, где хранили чистые кружки и слишком много коробок с чаем.

Виктор взял первую попавшуюся. На ней было написано: «Не контрольная группа». Он повернул надпись к стене.

– Что нужно, чтобы Тая могла получить препарат законно?

Вера перечислила ближайшие исследования, независимую оценку и путь индивидуального обращения. Не все этапы должны были идти строго друг за другом, но каждый отвечал на отдельный вопрос. Часть материала уже можно было готовить.

– Тогда начнём сейчас.

– Начнём, – сказала она. – Через лечащую команду. И отдельно проверим конфликт интересов.

– Я не собираюсь влиять на заключение.

– Я знаю, что ты собираешься. Проверка нужна не для чтения намерений.

Он хотел возразить, что за годы финансирования ни разу не требовал изменить результат. Вспомнил рекламные формулировки, которые когда-то отстаивал перед Мирой и Анной, и промолчал.

Вера придвинула ему перечень связей, которые следовало раскрыть: фонд, участие в решениях, возможность доступа к информации, родственники. Виктор начал заполнять, потом остановился на слове «родственники».

Он написал: «Дочь».

Без пояснения, что не биологическая.

***

Юрист подключился вечером.

Виктор слушал его из машины у дома. Двигатель давно выключился, стекло начинало затягивать. Он мог подняться, но не хотел, чтобы Тая услышала слова «тяжкое нарушение» из случайно приоткрытой двери.

Действовавшие правила вводили после случаев, когда экспериментальное лечение продавали отчаявшимся семьям, скрывая неудачи. В пакете были требования к данным, независимости решения и доступу к образцам. Состоятельный родитель не получал права отменить их соглашением с лабораторией.

– Я спрашиваю о законном обращении, – сказал Виктор.

– Тогда не пропускайте раздел о рисках. Его тоже будут читать.

Юрист объяснил, что узкое исключение крайней необходимости существовало, но не было разрешением заранее обходить порядок. Позднее пришлось бы доказывать непосредственную опасность, отсутствие доступного менее опасного пути и соразмерность действий по сведениям, имевшимся тогда.

– Позднее кому?

– Суду, если до этого дойдёт.

Виктор стёр ладонью запотевший участок.

– Я не хочу суда. Я хочу заявку.

– Поэтому мы её и готовим.

На выходе юрист напомнил, что деньги могут ускорить доставку материалов или организацию независимой проверки, но не должны покупать содержание заключения.

Виктор записал себе два поручения. Третье – позвонить знакомому руководителю – удалил.

***

Тая встретила его вопросом, где обещанные батарейки.

Он привёз документы, список независимых специалистов и надежду, которую старался не произносить. Батарейки забыл.

– Сейчас закажу.

– Не надо. Я уже взяла у Миры.

Она сидела над маленьким макетом указателей. Часть стрелок горела, часть оставалась тёмной. Посетитель должен был выбирать путь не по цвету, а по форме и свету.

– Эти куда? – спросил Виктор.

– В неправильную сторону. Специально. Проверяю, кто заметит.

Он сел рядом.

– Я бы пошёл.

– Вот поэтому проверяю.

Они нашли один знак, который был непонятен даже автору. Тая сняла его и отложила. Потом сама спросила про лабораторию.

Виктор рассказал при Мире. Сказал, что найдено направление, есть вещество для дальнейшей проверки, а разрешённого лечения пока нет.

– Вы мне скажете, если не получится? – спросила Тая.

– Да.

– Не через месяц.

– Когда будет что сказать.

Она посмотрела на Миру.

– И если плохо?

– И если плохо, – ответила Мира.

Тая кивнула и протянула отцу погасший указатель.

– Тогда пока держи. Я провод поправлю.

***

В марте ей исполнилось тринадцать.

Гости приходили двумя маленькими группами, чтобы праздник не превратился в испытание выносливости. Даша прислала голосовое поздравление и потом долго говорила с Таей отдельно. Виктор видел только закрытую дверь и тарелку, которую попросили оставить снаружи.

Он поставил её на табурет. Чувствовал себя нелепым официантом у входа в неизвестную страну.

Мира принесла ещё один стакан.

– Тебя тоже не пускают?

– Мне разрешили принести сок.

– Высокая должность.

Она улыбнулась. Виктор задержался рядом дольше, чем требовалось, и почти сказал то, что уже много раз говорил раньше. Вместо этого спросил, хватает ли стульев следующей компании.

Письмо Веры пришло во время уборки. Одна из дополнительных проверок дала неблагоприятный сигнал. Требовалось выяснить, связан ли он с веществом или условиями опыта.

Виктор прочёл дважды. День не должен был заканчиваться так.

Он написал: «Не убирайте из пакета».

Потом понял, что Вера и не собиралась.

Добавил: «Прости. Я сейчас говорю себе».

Ответила она уже ночью: «Понимаю. Повторяем».

***

В апреле независимая группа вернула материалы с вопросами.

Один касался возраста пациентки, другой – переноса результатов на её состояние, третий – того неблагоприятного сигнала. Виктор сначала увидел в письме потерянные недели. Потом начал читать ответы Веры и понял, что без вопросов сам бы их не задал.

Август подготовил сопоставление версий. Рядом с каждым выводом стояли данные, из которых он получен, и ограничения. Часть прежних предположений пришлось убрать. Некоторые оценки стали осторожнее, хотя общий смысл нового направления сохранился.

На совещании представитель фонда предложил вынести спорные наблюдения в отдельное приложение, чтобы основной документ не выглядел противоречивым.

– Они останутся в основном выводе, – сказал Виктор.

– Это затруднит решение.

– Значит, оно трудное.

После встречи он долго сидел один. Ему хотелось позвонить Мире и рассказать, как правильно поступил. От этого желания стало стыдно. Он позвонил спросить, как прошёл Таин день, и выслушал подробный рассказ о споре с учителем.

В конце Мира спросила про материалы.

Он рассказал всё, включая своё первое раздражение.

***

В мае Вера впервые позволила себе сказать, что совокупность результатов укрепляет надежду.

Виктор стоял у того же стекла. За ним переносили новые пластины; он уже узнавал этапы, но не пытался угадывать успех по скорости руки.

– Значит, теперь?

– Теперь у независимой команды больше оснований рассматривать индивидуальное применение. Достаточно ли их – решать не тебе и не одному Августу.

– И не тебе?

– Не мне одной.

Он спросил, есть ли вообще материал, пригодный для возможного клинического использования, если разрешение придёт. Вера ответила: подготовленная исследовательская партия есть, её назначение и движение учитываются отдельно. Это не препарат, который можно взять с полки по распоряжению фонда.

– Он кому-нибудь уже назначен?

– Нет. Индивидуального назначения пока нет.

Виктор кивнул. Эта подробность задержалась в памяти почему-то прочнее рисунков.

Перед уходом Август попросил его остаться на минуту.

– Я могу присылать вам короткое обновление по завершённым этапам. Если вы будете запрашивать статус несколько раз в день, новых результатов от этого не появится.

Виктор невольно усмехнулся.

– Мешаю?

– Вы отвлекаете людей, которые боятся вас расстроить. Мне проще сказать прямо.

Они договорились о времени.

На выходе Виктор встретил сотрудницу, которую видел утром за стеклом. Она несла контейнер с обедом и пыталась плечом удержать дверь.

Он помог.

– Спасибо, – сказала она и вдруг узнала его. – Вы к Вере?

– Уже от неё.

Сотрудница замялась, словно теперь должна была добавить что-нибудь обнадёживающее. Виктор сам спросил про наклейку на контейнере: там был нарисован сердитый кот.

Оказалось, контейнер принадлежал её сыну, а кот означал, что содержимое нельзя менять без согласования. Сегодня мать положила туда своё и ждала вечернего разбирательства.

Они посмеялись. Потом она ушла обедать, а Виктор остался у двери. Он понял, что раньше ожидал от каждого человека в этом здании постоянной тревоги, равной его собственной. Как будто спокойный обед означал, что Таю недостаточно стараются спасти.

Он достал телефон, отменил ещё один подготовленный запрос о ходе работы и отправился к выходу.

Виктор впервые за день почувствовал благодарность без примеси требования.

***

В начале июня Тая стала чаще оставлять работу недоделанной.

Не бросать – именно оставлять. На столе лежали подписанные детали, рядом записка, с какой начать. Виктор узнавал эту аккуратность: она рассчитывала силы, как раньше рассчитывала повороты маршрута.

Вечером он помог ей разложить макет по коробкам.

– Это пока, – сказала она.

– Конечно.

– Не говори так, будто коробки навсегда.

Он снял крышку с последней.

– Тогда эту оставим открытой?

Тая заглянула в открытую коробку.

– Пыль набьётся. Закрой нормально.

Он закрыл.

Официальное обращение оставалось на рассмотрении. Дополнительные сведения передавались, врачи уточняли план, лаборатория продолжала проверки. Ни один человек не говорил Виктору: «Мы забыли». От этого ждать было не легче. Нельзя было найти одного равнодушного виновника и заставить его нажать нужную кнопку.

Утром он получил очередное подтверждение приёма документов. Проверил дату и время, переслал лечащей команде.

В поле состояния стояло: «Решение не принято».

Виктор открыл список покупок. Первой строкой были батарейки.

На этот раз он их купил.

Глава 24. Времени всё меньше

Новосибирск. 15 июня 2047 года.

Утром Тая попросила переставить стул.

Мира подвинула его к кровати, потом к окну, потом поняла, что дочь имеет в виду не свой стул, а тот, на котором сидела она сама.

– Ты закрываешь дверь. Я не вижу, кто приходит.

Мира пересела.

В палате было слишком светло для того, что происходило. Солнце лежало на подоконнике, в стекле отражалась часть соседнего корпуса. По дорожке внизу человек вез тележку с бельём; одно колесо виляло, и он всё время поправлял направление.

Тая смотрела на дверь.

Ночью ей стало хуже. К утру поддерживающие меры дали короткую передышку, но врач, пришедший после смены, не назвал её улучшением. Попросил дождаться старшего коллеги и не уходить далеко.

Мира и так не собиралась уходить.

На столике лежал блокнот с Таиной схемой. Вчера дочь пыталась исправить переход между двумя учебными сценами, сегодня попросила закрыть страницу: от мелких линий уставали глаза.

– Папа едет?

– Да.

– Он знает, что я здесь?

– Знает.

Тая кивнула. Ей не требовалось объяснять, что Виктор не мог забыть больницу. Она спрашивала о другом, и Мира не нашла ответа, который не был бы обещанием.

***

Врач пришла вместе с коллегой из другой клиники.

Независимое заключение готовили по срочному запросу. Мира знала об этом с ночи, но всё равно почувствовала облегчение, увидев живого человека, который снял куртку, вымыл руки и прежде всего представился самой Тае, а не участникам обсуждения её случая.

Он проверил доступные результаты, поговорил с лечащей врачом и попросил разрешения задать несколько вопросов. Мира отступила, освобождая место.

– Можно без длинного вступления, – сказала дочь.

– Можно.

Разговор шёл медленно. Тая отвечала, иногда закрывала глаза. Врач ждал, не заполняя каждую паузу следующим вопросом. Мира ловила себя на желании ответить за неё и держала ладони на коленях.

Когда осмотр закончился, Тая спросила:

– Это теперь очень плохо?

Лечащая врач придвинула стул.

– Сейчас опаснее, чем вчера. Мы продолжаем помогать тебе, но прежняя помощь уже не удерживает состояние так, как нам нужно.

– Я могу умереть?

Мира услышала вопрос раньше, чем успела приготовиться к нему.

– Такая опасность есть, – ответила врач. – Мы здесь, чтобы сделать всё, что можем. И будем объяснять, что происходит.

Тая повернула голову к Мире.

Та не улыбнулась. Не сказала, что взрослые просто перестраховываются.

– Я с тобой.

Дочь протянула руку.

Мира взяла её, осторожно обходя крепление на запястье.

***

Виктор появился без пиджака, с небольшой сумкой через плечо.

Он принёс зарядное устройство, чистую футболку и мягкие носки. Мира знала, что дома ему помогли собрать вещи, но носки он выбрал сам: Тая терпеть не могла тугую резинку.

– Здесь жарко, – сказала она.

– Тогда не пригодятся.

– Ты опять привёз зиму?

Он улыбнулся. Мира увидела, сколько усилий стоила ему эта улыбка, и отвела глаза, чтобы не сделать её ещё труднее.

Виктор поставил сумку в шкаф. Не стал искать свободную розетку, пока врач говорила. Спросил, когда можно обсудить новые результаты, и получил ответ: сейчас, если Тая согласна.

– Здесь, – сказала дочь.

Они остались.

Врач напомнила о веществе, которое исследует лаборатория. Тая уже знала, что оно существует. Теперь нужно было объяснить, почему знание ещё не означает возможность немедленно получить лечение.

– Оно может помочь? – спросила она.

– Есть основания надеяться.

– Может сделать хуже?

– Да. Мы не знаем всех рисков.

– А вы уже решили?

– Нет.

Тая посмотрела на врача.

– Тогда не говорите «мы решили попробовать», пока не решили. Вы так вчера сказали про другое, а потом оказалось, что ещё спрашивали.

Врач кивнула и поправила запись.

Мира почувствовала странную гордость, совсем неуместную среди страха: дочь всё ещё следила за словами точнее взрослых.

***

Срочное дополнение к обращению отправили до полудня.

Независимый специалист подтвердил непосредственную опасность и то, что промедление может сократить возможность эффективной помощи. Он не написал, сколько именно часов осталось. Данные не позволяли назначить точную границу.

Мира прочла заключение и сначала рассердилась на отсутствие числа. С числом можно было бы считать, предъявлять, требовать. Без него приходилось действовать внутри неопределённости.

Виктор связался с координатором обращения.

Мира слышала только его половину разговора.

– Да, новые сведения отправлены… Нет, не прежнее состояние… Я понимаю, что вы не можете заменить оценку… Скажите, кто сейчас рассматривает срочную часть.

Он записал имя, время и обещанный следующий контакт. Не повысил голос. Когда связь закончилась, у него дрожала рука.

– Они передали дальше.

– Когда ответ?

– Не знают.

Она взяла у него лист, потому что он собирался ещё раз переписать те же цифры.

В коридоре прошла женщина с бумажным пакетом. Из пакета торчал большой зелёный лист комнатного растения. Мире показалось невыносимым, что у кого-то сегодня есть задача, которую можно решить пересадкой.

Потом она вспомнила ноябрьский горшок у окна и вернулась в палату.

***

Тая попросила выключить общий экран.

– Там всё время одно и то же.

Мира выключила. На экране шёл не мониторинг, а короткая прогулка по парку, которую включили для спокойствия. Теперь на чёрной поверхности отражались все трое.

– Можно Даше написать? – спросила Тая.

– Конечно.

Мира подала ей устройство. Дочь набрала несколько слов, стёрла, набрала снова. Потом положила экраном вниз.

– Не читай.

– Не буду.

Через минуту пришёл ответ, и Тая попросила помочь удержать устройство. Мира держала так, чтобы видеть только край корпуса.

Они обменялись короткими голосовыми сообщениями. Даша рассказывала о чём-то школьном, сердито и подробно. Тая один раз усмехнулась и попросила повторить последние слова.

После разговора она закрыла глаза.

– Не говори ей всё без меня.

– Я скажу только то, что нужно, если понадобится помощь. Остальное обсудим.

– И про маршрут. Пусть не доделывает. Она там поворот не понимает.

– Передадим.

– Потом.

Мира убрала устройство на столик. На этот раз ей удалось не превратить слово «потом» в вопрос о том, будет ли оно.

***

Во второй половине дня передышка закончилась.

Никакого внезапного обвала стены, никакого единственного звука, после которого мир стал другим. Изменились показатели, Тая стала реже отвечать, врач попросила Миру отойти на время процедуры. Несколько людей делали свою работу быстро, не объясняя друг другу того, что уже было понятно.

Мира стояла за дверью и держала дочь за руку в собственной памяти. Отпустить физическую ладонь оказалось труднее, чем выйти.

Виктор принёс воду. Она не нуждалась в воде, и он это знал. Сам сделал глоток, поставил стакан на подоконник.

– Вера на связи, – сказал он.

Они отошли в маленькую комнату для разговоров с семьями. На столе лежала коробка бумажных салфеток. Одну кто-то вытянул наполовину, и она торчала белым неровным флагом.

Вера выглядела усталой. Август подключился отдельно.

Новые данные изменили оценку срочности. Научные основания для надежды сохранялись, но безопасность не стала доказанной оттого, что времени стало меньше.

– Мы отправили всё, что можем подтвердить, – сказала Вера.

– Разрешение? – спросила Мира.

– Нет.

– Твоё?

Вера выдержала взгляд.

– Я не разрешаю выдать препарат в обход процедуры. И не могу назвать его безопасным.

Мира почувствовала, как сжимается весь доступный ей мир: до лица женщины, которая могла сказать другое слово и не говорила.

Август вывел краткое заключение. Там были основания ожидать пользу, неизвестные риски и отсутствие доступного сопоставимого лечения по оценке врачей. Рядом стояли временные отметки независимых проверок.

– Значит, вы считаете, что шанс есть.

– Да, – ответил он.

– Но не даёте его.

– Мы передаём сведения тем, кто принимает решение. Я не могу сам назначить Тае лечение.

Она знала это. От знания не становилось легче слышать.

***

Виктор остался на связи ещё на несколько минут. Мира вернулась к дочери.

Тая не спала, хотя глаза были закрыты. Когда Мира села, пальцы на одеяле чуть сдвинулись.

– Ты тут?

– Тут.

– Ты сердишься?

– Нет.

– Голос такой.

Мира опустила взгляд на их руки.

– Мне страшно.

Тая открыла глаза.

– Мне тоже.

Они молчали. Мира могла бы подобрать десятки ободряющих фраз и ни одну не хотела класть между ними вместо правды.

Врач вернулась и коротко объяснила, что изменилось. Тая слушала, потом спросила о новом веществе ещё раз.

– Если разрешат, я хочу, чтобы вы помогли. Только не надо говорить, что я смелая.

– Хорошо, – сказала врач.

– И если я передумаю?

– Скажешь. Мы будем разговаривать с тобой столько, сколько позволит состояние. Ты не должна одна отвечать за взрослое решение.

Тая кивнула. Она явно устала от вопроса, в котором не существовало хорошего ответа, доступного тринадцатилетнему человеку.

Мира поправила край одеяла. Дочь попросила не заправлять ноги.

Она оставила свободно.

***

К вечеру координатор позвонил сам.

Срочная оценка продолжалась. Дополнительное заключение было получено, материалы не потерялись, но окончательного решения ещё не было. Прогнозировать время ответа он не мог.

Мира попросила соединить её с тем, кто мог.

Разговор занял несколько минут и не изменил последней фразы.

После звонка лечащая врач объяснила: поддержка продолжается, однако ждать без риска до неопределённого срока уже нельзя. Это не означало, что исследовательское вещество гарантированно спасёт Таю. Это означало, что привычное ожидание тоже стало опасным действием.

Виктор слушал неподвижно.

Мира спросила, сможет ли команда оценить возможность введения, если образец окажется в клинике.

– Мы обязаны оценивать состояние и все доступные варианты помощи, – ответила врач. – Но это не разрешение вам забирать что-либо. Я не могу заранее обещать введение неизвестно как полученного материала.

– Если происхождение подтверждено?

– Тогда будем оценивать подтверждённые сведения. Каждый из нас отвечает за своё решение.

Мира кивнула.

На стене комнаты висели часы. Она раньше не замечала, что секундная стрелка идёт маленькими рывками.

***

Они с Виктором вышли в конец коридора.

Оттуда было видно вечерний город. Ещё светло; июнь не хотел заканчиваться. Окна домов стояли открытыми, и где-то сейчас наверняка спорили о музыке, ужине, забытых батарейках.

– Образец в лаборатории? – спросила Мира.

Виктор посмотрел на неё.

– Да.

– Не назначен другому ребёнку?

– Нет. Исследовательская партия. Но доступ ограничен.

– Я заберу.

Он ничего не сказал.

Она продолжила быстрее, пока сама ещё могла произнести:

– Я могу принять последствия. Пусть разберут меня. Пусть уничтожат память. Мне не нужно…

– Мира.

– Я не прошу тебя отвечать за меня.

– Ты сейчас не знаешь, что именно тебе грозит. Ты предлагаешь исчезнуть, потому что не можешь стоять здесь.

Она хотела возразить. Не смогла.

Страх не был юридическим знанием. Она понимала это даже сейчас. Но воображение уже выбрало самое тяжёлое наказание и предлагало его, как сумму, которую можно внести за открывшуюся дверь.

– Я не могу её потерять, – сказала Мира.

Виктор прислонился к подоконнику. Он постарел за этот день заметнее, чем за прошлый год.

– Я тоже.

– Тогда помоги мне.

Он долго смотрел в окно. Мира подумала о прежних разговорах, в которых любое его «помогу» незаметно приносило с собой условия. Сейчас она была готова услышать их и ненавидела собственную готовность.

– Она и моя дочь, – сказал Виктор.

Не спросил, что будет между ними после. Не попросил вернуться. Даже не коснулся её, хотя она стояла совсем близко.

– Останься с ней.

– Виктор…

– Я сообщу, когда смогу.

Он пошёл к выходу. На середине коридора остановился, вернулся на несколько шагов и достал из сумки зарядное устройство.

– Её телефон почти сел.

Мира взяла провод.

Виктор ушёл. Она осталась у окна, пока дверь лифта не закрылась, затем вернулась в палату.

Тая спала. Устройство лежало рядом с блокнотом, на экране оставался непрочитанный ответ Даши.

Мира подключила питание, не открывая сообщения.

Потом подвинула свой стул так, чтобы не закрывать дверь.

Глава 25. Образец

Академгородок. Ночь с 15 на 16 июня 2047 года.

У машины Виктор обнаружил в руке больничный пропуск. Он вернулся к урне, возле которой остановился, словно там можно было найти объяснение собственной забывчивости, потом убрал пропуск в карман. Уверенность, что он ещё понадобится, показалась почти дерзкой.

До лаборатории было далеко. Он задал адрес и сел на заднее сиденье. Машина спросила, предпочитает ли он привычный маршрут.

– Как быстрее.

На экране разница составляла две минуты.

Он выбрал привычный.

Город ещё не погас. На остановке подросток придерживал ногой коробку, пока девушка пыталась завязать ей ручки. Виктор смотрел на них, пока машина не свернула. Ему хотелось, чтобы коробка не порвалась. Это желание было нелепо сильным, почти мучительным: пусть хоть здесь всё получится с первого раза.

Позвонил юристу. Тот ответил не сразу.

– Решения нет, – сказал Виктор.

– Я знаю. Проверяю поступление дополнений.

– Если материал будет в больнице, врачи смогут решить?

– Врачи отвечают за медицинское решение. Это не снимает вопроса, как материал туда попадёт.

– Я не о том.

– Вы именно об этом.

Виктор провёл большим пальцем по шву сиденья.

– Я хочу понять, что могу сделать сам.

– Вы можете приехать ко мне. Можете дать мне полномочия на ещё одно обращение. Можете оставаться с дочерью.

Он молчал.

– Виктор, я не выдам вам предварительное оправдание. Ни я, ни кто-либо другой.

– Я понял.

– Вы сейчас за рулём?

– Нет.

– Хорошо. Хотя бы это.

После разговора Виктор переслал ему последние документы и разрешение на дальнейшие обращения. Не написал, куда едет. Скрытность длилась меньше минуты. Затем добавил адрес лаборатории.

Ответ пришёл сразу: «Не заставляйте другого человека делать это за вас».

Виктор погасил экран.

***

Ночная смена не выглядела ночной. В холле мыли пол; белый свет отражался в мокрой полосе. У входа стояли две пары чужих бахил, сложенных одна в другую. На стене висело его имя среди названий организаций, финансировавших исследования.

Дежурная подняла голову.

– К кому?

– К Вере. Если она ещё здесь.

– Она ушла. Можно вызвать дежурного руководителя.

Виктор согласился. Сел на край дивана и впервые почувствовал, что не ел. От этого стало стыдно, будто голод был отдельной просьбой, на которую сейчас не имелось права.

Из-за двери появился сотрудник в серой рубашке. Они встречались раньше; Виктор помнил его лицо, но не имя. Сотрудник назвался, и Виктор тут же забыл снова.

– Вера предупредила о состоянии вашей дочери. Мне очень жаль.

– Я приехал за материалом.

Тот не отвёл глаз.

– Разрешение поступило?

– Нет.

– Тогда выдать я не могу.

Оба постояли в освещённом холле. Где-то за стеной глухо работала вентиляция.

– Мне нужно поговорить с Августом.

– Разговор не изменит порядок выдачи.

– Я знаю.

Сотрудник проводил его в переговорную. Дверь оставил открытой.

***

Август вывел на экран ту же схему, которую Виктор видел днём. Новых благоприятных данных не появилось. Срочное обращение оставалось без окончательного ответа.

– Покажите сведения о партии, – попросил Виктор.

– В пределах вашего доступа.

На экране возникли строки, номера и отметки проверки. Виктор искал одну: не предназначена другому пациенту. Нашёл. Проверил ещё раз.

– Подготовлена для возможного индивидуального применения, – прочитал он вслух.

– При соответствующем решении и дополнительной оценке лечащей команды, – уточнил Август.

– Я помню.

– Сейчас важно не только помнить удобную половину предложения.

Виктор поднял голову.

Он вдруг рассердился на знакомый голос сильнее, чем на дежурного. Август был рядом все эти месяцы, разбирал результаты, останавливал ложные надежды, замечал ошибки раньше людей. И теперь тоже оставался по другую сторону.

– А если бы речь шла о вашем ребёнке?

– Я не могу проверить это предположение. Могу помочь сохранить достоверные сведения о вашей дочери.

Виктор отвернулся. На столе лежал карандаш с обгрызенным концом. Он потянулся к нему и отдёрнул руку.

– Простите.

– Я передам лечащей команде актуальные сведения по её запросу. И сохраню предшествующие версии. Это доступная мне помощь.

– Даже если образец возьму я?

Пауза была короткой.

– Нарушение доступа не сделает медицинские сведения секретом от врачей. Но я не буду его скрывать или оформлять как разрешённую выдачу.

Виктор кивнул. Он приехал сюда с невысказанным ожиданием, что кто-то умный и добрый найдёт щель, через которую можно выйти чистым. Щели не было.

***

Вера позвонила, когда он уже вышел из переговорной.

– Ты в корпусе?

– Да.

– Я сказала дежурному, что выдачи не разрешаю.

– Он передал.

– Тогда зачем ты там?

Виктор увидел через стекло пустое кресло перед рабочим отсеком. На спинке висел халат. Человек, который его носил, вероятно, отошёл пить чай и скоро вернётся.

– Я не могу ждать.

– Я тоже не могу, – сказала Вера.

Он хотел ответить жестоко: можешь, потому что это не твоя дочь. Слова уже поднялись, но он удержал их. Вера провела с ними месяцы, и он собирался перечеркнуть всё одним ударом, потому что она не соглашалась дать нужное название его поступку.

– Я знаю, – сказал он вместо этого.

– Нет. Сейчас не знаешь. Но потом, может быть, вспомнишь.

Связь оставалась открытой.

– Не трогай другие материалы, – произнесла она наконец. – Если ты испортишь условия хранения, пострадает работа, которая нужна многим.

– Я не собираюсь.

– И не называй этот разговор согласием.

– Не назову.

Она отключилась первой.

***

Дальнейшее не осталось у него в памяти непрерывной сценой. Остались холодная поверхность под ладонью, собственная фамилия в строке события и красное предупреждение, которого он до этого никогда не видел.

Доступ, достаточный для участия в некоторых лабораторных работах, не давал права забрать партию. Виктор знал это до того, как взял закрытый транспортный футляр. Знал, когда система потребовала остановиться. И когда на другом конце помещения открылась дверь, у него ещё было время положить футляр обратно.

– Оставьте его, – сказал дежурный.

Виктор держал ручку обеими руками.

– Я везу в клинику.

– Вы не имеете права.

– Знаю.

Сотрудник подошёл ближе. Не схватил его, не повысил голоса. От этого всё стало страшнее: здесь не было злодея, с которым можно бороться, только другой человек, вынужденный отвечать за чужое решение.

– Я обязан сообщить о выносе.

– Сообщите.

– Вы думаете, потом заплатите?

Виктор покачал головой.

Дежурный смотрел на него с таким отвращением, что Виктор впервые увидел происходящее снаружи: богатый человек, привыкший получать последнее слово, уносит то, чего ему не дали.

Он не мог объяснить за оставшиеся секунды, чем эта ночь отличалась от привычки распоряжаться. Возможно, объяснять предстояло годами.

– Запишите, что я взял сам, – сказал он. – Вы мне не выдавали.

– Уже записано.

Сигнал звучал негромко. Виктор ожидал сирены, а услышал настойчивое короткое предупреждение, почти домашнее. На выходе пришлось остановиться для установления личности. Он не спорил, назвал клинику и позволил зарегистрировать направление доставки. Ему казалось, что за это время дочь успеет умереть, и он ненавидел себя за то, что эта мысль подталкивала оттолкнуть человека с дороги.

Он никого не оттолкнул.

Когда его наконец пропустили из внутреннего коридора, дежурный уже говорил со службой безопасности. Виктор слышал свою фамилию, описание футляра, слово «несанкционированный».

Ни одно из них не было ошибкой.

***

У машины он не сразу смог открыть дверь. Пальцы соскальзывали с ручки, хотя дверь давно разблокировалась.

Он поставил футляр на предусмотренную опору и проверил внешний индикатор. Нормальное состояние ничего не обещало Тае. Только подтверждало, что он ещё не испортил единственную вещь, ради которой сюда приехал.

Клинике сообщил сам.

– Образец у меня. Я взял его без разрешения на выдачу. Упаковку не открывал. Лаборатория знает.

На другом конце попросили подождать. Затем ответила лечащая врач.

– Мы запросим независимое подтверждение происхождения и условий. Привозите в приёмную для материала, не в палату.

– Вы введёте?

– Я сказала, что мы проверим.

Он закрыл глаза.

Всё его действие, весь страх перед наказанием, весь путь через лабораторию не давали права на следующее слово. Он мог привезти образец. Решить за врачей не мог.

– Понял.

Мире написал: «Еду. Материал нужно проверить».

Она ответила: «Мы здесь».

Он перечитал эти два слова несколько раз.

***

По дороге пришло уведомление об ограничении его доступа к лабораторным системам. Виктор машинально попытался открыть привычную панель и получил отказ.

Мир сужался не торжественно, а мелкими неудобствами. Недоступная папка. Новое предупреждение. Звонок, на который теперь нельзя ответить простым «я согласовал».

Он связался с юристом и рассказал, что сделал. Тот задавал короткие вопросы. Виктор отвечал, не подбирая смягчающих слов.

– Ничего не удаляйте, – сказал юрист.

– Не собираюсь.

– Я говорю не только о лаборатории. Переписку, голосовые, историю обращения.

– Понял.

– И не убеждайте сотрудников вспоминать иначе.

Виктор посмотрел на футляр. Ему вдруг захотелось, чтобы тот исчез, а он снова сидел в машине по дороге туда и ещё мог быть человеком, который ничего не нарушил.

Желание прошло, оставив тошноту.

За окном начался дождь. Дворник раздвигал воду с сухим скрипом у самого края стекла. Виктор поймал себя на подсчёте движений и перестал только после звонка из больницы.

– Состояние тяжёлое, – сказала врач. – Мы готовы принять материал.

***

В клинике футляр у него забрали почти сразу.

Он ожидал, что будет стоять рядом во время проверки, объяснять, подтверждать. Его попросили отойти. Двое сотрудников сопоставляли данные, третий разговаривал с лабораторией. Август предоставлял записи; Вера подтверждала идентификацию партии, отдельно повторяя, что выдача не была разрешена.

Виктор слышал её голос из открытой двери. Она не бросила Таю из-за того, что он сделал. И не стала ради Таи лгать.

Он сел на стул у стены.

Сотрудница вернулась с планшетом.

– Мне нужно ваше описание передачи. Только то, что вы наблюдали сами.

Виктор начал с состояния Таи.

– Это есть в истории болезни. Сейчас – материал.

Он остановился, собрал слова заново. Назвал время, которое помнил точно, и отдельно то, которое пришлось уточнить по записи. Когда дошёл до упаковки, сотрудница показала ему фотографию принятого футляра.

– Этот?

– Да.

– Вы вскрывали внешнюю крышку?

Он ответил. Она внесла сведения, повернула экран для проверки. В графе отправителя стояло его имя, а не название лаборатории.

– Лаборатория подтверждает происхождение, – сказал он.

– Подтверждает. Но не отправку.

Виктор прочёл всё ещё раз. Ему захотелось исправить одну фразу, сделать её мягче, однако она описывала именно то, что произошло. Он подтвердил запись.

Сотрудница забрала планшет, затем вернулась и поставила рядом стакан воды.

– Выпейте. Вы очень бледный.

Он взял стакан двумя руками. Вода была комнатной температуры. Виктор пил маленькими глотками, стараясь не расплескать, и впервые за эту ночь ощутил, что с ним можно обращаться по-человечески, не одобряя его поступка. От этого удерживать стакан стало ещё труднее.

Из кармана выпал больничный пропуск. Теперь он лежал лицевой стороной вниз, и Виктор долго смотрел на белый прямоугольник, прежде чем наклониться.

Мира появилась беззвучно.

– Где она? – спросил он.

– Там же. Врач с ней.

– Ты ушла?

– На минуту. Она знает.

Мира посмотрела на пустые руки Виктора, потом на дверь.

– Получилось?

– Привезти – получилось.

Она села рядом.

Он рассказал ей о дежурном, о Вере, о предупреждении. Когда произнёс «я взял», Мира закрыла глаза. Ему захотелось обнять её, но он не решился. Эта ночь не должна была превращаться в требование.

– Я не знаю, что будет дальше, – сказал он.

– Я тоже.

В коридоре показалась врач. Позвала их обоих обсуждать состояние Таи и следующий шаг. Виктор встал слишком быстро; пришлось опереться о стену.

Снаружи уже светлело. Шестнадцатое июня началось, пока они сидели под дверью.

Он оставил пропуск на груди, чтобы больше не искать его, и пошёл за Мирой.

Глава 26. Четвёртый день

Новосибирск. 16 июня 2047 года.

Мира заметила, что врач сняла часы.

До этого она никогда не обращала внимания на её запястья. Теперь смотрела, как часы ложатся рядом с терминалом, и пыталась понять, означает ли это что-нибудь. Начало процедуры, окончание смены, раздражение от ремешка. Любая мелочь требовала толкования.

– Сядьте, – сказала врач.

Мира села. Виктор остался стоять, потом тоже опустился на стул.

Сведения о партии подтвердили. Условия доставки проверили. Лечащая команда вместе с независимым специалистом сопоставила прежние данные с нынешним состоянием Таи. Обычная поддержка больше не давала достаточного времени. Они считали вмешательство обоснованным в этой конкретной ситуации, хотя опасность тяжёлых осложнений сохранялась.

– Вы решили? – спросила Мира.

– Мы готовы предложить введение. С объяснением рисков и документированием того, на чём основано решение.

Виктор закрыл лицо руками. Врач дождалась, когда он снова сможет слушать, и начала объяснять, что могло пойти плохо. Мира ненавидела каждое слово и одновременно хотела, чтобы ни одно не было пропущено.

***

Тая слушала недолго.

– Это то, про что вчера?

– Да, – ответила врач.

– Папа привёз?

Виктор подошёл к кровати.

– Привёз.

– А почему ты мокрый?

Он посмотрел на рукав, будто дождь случился с кем-то другим.

– Попал под дождь.

Тая прикрыла глаза. Мира подумала, что дочь уснула, но та спросила:

– Если станет хуже, вы сможете остановить?

Врач ответила. Не обещала отменить уже сделанное. Объяснила, за чем будут следить и как помогать при осложнениях. Тая с трудом дослушала, попросила повторить самое короткое.

Мира держала её за руку. Виктор стоял с другой стороны, слишком далеко, чтобы дочь могла достать до него.

– Подойди, – сказала Тая.

Он приблизился.

– Я хочу попробовать, – произнесла она. – Только не уходите оба.

Они договорились, кто останется там, где разрешит команда. Формальное согласие Виктора не сделало Миру матерью в документах. Её имя снова оказалось в другом поле. Она увидела это, приняла и больше не смотрела на экран: сейчас дочь поворачивала к ней лицо.

Позже Мира помнила тихую просьбу не поправлять подушку, свет над дверью и то, как сотрудница проверила данные ещё раз. Сам момент введения не разделил мир на две заметные половины.

Тая оставалась тяжело больной.

***

Первый час Мира почти не двигалась.

Она могла долго обходиться без отдыха, но обнаружила, что неподвижность тоже бывает беспомощностью. Ей хотелось непрерывно проверять значения на экране, хотя врач предупредила: отдельная цифра не скажет, помогло ли лечение.

Виктор вышел отвечать на звонок. Вернулся и сел у двери.

– Кто? – спросила Мира.

– По поводу лаборатории.

Он не продолжил. Она тоже не спросила. За стеклом к Тае подошла медсестра, и всё остальное отступило.

К полудню явного улучшения не было. Не было и того продолжавшегося ухудшения, которого боялись ночью. Врач сказала это осторожно, не называя победой.

Мира поймала себя на том, что хочет получить от неё разрешение радоваться, такое же определённое, как разрешение войти. Но врач могла только рассказать, что наблюдает.

– Сейчас можно надеяться? – спросил Виктор.

– Можно было и раньше. Сейчас есть первые основания ждать следующего наблюдения.

Он кивнул, принимая эту крошечную меру времени.

***

Семнадцатого июня Мира съездила домой.

Виктор настоял не словами, а тем, что принёс список вещей, о которых просила Тая. Чистая наволочка. Мягкая кофта. Зарядка с длинным проводом. Дома всё лежало ровно там, где должно было, и это оказалось трудно вынести.

На кухне в чашке высох чай. На столе осталась половина наклейки. Кто-то собирался приклеить стрелку, но отвлёкся.

Мира открыла шкаф, взяла кофту и положила обратно. Другая была удобнее для больницы. Потом вернулась к первой: дочь просила именно её.

Позвонила Анна.

– Я могу посидеть с тобой по связи, пока ты собираешь.

– Я уже заканчиваю.

– Ты десять минут назад написала то же самое.

Мира посмотрела на пустую сумку.

Анна не стала утешать. Рассказала, как Рой занял место возле двери и не желал уходить, хотя никто не собирался гулять. Константин объяснял ему расписание, Оскар утверждал, что расписание сначала следовало согласовать с собакой.

Мира засмеялась и тут же остановилась.

– Можно, – сказала Анна.

– Что?

– Смеяться.

Мира положила кофту в сумку. Потом наволочку. Анна оставалась на связи, пока застёжка не закрылась.

***

В больнице Виктор спал сидя.

Голова наклонилась вперёд, одна ладонь лежала открытой на колене. Тая наблюдала за ним с таким серьёзным видом, что Мира испугалась.

– Что?

– Он сейчас упадёт.

Они осторожно разбудили его. Виктор выпрямился, спросил, что случилось, и не сразу понял, почему дочь улыбается.

– Иди нормально полежи, – сказала она.

– Я не спал.

– Тогда у тебя очень медленное моргание.

Он ушёл в комнату отдыха только после того, как врач подтвердила: прямо сейчас его присутствие у кровати не нужно.

Мира помогла Тае достать устройство. Даша прислала фотографию макета, но не закончила поворот, как и было велено. Тая долго рассматривала изображение.

– Она обиделась?

– Спроси.

– Тогда будет говорить, что нет.

– А если я спрошу, ей придётся говорить то же самое мне.

Дочь помолчала и записала сообщение сама. Короткое, раздражённое, совершенно живое.

После этого устала так, что не смогла дослушать ответ.

***

Восемнадцатого пришла Вера.

Остановилась на пороге, спросила разрешения. Мира разрешила, хотя утром представляла этот разговор совсем иначе. В её воображении было обвинение, потом благодарность, потом требование объяснить, как они вообще дожили до этой ночи. В действительности Вера принесла только себя и усталое лицо.

Тая спросила:

– Это вы придумали?

– Многие люди работали. И Август.

– Он робот?

– Искусственный исследователь. У него нет тела, в котором удобно приходить в гости.

– Удобно кому?

Вера улыбнулась.

– Хороший вопрос. Ему прежде всего.

Тая попросила передать спасибо. Потом добавила, что всем сразу записывать не будет: слишком длинно.

– Передам именно так.

Когда дочь задремала, они вышли.

Мира хотела сказать: если бы вы дали раньше. Но раньше не было тех сведений, которые были теперь, а окончательной уверенности не было и сейчас. Она не знала, какая часть её гнева относится к Вере, а какая – к миру, где ребёнка можно потерять среди честно выполненных обязанностей.

– Ты не перестала помогать, – сказала она.

Вера посмотрела на неё.

– С чего бы мне перестать?

Мира не ответила. Ей стало стыдно, что она вообще допускала такую возможность.

– Я всё равно скажу, что запретила выдачу, – добавила Вера.

– Я знаю.

Они постояли рядом. Потом Мира открыла дверь, и Вера первой отступила, пропуская её к Тае.

***

Девятнадцатого Виктор вернулся после разговора с юристом.

Мира увидела перемену по тому, как он проверил, закрыта ли дверь палаты. Не хотел, чтобы Тая слышала.

– Что тебе сказали?

– Давай потом.

– Когда?

Он посмотрел на неё. Она узнала это выражение: он уже выбрал фразу, которая должна была защитить собеседника и заодно избавить его самого от трудного разговора.

– Не говори, что всё решается, – попросила Мира.

Они отошли к окну.

Виктор рассказал о расследовании, изъятых записях, о возможности обвинения. Сначала перечислял действия, не называя последствий. Мира слушала, пока не поняла, что он снова пытается провести её вокруг главного.

– Самое тяжёлое?

Он сжал пальцы на подоконнике.

– Пожизненное. Без права переноса личности.

Она посмотрела на улицу. Между корпусами мужчина вёз тележку с чистым бельём. Верхняя простыня сползала, он остановился поправить.

– Это тебе уже назначили?

– Нет. Это возможное наказание по тяжёлой квалификации. Юрист говорит, нельзя считать, что оправдают только потому, что ей лучше.

– А ты до поездки знал?

– Что последствия могут быть такими – да.

Мира долго молчала.

Виктор произнёс:

– Ты ничего мне за это не должна.

Она резко повернулась.

– Не заканчивай разговор за меня.

Он замолчал.

Её испугало не только наказание. Испугало, что он мог исчезнуть из их обычной жизни, а она столько лет берегла право держать дверь закрытой, что уже не замечала человека по другую сторону. Это не делало прежнюю боль ошибкой. Но прежняя боль перестала объяснять всё настоящее.

– Мне нужно подумать, – сказала Мира.

– Хорошо.

На этот раз он не спросил, сколько времени.

***

Ночью она сидела рядом с Таей и перебирала воспоминания, которые не имели отношения к лаборатории.

Виктор учится заплетать волосы и сердится на собственные пальцы. Виктор терпеливо слушает рассказ, в котором пять раз появляется одна и та же школьная обида. Виктор возвращается с неправильной тетрадью и едет менять, не объясняя, что бумага везде одинаковая.

Она помнила и другое. Его желание управлять, обиду на отказ, старую привычку превращать помощь в право приблизиться. Ничто из этого не исчезло задним числом.

Но за последние годы он не раз оставался отцом там, где Мира не могла увидеть и оценить. Не получал награды за вечер, проведённый с дочерью. Не предъявлял счёт за поездки, страх, скуку ожидания. Тая давно перестала быть дорогой к Мире. У неё была собственная дверь, и он научился стучать.

Дочь проснулась.

– Ты опять думаешь громко.

– Я ничего не говорила.

– Лицом.

Мира наклонилась.

– Болит?

– Нет. Воды хочу. Спроси, можно сейчас?

Мира позвала медсестру. Позже, когда всё снова затихло, Тая спросила, где папа.

– Отдыхает.

– Правда?

– Сейчас правда.

Дочь приняла ответ. Мира осталась смотреть на её лицо и не позволила себе представить, что эта ночь могла быть пустой.

***

Двадцатого июня врач сказала, что направление изменений обнадёживает.

До выписки было далеко. Предстояли наблюдение, восстановление, новые решения. Но впервые разговор о следующих днях не состоял целиком из угроз.

Виктор вышел из палаты за кофе. Мира нашла его у автомата. Он держал пустой стакан: выбрал напиток, но забыл поставить стакан под носик. На поддоне растеклась коричневая лужа.

– Очень полезное приобретение, – сказала она.

Он посмотрел на стакан и рассмеялся. Смех оборвался почти сразу.

Мира взяла салфетки. Они вместе вытерли поддон, и лишь после этого она сказала:

– Я хочу вернуться.

Он перестал двигаться.

– Куда?

– К тебе. Не сегодня переносить вещи. Не делать вид, что не было семи лет. Но быть с тобой.

Виктор поставил стакан.

– Мира…

– Я прощаю тебя.

Ей оказалось легче произнести это, чем все подготовленные объяснения. За словами ничего не исчезло, зато перестало требовать бесконечного повторения.

– За то, каким я был?

– За то, что ты сделал со мной тогда. И я вижу, что ты менялся. Не только в эту ночь.

Он посмотрел в сторону палаты.

– Если дело закончится плохо…

– Я не знаю, как мы будем жить. Ты тоже не знаешь. Я выбираю тебя сейчас.

– Не из жалости?

Она почувствовала раздражение и обрадовалась ему: это был живой разговор, в котором можно было сердиться.

– Не заставляй меня проходить проверку до первого объятия.

Виктор осторожно коснулся её плеча. Она сама шагнула ближе.

Он обнял её неловко, как человека, которому давно запрещено привычное движение. Мира положила голову ему на плечо. Под тканью чувствовалась дрожь. Она не стала говорить, что всё будет хорошо. Просто осталась, пока он не смог снова дышать ровно.

***

Тая заметила сразу.

Посмотрела на них, потом на руки. Улыбаться не стала.

– Вы теперь будете странные?

– Скорее всего, – сказал Виктор.

– Только не надо всё время стоять вместе у кровати. Вы закрываете воздух.

Мира передвинула стул.

– Так?

– Так нормально.

Дочь помолчала.

– Из дома принесите мою коробку. С указателями.

– Всю? – спросил Виктор.

– Нет, пап, высыпь по дороге половину.

Он улыбнулся, и Тая позволила себе улыбнуться в ответ.

– Я не буду сегодня делать, – предупредила она. – Просто пусть будет.

Мира записала в список: коробка с указателями. Обычная вещь, которую можно было принести из дома.

Глава 27. То что было известно

Новосибирск. 27 июня 2047 года.

Виктор выбирал, что надеть к следователю, и поймал себя на том, что ищет одежду невиновного человека.

Тёмный костюм казался вызывающим. Светлая рубашка – тщательно выбранной. Старый свитер, в котором он ездил с Таей в планетарий, выглядел попыткой прикинуться беднее. В конце концов надел то, что лежало ближе, и опоздал к машине на четыре минуты.

Юрист ждал у входа.

– Не объясняйте ничего в коридоре, – сказал он.

– Я знаю.

– И не спорьте с формулировками до того, как дослушаете.

Виктор посмотрел на него. Прежде этот человек сопровождал сделки, замечал неудачные условия и говорил, какой риск можно принять. Теперь ему приходилось объяснять взрослому мужчине, как войти в дверь.

В кабинете пахло новым пластиком. На столе стоял стакан с водой, накрытый бумажным кружком. Виктор снял кружок и долго держал между пальцами.

Обвинение читали спокойно. Несанкционированное получение исследовательского материала. Участие в его применении с нарушением установленного порядка. Обстоятельства вмешательства и действия каждого участника подлежали отдельной оценке.

Виктор ждал, когда назовут Таю, но услышал только слово «несовершеннолетняя».

– У неё есть имя, – сказал он.

Защитник едва заметно повернулся.

– Имя указано в закрытой части материалов, – ответила следователь. – Здесь мы ограничиваем раскрытие личных данных ребёнка.

Виктор положил бумажный кружок на стол.

Его первая поправка оказалась ненужной.

***

В тот день он не вернулся к дочери.

Начальные ограничения обсуждали в отдельном заседании. Защита возражала против содержания под стражей, ссылалась на явку, сохранённые записи, отсутствие попытки скрыться. Обвинение говорило о влиянии на сотрудников лаборатории и свидетелей.

– Я не звонил им, – сказал Виктор.

– Это можно проверить, – ответила судья, рассматривавшая ограничения.

Она проверила сведения, запросила уточнения и разрешила более мягкий порядок, чем просило обвинение. От этого слово «ограничения» не стало пустым. Передвижения, контакты и доступ к рабочим системам теперь зависели не от его расписания.

Мира была свидетелем. Их разговоры тоже попадали в область запретов и специальных разрешений. Обсудить, кто заберёт кофту из больницы, ещё можно было через установленный канал. Просто позвонить ей ночью и сказать, что страшно, – уже нет.

Виктор сидел рядом с защитником и пытался понять, как примирение, случившееся неделю назад, превратилось в список допустимых тем.

– Это временно, – тихо сказал юрист.

– Насколько?

Тот не ответил.

Вечером Виктор написал дочери короткое сообщение в разрешённом порядке. Сказал, что не сможет приехать, что разбирается с последствиями получения лекарства, что она ни в чём не виновата.

Прочёл и удалил последнее предложение. Оно отвечало на вопрос, которого она ещё не задавала.

Затем вернул.

***

Через два дня Тая позвонила при согласованных условиях.

Она сидела в больничном кресле; за плечом был виден край коробки с указателями. Виктору показалось, что она стала старше за время, пока он её не видел.

– Ты надолго?

– Пока не знаю.

– Ты в командировке?

– Нет.

– Мира сказала, у тебя встречи.

Он посмотрел на защитника, находившегося рядом, хотя тот ничем не мог помочь в этом разговоре.

– Это не обычные встречи. Проверяют то, как я взял препарат.

Тая молчала.

– Мне нельзя сейчас приезжать без отдельного разрешения.

– А ты попросил?

– Да.

Она кивнула. Не заплакала, не сказала, что понимает. Начала рассказывать про поворот на макете. Виктор слушал слишком внимательно, как человек, пытающийся запомнить инструкцию к возвращению домой.

– Ты видишь? – спросила она.

– Вижу.

– Нет. Смотри сюда. Ты опять на меня смотришь.

Он перевёл взгляд на указатель.

К концу разговора они нашли ошибку: одна стрелка читалась одинаково с двух сторон. Тая обещала переделать, когда будут силы. Виктор хотел предложить самому изготовить новую, но вовремя остановился.

– Покажешь потом?

– Если получится.

После звонка защитник сказал, что разговор прошёл хорошо.

Виктор ничего не ответил. Ему не хотелось оценивать дочь как удачно проведённое мероприятие.

***

В июле защита принесла первый связный рассказ о случившемся.

В начале были годы отцовства. Потом ухудшение состояния, ожидание, ночная поездка, введение, первые признаки восстановления. На последней странице – фотография Таи, которую Виктор когда-то разрешил использовать в семейном архиве.

Он долго смотрел на снимок.

Дочь стояла у окна с самодельной картой звёзд. Лицо сердитое: никто не предупредил, что её снимают. Именно поэтому фотография ему нравилась.

– Откуда это?

– Из предоставленных вами материалов.

– Для изучения дела.

– Мы предлагаем приложить к характеристике обстоятельств семьи.

– Она согласилась?

Юрист снял очки.

– Согласие можно запросить через установленную процедуру.

– Тогда сначала запросите.

Фотографию убрали из рабочей презентации. Виктор почувствовал облегчение и тут же испугался: он сам отказывался от вещи, которая могла помочь.

– У нас не конкурс на лучшего отца, – сказал он.

– Я это понимаю. Но обвинение будет обсуждать ваши мотивы.

– Обсуждать меня.

– Мотивы касаются и ваших отношений с дочерью.

Виктор снова посмотрел на пустое место, где была фотография.

Он не хотел делать Таю невидимой. Но между её присутствием в истории и использованием её лица как оправдания проходила граница, которую он раньше не замечал.

Они оставили документы об удочерении, записи повседневных обязанностей и проверяемые обстоятельства. Семейные сцены предстояло обсуждать отдельно, с учётом её желания.

***

К августу Виктор научился собирать день из маленьких разрешённых действий.

Утром – работа с защитой. Днём – прогулка в установленное время. Вечером – чтение материалов, после которого хотелось перестать читать навсегда. Корпоративные полномочия сократили отдельно от уголовного дела; он уже не мог подписать то, что вчера подписывал автоматически.

Однажды бухгалтер прислала запрос по старому проекту.

Виктор начал отвечать, потом увидел предупреждение и переслал вопрос уполномоченному сотруднику. Впервые за много лет решение приняли без него, не дожидаясь даже совета.

Он рассердился. Потом вспомнил, сколько раз уверял Миру, что не держится за власть.

На кухне лежала деталь Таиного указателя, которую он забрал ещё до запрета поездок. Он мог бы исправить её за час. Вместо этого сделал бумажную модель, чтобы объяснить свою идею на следующем звонке, и внезапно обнаружил ошибку в собственной конструкции.

Дочь заметила её сразу.

– Ты сделал красивее, а ходить стало хуже.

– Похоже на некоторые мои проекты.

– Значит, не ставь это в больнице.

Они посмеялись. Виктор оставил неудачную модель на полке. Она была единственной вещью в квартире, на которую можно смотреть без мысли о деле.

***

Первое развёрнутое слушание у Ионы проходило в сентябре.

Автономный судья не имел человеческого лица. В зале стояла нейтральная световая панель, голос шёл из нескольких динамиков, а рабочие материалы появлялись на индивидуальных экранах. Виктор поначалу искал глазами место, куда следует обращаться.

– Можно смотреть на документ или на участников, – сказал Иона, заметив вопрос в его обращении к защитнику. – Направление взгляда не влияет на регистрацию ответа.

Кто-то в зале тихо усмехнулся. Виктор тоже, неожиданно для себя.

Потом началась работа.

Защита изложила последовательность событий. Когда дошли до улучшения состояния Таи, Иона остановил выступление.

– Эти сведения важны для последствий. Сейчас рассматриваем основания решения до введения.

На экране возникла временная граница: шестнадцатое июня.

– Прошу представить только доступное к этому моменту.

Фотография выздоравливающей дочери осталась в другом разделе. Защитник открыл результаты исследований.

Иона попросил предыдущую версию.

– В этой исправлено описание одного наблюдения. Когда исправление стало доступно участникам?

Виктор почувствовал, как холодеют ладони. Разница казалась незначительной, пока судья не показал, что более поздняя формулировка делает прежнее решение увереннее, чем оно было.

– Исправление внесено после, – признал защитник.

– Тогда для этой части используем исходную.

Никто не обвинил их в подлоге. Просто поставили каждый документ на своё место. Виктору от этого стало одновременно страшно и легче.

***

Обвинитель выступал без театрального гнева.

Он показал материалы прежних случаев: обещания лечения, скрытые неудачи, родители, которые платили за право надеяться. Личные данные пострадавших были закрыты. Виктор видел даты, рекламные формулировки, письма с просьбой вернуть хотя бы часть денег.

– Ограничения появились не для того, чтобы мешать заботе, – сказал обвинитель. – Они появились потому, что отчаяние делает человека уязвимым. В том числе перед собственными желаниями.

Виктор хотел возразить, что он ничего не продавал.

Иона дал защитнику время для ответа. Тот указал различия: раскрытые неблагоприятные сведения, независимая оценка, отсутствие оплаты за назначение, исследовательская партия, не отнятая у другого больного.

Обвинитель согласился, что различия существуют.

Это оказалось неожиданным. Виктор готовился к человеку, который станет отрицать очевидное. Перед ним был человек, требовавший объяснить, почему богатство не стало дополнительным медицинским показанием.

– Если бы у обвиняемого не было связей с фондом и доступа к корпусу, материал оказался бы у него? – спросил обвинитель.

– Вероятно, нет, – ответил Виктор после разрешения говорить.

Защитник не перебил.

– Следовательно, возможность нарушения была неравной.

– Да.

Признание прозвучало тяжело. Оно не уничтожало непосредственную опасность для Таи. Но и опасность не делала устройство мира справедливым.

Иона уточнил, какой именно вывод обвинение предлагает из этого обстоятельства. Разговор перешёл к доступности альтернатив и границам исключения. Виктор слушал, стараясь не принять желание поскорее закончить за понимание.

***

После перерыва его спросили, почему он не дождался официального ответа.

– Я боялся, что она умрёт.

– Какие сведения подтверждали опасность промедления?

Он назвал заключение лечащей команды и независимую оценку.

– Почему вы считали исследовательский материал менее опасной возможностью, чем дальнейшее ожидание?

На этот вопрос было труднее ответить. В памяти осталась ночь, а требовались документы. Защитник помог найти ссылки, но сам ответ принадлежал Виктору.

– Я не считал его безопасным. Я видел результаты и ограничения. Мне объяснили, что прежняя помощь не удерживает состояние. Я понимал, что могу ошибиться.

– Что вы предприняли для проверки другого пути?

Виктор перечислил обращения, консультации, передачу дополнений. Иона сверял временные отметки, иногда возвращал его на несколько часов назад.

– Здесь вы говорите о вечернем разговоре, а подтверждение относится к дневному. Разделите их.

Виктор разделил.

Постепенно из истории, которую он рассказывал себе, исчезал единственный героический рывок. Оставались многие чужие решения, его страх, ошибки, честно переданные сведения и нарушение, за которое никто не соглашался ответить вместо него.

Иона не обещал исхода.

Но Виктор впервые понял, что судья пытается разобраться в поступке до того, как назовёт человека.

***

В конце заседания обвинение представило дополнение из переписки.

Виктор увидел собственные слова и узнал их прежде, чем прочитал дату.

«Я всё ещё хочу, чтобы Мира вернулась».

Сообщение было отправлено задолго до лечения, в разговоре о семье. Рядом стоял другой фрагмент, где он признавался, как трудно помогать и не ждать, что помощь изменит отношение Миры.

Обвинитель не назвал это доказанным намерением использовать ребёнка. Он предложил проверить такую версию.

От осторожной формулировки Виктору не стало легче.

– Вы отрицать будете? – тихо спросил защитник.

– Что хотел её вернуть? Нет.

Иона потребовал представить переписку целиком в относящихся к делу пределах, с датами и происхождением. Отдельные цитаты ещё не показывали ни длительности мотива, ни того, какие действия из него следовали.

Виктор должен был радоваться этой точности. Вместо этого думал о Мире, которая услышит его прежние слова в чужом порядке, и о Тае, чьё имя снова окажется между ними.

После заседания он долго не вставал.

На экране оставалась закрытая вкладка сообщения. Его желание было настоящим. Дочь тоже была настоящей. Все годы, когда он приезжал без надежды увидеть Миру, не умещались в одну строку, но и строка от этого не становилась ложью.

– Будем готовить ответ, – сказал защитник.

Виктор кивнул.

На разрешённый вечерний звонок он пришёл с бумажной моделью указателя. Тая посмотрела и спросила, исправил ли он поворот.

– Ещё нет.

– Тогда показывай. Вместе посмотрим.

Он поставил модель перед камерой, заслонив ею собственное лицо.

Глава 28. Не вместо тебя

Новосибирск. Октябрь 2047 года.

Мира выбрала для суда запись, на которой Виктор ругался из-за супа.

Не с Таей. С собой: он поставил кастрюлю не на тот режим, отвлёкся на звонок и превратил ужин в густую массу, отставшую от стенок целиком. Тая держала тарелку и спрашивала, можно ли теперь резать суп ломтями. Виктор предлагал заказать еду. Она настаивала, что сначала надо сфотографировать.

Мира остановила воспроизведение перед тем, как дочь успела поднять устройство для снимка: даже для суда она могла показать не всё, что хранила.

– Здесь он не знает, что я смотрю, – сказала она специалистке, помогавшей подготовить материалы.

– Но знает, что идёт семейная запись?

– Да. Тая включила.

– Тогда так и укажем.

Мире хотелось доказать простую вещь: эти двое жили вместе, даже когда её не было рядом. Но любая сцена, которую она приносила, оказывалась сложнее её желания. У записи был автор, начало, разрешение, границы. Улыбка не свидетельствовала обо всех остальных вечерах.

Она отодвинула фрагмент.

– Может быть, вообще не нужно?

– Это решать вам с представителем. Я проверяю происхождение, не убедительность.

Мира снова посмотрела на застывшее лицо Таи. Девочка держала ложку над кастрюлей, словно собиралась провести очень серьёзный опыт.

– Сначала спрошу её, – сказала Мира.

***

Тая уже жила дома, но возвращение не было окончательным событием, после которого больница исчезла. Оставались поездки на обследования, лекарства, дни, когда силы кончались раньше планов. На дверце шкафа висело расписание, которое дочь переписывала сама: чужой аккуратный вариант ей не нравился.

Мира застала её на полу среди листов.

– Ты же собиралась за столом.

– За столом места нет.

На столе стоял недоделанный макет. Мира хотела освободить край, но Тая остановила её:

– Там порядок. Просто горизонтальный.

Мира присела рядом и объяснила, зачем понадобилась запись с супом.

– Чтобы показать, что папа хороший?

– Чтобы показать, как вы жили. Не только то, что связано с лечением.

– А если там я глупая?

– Ты там смешная.

– Это ты так думаешь.

Мира закрыла файл.

– Можешь посмотреть и отказаться.

Тая взяла устройство. Досмотрела до конца, почти улыбнулась, затем вернула.

– Пусть смотрят. Только не все. И не выкладывайте.

– Хорошо.

– Но я не буду рассказывать, как он меня спас.

Мира почувствовала, что приготовленный ответ мешает услышать продолжение.

– Я знаю, – сказала Тая. – Я всё время это знаю. Можно иногда другое?

– Можно.

Дочь вернулась к листам, а Мира осталась сидеть на полу. Она пришла за разрешением использовать весёлую сцену и обнаружила, сколько тяжёлого уже принесла вместе с просьбой.

***

На подготовительной встрече ей предложили описать разговор в больничном коридоре.

Мира начала с того, что сама собиралась забрать образец. Повторила свою просьбу, слова о памяти, ответ Виктора. Ей казалось необходимым дать каждому слову прежний вес.

– Вы утверждаете, что организовали получение материала? – спросила специалистка.

– Я попросила его помочь.

– Именно получить образец тем способом, которым он его получил?

– Способа я не знала.

– Вы были в лаборатории?

– Нет.

Мира услышала собственное «нет» как отказ от Виктора.

– Но первой предложила я.

– Это останется в показаниях. Оно не означает, что вы совершили его действия.

На стене позади собеседницы висел календарь. Мира видела октябрь, хотя ощущала ту же июньскую ночь: сейчас снова нужно что-то отдать, чтобы дверь открылась.

– Если бы он не поехал, поехала бы я.

– Возможно. Суду нужно отличить это от произошедшего.

Мира замолчала.

В машине домой она впервые разрешила себе подумать, что попытка занять место Виктора была ещё одним способом не выдерживать собственного бессилия. Тогда она предлагала память. Теперь – вину. Ни то ни другое не возвращало ей власть над исходом дела.

***

В ноябре Иона попросил её уточнить, что она называет воспоминанием.

Мира ожидала вопросов о любви, зависимости, просьбе к Виктору. Вместо этого на экране появились три фрагмента одного вечера. Прямая запись. Сделанная позднее краткая заметка. Её нынешний рассказ.

– В заметке указан мотив, – сказал Иона. – В записи есть слова и действия. Откуда вам известно, что он думал?

– Он сказал позже.

– Когда?

Она назвала дату, затем поправилась. Названная дата относилась к сохранению разговора в архив, сам разговор состоялся раньше.

Исправление заняло несколько секунд. Мире показалось, что зал услышал треск чего-то важного.

– Я не изменила запись, – сказала она.

– Сейчас не утверждается, что изменили. Нужно установить, какой источник поддерживает каждую часть показаний.

Обвинитель спросил, могла ли Мира удалить неудобное.

– Из личного доступа – да. Не из независимо сохранённых копий у других участников.

– Вы удаляли?

– Я ограничивала доступ к личным материалам. Это не то же самое, что сообщать суду ложную историю.

Защитник попросил уточнить границы вопроса. Иона поддержал уточнение и отдельно определил, какие периоды относятся к делу.

Мира почувствовала благодарность, но не облегчение. Ей всё ещё предстояло открывать то, что она хранила как свою жизнь.

***

Во время перерыва к ней подошёл представитель защиты.

– Слова «я попросила» важны. Только не добавляйте «значит, отвечать должна я».

– Я не собиралась.

Он посмотрел на неё.

– Собирались.

Мира отвернулась к окну. Внизу дворник сдвигал мокрые листья от решётки стока. Листья расползались обратно, и он возвращался к тому же месту.

– Я могу знать, что ему было страшно, – сказала она. – Разве это не имеет значения?

– Имеет. Но страх не решает вопрос о том, какое действие он совершил.

– Вы тоже боитесь?

Представитель немного помолчал.

– Да. Что мы начнём доказывать любовь там, где нужны ещё и другие основания.

Мира осталась у окна после того, как его позвали. Она думала, что точность позволит ей не ошибаться. Оказалось, точность ещё требовала удерживаться от правильного, по её мнению, ответа на вопрос, который никто не задавал.

***

Когда заседание продолжилось, обвинитель открыл переписку Виктора.

Желание вернуть Миру больше не было одной вырванной строкой. Рядом появились даты, длинные паузы, разговоры о дочери, работа, повторные признания. Контекст не сделал письмо удобнее. Виктор действительно надеялся.

– Вы знали об этом желании? – спросил обвинитель.

– Да.

– Помощь в отношении Таи могла изменить ваше отношение к нему?

– Могла. Любые его поступки могли.

– И изменила?

Мира посмотрела на Виктора. Он сидел неподвижно, ладони лежали на столе. Ей захотелось ответить так, чтобы защитить его от её же ответа.

– Да, – сказала она.

Защитник поднял голову.

– За годы, – продолжила Мира. – Не по условию. Он не говорил, что перестанет быть её отцом, если я не вернусь.

– Отсутствие прямого условия не исключает расчёта.

– Не исключает.

В зале стало тихо.

Мира заставила себя не заполнять тишину.

– Вы можете подтвердить отсутствие такого мотива? – спросил Иона.

– Во всех его мыслях – нет. Могу сказать, что я видела. И что выбирала сама.

Она рассказала о двадцатом июня. Не назвала объятие наградой. Не стала скрывать, что узнала об угрозе наказания. Сказала, что отношения возобновились до обвинения и задолго до решения суда.

– Вы остаётесь заинтересованным свидетелем, – заметил обвинитель.

– Конечно, – ответила Мира. – Я хочу, чтобы он вернулся домой.

Это было первое за день утверждение, которое не требовало от неё никакого усилия.

***

Обычные годы семьи рассматривали по частям.

Разрешения на поездки, разговоры со школой, визиты к врачам. Эля рассказывала о начале отношений с Таей; Мира не присутствовала при её показаниях, но позднее прочла доступную ей часть. Там были и её собственная настойчивость, и ошибки, которые она теперь предпочла бы забыть.

В одном документе нашли неточность времени. В другом – чужую подпись вместо Виктора: тогда он был в отъезде, всё организовала помощница.

Мира хотела объяснить, что это не отменяет остальных дней, однако Иона уже отделил неточную часть от подтверждённой. Не нужно было спасать целую жизнь от одного исправления.

После заседания она отправила Эле сообщение.

«Спасибо».

Ответ пришёл вечером.

«За что именно?»

Мира подумала.

«За то, что не сделала нас лучше».

Эля написала: «Я рассказала, как было. Тая сегодня звонила. Обещала показать новый маршрут».

Мира почувствовала укол: дочь ничего ей не сказала. Потом прочла сообщение ещё раз и обрадовалась, что у Таи остаётся разговор, о котором мать узнаёт случайно.

***

В конце ноября Тая спросила, почему папа не приходит.

Мира начала привычно: ограничения, согласование, временный порядок.

– Я не об этом. Почему вы летом говорили «встречи»?

Они стояли на кухне. Мира держала мокрую тарелку. Поставила её на стол, не вытерев.

– Мы боялись тебя напугать.

– А я думала, он передумал.

– В чём?

– В нас.

Мира почувствовала, как рушится её аккуратное представление о щадящих словах. Она всё время оценивала, сколько правды дочь вынесет, и не спросила, какую неправду та уже успела придумать сама.

– Он не передумал, – сказала она.

– Теперь я знаю.

Тая отвернулась.

Мира не стала приближаться без спроса.

– Я сказала неправильно. Это было не просто неудобное расписание. Мы не знали, что будет с делом, и скрывали от тебя тяжесть последствий.

– Ты знала больше меня.

– Да.

– И папа.

– Да.

Тая провела пальцем по капле на столе, размазала её.

– Я всё равно бы боялась.

– Наверное.

– Зато не одна придумывала бы.

Мира подошла к полотенцу и вытерла тарелку. Ей нужно было простое действие, чтобы не начать оправдываться.

– Я буду отвечать, когда ты спросишь. Если не знаю – скажу.

– А если я не знаю, что спрашивать?

На этот раз готового обещания не оказалось.

– Тогда начну сама.

Они договорились поговорить вечером. Не обо всём сразу. Тая выбрала первый вопрос: что именно могут запретить отцу и надолго ли.

***

В декабре пошёл сухой снег.

Мира отвозила Таю на обследование, забирала, работала с архивом, снова приходила в суд. Встречи с Виктором оставались короткими и зависели от разрешений. Однажды им дали время на семейный разговор, и почти половину они потратили на спор, кому нужно проверить сломанный оконный уплотнитель.

Виктор предложил мастера.

Мира сказала, что уже вызвала.

Он начал советовать, какого.

Она посмотрела на него.

– Прости, – сказал он. – Скажи, как прошёл день.

Она рассказала про окно. Подробно, с раздражением. Он слушал, и этот неудачный разговор оказался дороже многих подготовленных слов о любви.

Потом срок закончился.

Мира вышла на улицу и обнаружила, что снег забился за край рукава. Стряхнула его, хотя он не мог причинить ей неудобства, и вдруг поняла: она повторила движение Виктора. Просто знакомое движение человека, рядом с которым живёшь. Не чужая программа и не потеря себя.

***

Вера пришла на заседание с небольшой сумкой.

Мира узнала её прежде, чем та сняла пальто. Они не обнялись; только поздоровались. У Веры на рукаве была белая нитка. Она заметила взгляд Миры, сняла её и почему-то спрятала в карман.

Начали с полномочий лаборатории, статуса материала, этапов проверки. Вера отвечала ровно. Когда вопрос был шире её знания, говорила об этом прямо.

Затем обвинитель спросил:

– Вы разрешали Виктору получить образец в ночь с пятнадцатого на шестнадцатое июня?

– Нет.

– Вы сообщили ему отказ?

– Да. И дежурному сотруднику.

– Он мог понять ваш разговор как согласование выдачи?

– Я специально сказала, чтобы он не называл его согласием.

Мира знала эти слова. Слышала их от Виктора, помнила разговор в больнице. Но здесь они звучали иначе: каждое вставало поперёк пути к дому.

На экране появилась подтверждённая запись. Голос Веры повторил запрет.

Виктор сидел, глядя перед собой. Мира не могла коснуться его руки.

Защитник сделал пометку и приготовился к следующему вопросу. Иона попросил Веру оставаться доступной для продолжения исследования её показаний. Рабочий день подходил к концу.

Мира смотрела на женщину, которая помогла спасти Таю и только что подтвердила самое опасное для Виктора обстоятельство. Ей хотелось, чтобы благодарность и страх не мешали друг другу.

Пока они мешали.

Вера убрала документы в сумку. Белая нитка всё ещё оставалась у неё в кармане.

Глава 29. Право на риск

Новосибирск. Январь 2048 года.

Виктор ненавидел вопрос, который защита собиралась задать Вере.

«Могло ли вмешательство привести к гибели пациентки?»

Он прочёл его на экране, отодвинул планшет и прошёл к окну. Во дворе грузили снег; ковш поднимался, задерживался над кузовом, сыпал белую тяжесть. Работа имела начало и конец. Вопрос – нет.

– Она ответит «да», – сказал он.

– Именно поэтому мы не можем делать вид, что его нет.

– Обвинение уже спросило.

– И нужно выяснить, что означает ответ. Иначе останется только слово.

Виктор вернулся к столу. В черновике рядом были вопросы о прежних данных, состоянии Таи, доступных способах помощи. Но глаз всё равно находил единственную строку.

– Я понимаю, – сказал он.

Защитник не стал спорить с этой неправдой.

***

Вера Соколова отвечала из своей лаборатории. Экран за её спиной был выключен, и вместо ярких схем и рядов измерений, в которых Виктор когда-то искал надежду для Таи, теперь отражались только плечи свидетельницы.

– Да, – сказала Вера. – Нежелательное действие могло оказаться тяжёлым, в том числе смертельным. Мы не располагали достаточным наблюдением у людей.

Виктор сцепил руки.

– Следовательно, вы считали применение необоснованным? – спросил обвинитель.

– Нет. Это другой вывод.

Она попросила показать документ, который лаборатория передала ещё до кризиса. Внизу стояла дата.

– Здесь мы не рекомендуем массовое применение. Здесь предлагаем дальнейшее исследование и независимое рассмотрение индивидуального случая. Это разные решения.

– Но вы отказали в выдаче.

– Да.

– Почему?

Вера устало провела пальцем по краю стола.

– Потому что не имела права заменить собой весь порядок. Потому что наш интерес к результату и связь с фондом требовали независимой оценки. Потому что основания надежды не превращаются в доказанную безопасность от моей подписи.

Иона попросил её отделить оценку вещества от оценки процедуры.

Она разделила. Виктор слушал и с удивлением обнаруживал, что её отказ не становится слабее, но перестаёт означать отсутствие всякой причины пытаться спасти Таю.

Ему хотелось поблагодарить Веру. Он не сделал этого в зале.

***

В феврале Август принёс не новый результат, а старую ошибку.

На экране появились две серии наблюдений. Первая, слишком ровная, была получена при неправильной подготовке. Вторая оставалась менее красивой даже после повторений.

Виктор вспомнил февраль прошлого года, раздражение у стекла и кружку, надпись на которой повернул к стене. Тогда он хотел сразу перейти к удаче. Теперь приходилось смотреть на всё, что предшествовало ей.

– Почему включили отвергнутую серию? – спросил защитник.

– Чтобы было видно, какой результат не использовался в выводе. И когда обнаружили причину.

Август показал независимые отметки. Исправление предшествовало подготовке индивидуального обращения. Неблагоприятный сигнал из другой проверки тоже оставался в материалах.

– Вы можете установить, что Виктор прочёл все ограничения?

– Я могу подтвердить передачу, открытие определённых разделов и содержание наших разговоров. Полное понимание нельзя вывести из отметки открытия.

Виктор почувствовал почти обиду: он ведь читал. Потом вспомнил собственное требование дать вероятность для Таи – число, за которым можно было спрятать надежду.

– Мне объясняли, – сказал он, когда ему дали слово. – Некоторые вещи приходилось объяснять повторно.

Иона уточнил, какие именно. Август нашёл разговор.

Собственный голос оказался более нетерпеливым, чем Виктор помнил. Ему захотелось снять наушник. Он оставил его на месте.

***

Обвинитель спросил, зависит ли Август от финансирования фонда.

– Работа лаборатории использует средства фонда и других источников.

– Прекращение финансирования повлияло бы на вас?

– На доступные исследования и вычислительные ресурсы – да.

– Следовательно, у вас есть причина помогать обвиняемому.

– Есть причина точно описывать результаты. Иначе моя помощь медицинским решениям становится ненадёжной.

– Это заявление о намерении.

– Да. Поэтому предоставлены независимые копии журналов и проверки внешней группы.

Виктор услышал в ответе знакомое спокойствие. Август не просил поверить в его доброту. Он показывал, как проверить его работу, даже если не верить.

По запросу Ионы открыли расхождения между внутренней и внешней оценками. Одно оставалось неразрешённым. Август не убрал его.

– Если бы эта неопределённость была снята неблагоприятно до шестнадцатого июня, ваше заключение изменилось бы?

– Да.

– Но не была?

– Нет. Нельзя считать её разрешённой в благоприятную сторону только потому, что вмешательство помогло.

Виктор опустил взгляд на стол. Август сейчас делал для него самое важное и самое неприятное: не позволял защищаться выдуманной уверенностью.

***

Вопрос об альтернативе занял больше времени, чем ночная поездка в лабораторию.

Рассматривали не абстрактное лечение, которое где-то могло существовать, а конкретные возможности того дня. Лечащая врач говорила о поддержке, которая продолжалась и после получения образца. Независимый специалист объяснял, какие сведения считал подтверждением непосредственной опасности.

На экране построили последовательность: ухудшение, дополнительное заключение, передача срочного обращения, ответ координатора, дальнейшее изменение состояния.

– Почему не указан точный час, после которого помощь была бы бесполезна? – спросил обвинитель.

– Потому что мы его не знали, – ответил специалист.

– Тогда утверждение о невозможности ожидания предположительно?

– Любое решение о будущем состоянии содержит неопределённость. Здесь речь о подтверждённом опасном направлении изменений, а не о назначенной минуте смерти.

Иона попросил показать основания этого вывода без позднейших наблюдений. Врач открыла исходные записи.

Виктор узнавал день по паузам. Вот здесь он принёс сумку. Здесь Мира вышла из палаты. Здесь им казалось, что нужно дождаться всего одного звонка.

Документы не знали этих подробностей. В них оставалось то, на чём другой человек мог проверить решение.

Он впервые обрадовался, что история болезни не похожа на его память.

***

В одном из заседаний показания давал дежурный сотрудник лаборатории.

Виктор наконец запомнил его имя, но продолжал думать о нём как о человеке в серой рубашке. Стыдно было, что за восемь месяцев лицо изменилось в памяти меньше, чем собственные объяснения.

Сотрудник подтвердил отказ, предупреждение, вызов службы безопасности.

– Почему образец не вернули на место? – спросил обвинитель.

Тот объяснил действия в пределах своих полномочий: сообщил о нарушении, потребовал остановиться, зафиксировал материал и направление доставки. Физическое противостояние рядом с чувствительным грузом могло создать дополнительный риск. Он не давал согласия и не пытался превратить решение о предотвращении драки в разрешение на вынос.

Виктор слушал без прежнего желания услышать от него: «Я всё понимал».

Сотрудник не обязан был понимать.

– Вы испытывали давление из-за положения Виктора в фонде?

– Да. Но отказ не изменил.

Когда защита закончила вопросы, Виктор попросил слово.

Юрист коснулся его рукава. Виктор остановился. Извинение перед свидетелем в зале могло стать ещё одним выступлением для суда. Он записал себе, что хочет сказать позднее, если это будет уместно и допустимо.

Бумагу сложил и убрал.

В тот вечер он прочёл сообщение лаборатории о продолжении работы. Оно было коротким и не предназначалось специально для него: очередная проверка, уточнение условий, следующий этап. Ни слова о суде.

Раньше Виктор потребовал бы отдельного объяснения, как это связано с Таей. Теперь открыл приложение и попробовал разобраться сам. На третьем абзаце остановился, выписал вопрос для разрешённого обращения через представителя.

Внизу стояли имена участников. Он узнал сотрудницу с контейнером, на котором был нарисован сердитый кот. Представил, как она возвращается домой, снимает обувь, спрашивает

сына об уроках. Исследование продолжалось среди чужих обычных дней. Таино выздоровление не поставило в нём последнюю точку.

Виктор закрыл письмо и не стал запрашивать ещё одну сводку.

***

Двенадцатого марта Тае исполнилось четырнадцать.

Для разговора согласовали отдельное время. Виктор заранее отправил подарок, который она сама выбрала, и приготовился не спрашивать о самочувствии первым.

– С днём рождения.

– Спасибо. Только без речи.

– У меня было четыре страницы.

– Тогда отправь учителю. Он просил сочинение.

Они засмеялись. Мира была рядом с дочерью, чуть в стороне от экрана. Виктор видел её руку на спинке стула.

Тая рассказала о друзьях, о слишком сладком торте, о том, что один подарок привезли не в том цвете. Потом показала новый поворот маршрута. Она исправила его иначе, чем предлагал отец.

– Работает?

– Проверяли. Трое ошиблись.

– Значит, надо ещё менять?

– Один вообще не смотрел. Его пока оставим как есть.

Виктор хотел спросить, когда сможет увидеть это дома, но не стал превращать день рождения в обещание, которым не распоряжался.

После звонка он остался с выключенным экраном. Четырнадцать было возрастом, которого год назад они боялись не дождаться.

Он позволил себе поплакать только после того, как закончилось отведённое время и никто уже не мог принять слёзы за довод.

***

К апрелю защита перестала называть дело историей чудесного спасения.

В итоговом изложении были обстоятельства непосредственной опасности, научные основания риска, отсутствие доступной менее опасной помощи и предпринятые попытки пройти законный путь. Отдельно – получение материала и решение врачей. Отдельно – мотивы Виктора.

Обвинитель возражал по границам необходимого нарушения. Подчёркивал неравенство доступа, опасность поощрения самовольных действий, неполноту сведений.

Виктор слушал. Некоторые возражения по-прежнему казались ему несправедливыми. Некоторые уже не казались.

Когда дали последнее слово, он достал лист и не воспользовался им.

– Я хотел, чтобы дочь жила, – сказал он. – Я знаю, что этого недостаточно для ответа на всё остальное. Я не прошу считать лекарство безопасным. И не прошу считать, что каждый сотрудник должен был сделать то, чего я от него хотел.

Он остановился.

– Я надеялся вернуть Миру. Это правда. Но если бы она никогда не вернулась, Тая всё равно осталась бы моей дочерью.

Продолжать было трудно. Виктор не стал обещать, что в другой такой ночи точно знал бы правильный путь.

– Суду переданы сведения, на которые я опирался. И те, которые мне было тяжело слышать. Больше мне добавить нечего.

Он сел. Лист остался сложенным.

***

Четырнадцатого апреля снег у входа был серым и мокрым.

Виктор наступил в лужу, пока выходил из машины. Вода попала в ботинок. Он подумал, что будет слушать решение с мокрой ногой, и почему-то именно это почти лишило его выдержки.

В зале он увидел Миру. Она не улыбалась, только чуть подняла руку. Он ответил тем же движением.

Иона начал с установленных обстоятельств.

Нарушение лабораторных ограничений было подтверждено. Отказ Веры – подтверждён. Самостоятельность действия Виктора и отсутствие подмены данных – подтверждены. Благоприятный результат лечения не использовался как замена оценке риска до вмешательства.

Виктор перестал следить за порядком пунктов. Голос доходил до него отдельными фразами. Он заставил себя смотреть на экран, где появлялся текст.

Иона применил существовавшее исключение к доказанным чрезвычайным обстоятельствам: непосредственной угрозе жизни, отсутствию доступного менее рискованного пути и научно обоснованному характеру попытки. Получение материала рассматривалось в связи с необходимостью вмешательства и в установленных пределах, а не как общее право родителя распоряжаться лабораторией.

– По предъявленному уголовному обвинению Виктор оправдан.

Он услышал.

Но ещё несколько секунд продолжал сидеть так, будто следующее слово могло отменить предыдущее.

***

Иона продолжал говорить.

Решение не превращало исследовательское вещество в одобренное массовое лечение. Вопросы лабораторного регулирования и корпоративных полномочий сохраняли собственный порядок рассмотрения. Другой случай требовал бы своих доказательств.

Виктор смотрел на защитника.

– Это всё? – спросил он шёпотом.

Тот кивнул, потом показал на экран: ещё нужно дослушать.

Виктор дослушал. Запомнил не все формулировки, но главное уже было записано так, чтобы можно было вернуться и прочесть. Никто не требовал от него удержать всю жизнь в одной минуте.

Когда заседание закончилось, Мира подошла не сразу. Люди двигались между рядами, кто-то собирал вещи, защитник объяснял порядок снятия ограничений. Виктор отвечал и не понимал собственных ответов.

Потом она оказалась рядом.

– У тебя мокрый ботинок, – сказала Мира.

Он посмотрел вниз.

– Да.

Она взяла его за руку. Он засмеялся, но смех не получился; пришлось просто стоять.

– Тая знает?

– Сейчас скажем.

Виктор хотел поблагодарить Иону, Веру, Августа, всех сразу. Хотел выйти прежде, чем кто-нибудь попросит ещё что-то подтвердить. Хотел домой и боялся обнаружить, что забыл, как туда возвращаются.

Мира держала его руку, пока он надевал пальто. С мокрым ботинком пришлось справиться самому.

Глава 30. Домой

Новосибирск. 14 апреля 2048 года.

Мира позвонила Тае из коридора суда.

– Его оправдали.

Дочь спросила не сразу:

– Значит, он приедет?

– Да.

– Сегодня?

Мира посмотрела на Виктора. Тот ещё разговаривал с защитником, держа пальто под мышкой. На лице было растерянное выражение человека, которого долго вели по незнакомому зданию и наконец отпустили одного.

– Сегодня, – сказала она.

Тая выдохнула в микрофон, и по этому звуку Мира поняла, как долго дочь ждала именно слова «сегодня».

– Тогда хлеб купите.

Мира почти рассмеялась.

– Какой?

– Обычный. И не тот маленький. Даша половину съела.

Разговор закончился. Мира сохранила просьбу в списке, потом убедилась, что запись сделана, хотя забыть два слова не могла.

***

На выходе ждали люди с вопросами.

Некоторые обращались к Виктору по имени, словно давно были знакомы. Кто-то поздравил, кто-то спросил, считает ли он решение победой всех родителей. Защитник остановился, чтобы сообщить о публикации официального текста в разрешённом объёме.

Мира почувствовала, как Виктор замедляет шаг.

Он привык отвечать, когда к нему обращались. Привык считать молчание уступкой чужому толкованию. Она не стала тянуть его за руку, только сказала:

– Нас ждут.

– Одну минуту.

Вопрос повторили: станет ли теперь препарат доступен другим детям?

– Это решается исследованием, – ответил Виктор. – Сегодня суд рассматривал моё дело.

Его спросили про Таю.

– Личные сведения дочери мы обсуждать не будем.

Он произнёс это без торжественности, повернулся к Мире и пошёл дальше. Позади ещё звучали вопросы. Мира слышала их до самой машины.

Внутри Виктор долго застёгивал ремень.

– Я сказал достаточно?

– Не знаю. Ты сказал то, что хотел?

Виктор задержал руку на застёжке.

– Да.

– Тогда поедем за хлебом.

***

В магазине он взял три батона.

– Один, – сказала Мира.

– Этот маленький.

– Она сказала не маленький. Не три.

Виктор вернул два. Потом взял пирог, поставил обратно, спросил, можно ли Тае такой. Мира объяснила, что дело не только в еде: дочь не просила праздник на весь стол.

Он стоял перед витриной, не зная, куда деть освободившиеся руки.

Мира узнала это состояние. В больнице оно заставляло приносить вещи, звонить, уточнять, проверять. Сейчас опасность отступила, а готовность спасать не успела закончиться.

– Возьми себе, если хочешь.

– Я не хочу.

– Тогда не надо.

Они купили хлеб и яблоки. На выходе Виктор обнаружил, что автоматически выбрал доставку, хотя пакет держал в руке. Отменил. Извинился перед сотрудницей, которая ничем не была потревожена.

На улице Мира сама понесла пакет. Виктор сначала потянулся отобрать, затем убрал руку.

– Тяжёлый? – спросил он.

– Невыносимо.

Он посмотрел на неё и наконец улыбнулся.

***

Ключ у него остался прежний.

Перед дверью Виктор проверил карман дважды. Мира могла открыть сама, но ждала. Замок щёлкнул, в прихожей зажёгся свет, и из комнаты донеслось:

– Обувь только на коврик!

Виктор застыл.

– Я помню.

– Не помнишь. Ты всегда мимо.

Мира вошла следом и увидела Таю. Дочь стояла в дверях, прислонившись плечом к косяку. На ней была большая домашняя кофта, рукава закатаны неравномерно.

Они с Виктором смотрели друг на друга несколько секунд.

– Привет, – сказал он.

– Привет.

– Можно?

Он раскрыл руки не до конца. Тая шагнула сама, уткнулась лицом ему в грудь и почти сразу сердито сказала:

– Ты холодный.

– На улице холодно.

– Я заметила.

Она не отпускала. Виктор стоял, согнувшись, и Мира видела, как напряжённо он старается обнять не слишком крепко.

Пакет с хлебом пришлось поставить на пол.

Мира отступила к вешалке. Ей не было места в этом объятии, и впервые за долгое время отсутствие места не причинило боли. Потом Тая протянула к ней руку, не отрываясь от отца.

Мира подошла.

***

Макет занимал половину комнаты.

Виктор увидел его из прихожей и, едва сняв пальто, направился туда. Тая пошла следом, объясняя, что старый поворот больше не используется, а новый пока держится временно.

– Ты обещал крепление, – сказала она.

– Да.

– В марте.

– Да.

– Уже апрель.

Он не стал напоминать о суде. Осмотрел детали и попросил показать, где именно заедает.

Через пять минут все трое стояли на коленях. Мира держала основание, Виктор пытался понять, почему маленькая площадка перекосилась, Тая нетерпеливо объясняла, что трогать нужно с другой стороны.

– Я понял.

– Тогда почему делаешь не так?

Виктор убрал инструмент.

– Потому что понял неправильно. Покажи ещё раз.

Тая показала. Основание качнулось, одна стрелка упала.

Мира поймала её раньше, чем она коснулась пола.

– Вот, – сказала дочь. – Из-за этого.

Сломанная деталь оказалась не той, которую Виктор собирался заменить. Он признал, что сегодня не починит: нужно измерить и подобрать материал.

– Только не пропадай опять после «нужно измерить».

В комнате стало тихо.

Тая посмотрела на них и сжала губы.

– Я не специально.

– Я знаю, – сказал Виктор.

Мира положила стрелку на стол. Теперь нельзя было продолжать возиться с креплением, будто ничего не прозвучало.

***

Они сели на кухне.

Хлеб лежал в пакете. Виктор хотел нарезать, но Тая попросила подождать.

– Я не понимаю, что теперь закончилось.

Он посмотрел на Миру. Она покачала головой: отвечай сам.

– Уголовное дело закончилось оправданием. Те ограничения, из-за которых я не мог свободно приезжать, снимают. Рабочие вопросы ещё остаются.

– Тебя могут опять забрать?

Защитник объяснил порядок возможного обжалования; Виктор не стал изображать юридическую вечность из сегодняшнего решения. Сказал, что сейчас он свободен, что известные им следующие действия не требуют разлучаться и что о переменах они будут говорить прямо.

Тая слушала, водя пальцем по краю стола.

– Вы всё время говорили «скоро».

Мира хотела заметить, что старалась не говорить. Вспомнила несколько случаев и промолчала.

– Я думал, что успеем быстрее, – сказал Виктор.

– А я думала, вы знаете.

– Не знали, – ответила Мира. – И должны были объяснять это яснее.

Дочь посмотрела на неё.

– Я просила не говорить Даше. А вы сами мне не говорили.

Сходство было неточным, но Мира не стала исправлять. За ним стояло вполне точное чувство: о твоей жизни договариваются без тебя.

– Да, – сказала она.

***

Виктор рассказал о ночи в лаборатории без подробностей, которые могли бы сделать её приключением.

Он взял то, чего ему не разрешили брать. Врачи принимали своё решение. Люди проверяли, существовал ли другой доступный путь и на чём основывалась надежда. Он не знал заранее, что будет оправдан.

– Ты мог не вернуться вообще? – спросила Тая.

Он помолчал.

– Такой риск был.

– И вы это знали?

– Да.

Тая встала, прошла к окну, вернулась. Мира удержала в себе просьбу сесть: дочь имела право ходить по собственной кухне без немедленной проверки сил.

– Я всё время думала, что должна быть очень весёлая на звонках.

Виктор опустил голову.

– Чтобы тебе не было плохо. А ты мог просто сказать.

– Я боялся.

– Я тоже.

Мира посмотрела на их руки. У Таи ноготь на большом пальце был неровно обрезан; она ковыряла край, как делала в детстве перед неприятным разговором.

– Нам казалось, мы бережём тебя, – сказала Мира. – Иногда берегли себя от твоих вопросов.

Дочь молчала.

– Я не хочу, чтобы ты теперь утешала нас за это.

Тая отпустила ноготь.

– Тогда не смотрите так.

Оба отвели глаза, и она неожиданно фыркнула.

– Не одновременно. Вы ужасные.

***

Хлеб всё-таки нарезали.

Виктор сделал ломти слишком толстыми. Тая возмутилась, Мира взяла нож, затем вернула ему: он вполне мог исправить сам.

За едой говорили о школе. О том, что Даша спорит со всеми, кто неправильно понимает её новый проект. О соседском ремонте. О весенней луже, которую невозможно обойти, хотя навигация упрямо предлагает сухой маршрут.

– Она считает по старой карте, – сказала Тая. – Там зимой было сухо.

– Нужно сообщить, – предложил Виктор.

– Сообщили. Она просит подтверждение.

– У нас есть мой ботинок.

Тая засмеялась так резко, что закашлялась. Мира уже поднялась, но дочь махнула рукой и сама взяла воду. Пришлось сесть обратно.

Позже они договорились о разговорах. Если что-то важное меняется, взрослые сообщают, даже когда не знают всего. Если Тая не хочет слушать сейчас, выбирают другое время, но не делают вид, что вопрос исчез. Ей не нужно следить за каждым документом или отвечать за настроение родителей.

– И можно злиться? – спросила она.

– Ты уже неплохо начала, – сказал Виктор.

– Я серьёзно.

– Можно.

Мира добавила:

– Даже когда мы старались помочь.

Тая кивнула. Она не объявила их прощёнными. Попросила чай.

***

Вечером пришла форма для следующего обследования.

Мира заполняла привычные поля, пока Виктор искал сухие носки. На строке законного представителя остановилась. После суда мир казался изменившимся больше, чем успели измениться его бланки.

Виктор заглянул через плечо.

– Дай, подпишу.

Она передала устройство.

Он подписал, проверил данные и вернул. Не предложил объявить несправедливый пункт недействительным собственным желанием.

– Я думала, сегодня меня это не заденет, – сказала Мира.

– Задело?

– Да.

Он сел рядом.

– Что сейчас нужно?

Она посмотрела на форму, потом закрыла её.

– Чтобы ты не говорил, что я и так мать, будто из-за этого всё остальное неважно.

Виктор кивнул.

– Не буду.

Из комнаты донёсся голос Таи:

– Вы где?

– На кухне.

– Можно я завтра сначала к Даше, а потом ваши планы?

Мира и Виктор переглянулись.

– Какие наши планы? – спросил он.

– Вы обязательно что-нибудь придумали.

Они ещё ничего не придумали. Это вдруг показалось прекрасной возможностью.

***

Когда Тая ушла в свою комнату, Мира достала коробку из верхнего шкафа.

В ней лежали вещи, которые она постепенно переносила после июньского примирения. Не всё успело найти место до начала ограничений. Виктор узнал коробку, встал помочь, но она попросила сначала освободить полку.

– Эту?

– Нет. Там твои бумаги.

– Их можно убрать.

– Тогда убери. Не просто переложи мне на стол.

Он разобрал стопку. Нашёл старую квитанцию, два письма, инструкцию к давно сломанному устройству. Мира выбрала место для своих вещей, и некоторое время они занимались тем, что люди делают, когда собираются жить вместе: спорили о пространстве.

– Это можно выбросить? – спросил Виктор.

Она посмотрела на маленький пластиковый обломок.

– Нет.

– Что это?

– Не помню, к чему. Но узнаю.

Он молча положил обратно.

Мира рассмеялась.

– Вот сейчас ты мог возразить.

– Я пока набираюсь смелости.

Она подошла и обняла его со спины. Он стоял с квитанцией в руке, не решаясь её отпустить, будто она ещё могла понадобиться этому дню.

– Дома, – сказала Мира.

– Да.

***

Перед сном Тая вышла за водой.

Увидела их на кухне и остановилась.

– Вы завтра будете всё время проверять, хорошо ли мне?

Мира не ответила сразу.

– Постараюсь не всё время.

– Лучше по расписанию.

Виктор придвинул ей стакан.

– В девять ноль три и в шестнадцать сорок семь.

– В девять я сплю.

– Тогда первый осмотр отменяется.

Тая покачала головой, но улыбнулась.

Они договорились в выходной вместе пройти короткий городской маршрут, который дочь проектировала: проверить понятность указателей, найти место для скамьи, посмотреть, где карта ошибается. Без гостей, без записи для суда, с возможностью остановиться и пойти пить чай.

– Только не превращайте это в мою реабилитацию, – сказала Тая. – Я вас проверяю как пользователей.

– Можно получить неудовлетворительно? – спросил Виктор.

– Уже почти получили.

Она ушла, унося стакан обеими руками.

У двери Тая задержалась.

– И Дашу можно позвать, если захочу?

– Можно, – сказала Мира.

– Тогда пока не зовите сами.

Она дождалась двух отдельных ответов и только после этого закрыла дверь. Виктор посмотрел на Миру, и они без слов договорились не проверять, уснула ли она.

Мира открыла календарь. Выбрала ближайший подходящий день, вписала прогулку и показала Виктору.

– Согласен?

Он прочёл время, подумал и попросил на полчаса позже: хотел утром сам приготовить завтрак.

Мира передвинула запись.

Впервые за много месяцев будущее сдвинулось на полчаса по совершенно обычной причине.

Глава 31. Знакомые шаги

Новосибирск. Сентябрь 2048 года.

Рой проснулся от запаха мокрой земли.

Дверь была закрыта. Земля приходила через щель под ней вместе с холодным воздухом, чужой подошвой и слабым следом кошки. Рой поднял голову, втянул носом, ещё раз. Кошка прошла давно. Подошва была новая.

Рой попробовал встать, но передние лапы удержали грудь, а задние остались слишком далеко. Он повернул голову, словно мог увидеть, что их задержало, и толкнулся снова. Коврик не уехал; рядом что-то зашуршало, и под живот легла широкая мягкая полоса.

– Подожди, – сказал Константин.

Рой не ждал. Ему нужна была дверь.

Полоса подняла немного, ровно настолько, чтобы лапы оказались под ним. Пёс постоял, тяжело дыша. Константин не тянул вперёд.

У старика пахло тёплой рубашкой, сном и мазью. Мазь была не прежняя. Рой давно различал её горечь, но всё ещё отворачивался, когда рука подходила к носу слишком близко.

Серый отъехал от двери. Под ним прошуршали колёса.

– Сегодня здесь мокро, – сказал Оскар.

– Вижу.

– Я не тебе.

Рой уже смотрел наружу.

***

На пороге лежала пологая доска. Раньше там приходилось поднимать лапы выше, а теперь можно было переступить почти по прямой. На краю доски оставался непривычный запах резины; Рой проверил его носом и шагнул. Задняя лапа скользнула, но полоса под животом удержала.

Константин выдохнул громче пса.

– Ну вот. Справились.

Серый остался позади. Дверь не ударила, не прижала хвост. Она закрылась тихо, когда Рой уже стоял на площадке.

Вниз спустились не по лестнице. В тесной движущейся комнате пахло знакомой маленькой собакой, сумкой с рыбой и человеком, которого Рой никогда не видел. Он опустил нос к самому углу, пока Константин пытался повернуться, не задев его ногой.

– Оставь мне хоть кусок пола.

Рой не оставил. В углу было важное.

Когда дверь открылась, запахи раздвинулись. Мокрый камень, трава, вчерашняя дождливая ночь. Рой сделал несколько коротких шагов и остановился под навесом. Дальше вода падала с крыши крупными каплями.

Одна попала на нос.

Он фыркнул.

Константин тоже фыркнул – другим, человеческим звуком – и поднял воротник.

***

У куста была свежая отметка.

Рой добрался до неё медленно, зато никто не тащил мимо. Запах поднимался от мокрой коры, уходил к земле, возвращался на листе. Знакомый пёс прошёл недавно. Рой переставил лапы, развернулся, долго искал удобное положение.

Поводок оставался свободным.

На дороге загрохотала большая машина. Рой вздрогнул всем телом, хотя раньше замечал такие звуки издалека. Константин встал между ним и дорогой. Рука легла на плечо, не удерживая, просто тяжело и знакомо.

Когда грохот ушёл, можно было снова нюхать.

В траве нашлась корка. Рой потянулся к ней быстрее, чем ходил весь день.

– Нет, – сказал Константин.

Рука оказалась перед носом. Пёс замер, потом попытался обойти сбоку. Рука тоже переместилась.

– Очень больные ноги, я понимаю. А до корки как-то добежали.

Вместо корки появился маленький мягкий кусочек. Он пах правильно. Рой взял его губами, почти не касаясь пальцев, проглотил и посмотрел туда, где осталась корка.

Константин поднял её пакетом.

Теперь смотреть было не на что.

***

За поворотом начиналась старая дорога.

Там можно было идти вдоль забора, потом долго стоять у угла, где жил резкий запах большой собаки. Рой повернул голову туда. Ветер принёс несколько тонких следов, и тело наклонилось вперёд раньше лап.

Он сделал два шага.

Потом остановился.

Константин стоял рядом. Не говорил «домой», не разворачивал поводком. Рой посмотрел на дорогу, затем на старика. Сзади тянуло, в груди было тесно. Он опустил голову.

– На скамейку? – спросил Константин.

Скамейка была ближе.

Под ней оказалось сухо. Рой лёг не сразу: обошёл, попробовал другое место, снова встал. Константин сел на край и держал поводок так, чтобы тот не касался уха.

Из кармана пахло едой.

Рой поднял морду.

– Ты уже ел.

Морда осталась поднятой.

– Ну хорошо.

Кусочек был маленьким. Рой тщательно облизал пальцы, чтобы ничего не осталось зря.

На соседней дорожке прошла собака. Молодая, быстрая, с поводком, который то натягивался, то провисал. Рой проводил её взглядом. Хвост один раз ударил по земле.

Потом он положил голову на ботинок Константина.

***

Дома миска стояла выше, чем прежде.

Так было удобнее, хотя край пах новым деревом. В еде оставалась морковь. Рой почувствовал её раньше, чем увидел, подцепил губами и положил рядом.

Константин смотрел сверху.

– Я мелко порезал.

Оскар приблизился, остановился у края коврика.

– Недостаточно мелко.

Рой вынул ещё один кусочек.

– Это уже принцип, – сказал Константин.

Морковь лежала на полу. Всё остальное постепенно исчезало из миски. Рой сделал паузу, подышал и доел ту часть, которая была ближе. До дальней пришлось повернуться всем телом.

Серый передвинул миску.

Это было хорошо. Рой не поднял головы, только продолжил есть.

Потом принесли воду. Не холодную с улицы, а привычную, домашнюю. На поверхности дрожал свет. Рой лакал медленно; с нижней губы падали капли.

Константин вытер пол вокруг передних лап. Самих лап не трогал.

После еды Рой долго облизывался. Во рту оставался жирный тёплый вкус. Он пошёл к коврику и по дороге остановился понюхать сумку.

Чужая сумка означала гостей.

***

Анна приехала, когда на полу лежало солнце.

Рой сначала услышал не голос, а лёгкий удар колеса о порог. Затем знакомые шаги Кирилла. Дверь открылась, и в комнату вошёл воздух с улицы, влажная ткань, нагретый пластик и знакомое, спрятанное под всем остальным.

Рой поднял голову.

– Привет, – сказала Анна.

Голос был привычным. Когда-то он приходил из другого места и заставлял искать человека в маленькой коробке. Теперь Рой повернул морду сразу к креслу.

Он начал вставать.

– Я подъеду, – сказала Анна.

Кресло остановилось рядом. Рой всё равно поднялся: нужно было добраться носом до руки. Широкая полоса снова поддержала живот, потом ослабла.

Анна пахла домом, в котором он не жил, и собой. Рой обнюхал пальцы, рукав, край сиденья. Задержался у ладони.

Она лежала низко.

Рой подсунул под неё голову. Ладонь чуть сдвинулась по шерсти. Движение было маленькое, но правильное.

Он стоял, пока задние лапы не начали дрожать.

– Можно помочь? – спросил Кирилл.

Анна ответила, и Роя поддержали сбоку. Не подняли высоко, не оторвали от пола. Только позволили лечь там, где уже была рука.

***

В сумке Кирилла нашлась верёвка.

Старый узел пах пылью и несколькими домами сразу. Рой потянул нос, взял край в зубы. Ткань была сухой и жёсткой.

Кирилл не бросил.

Он положил верёвку возле лапы и слегка потянул за другой конец. Рой сжал зубы. Узел сдвинулся, но остался у него. Можно было победить, не вставая.

– Нечестно, – сказала Анна.

Кирилл улыбнулся.

– Кто кому поддаётся?

Рой дёрнул головой. Совсем немного. Верёвка выскользнула из человеческой руки.

Теперь она была его.

Пёс положил подбородок сверху. Кирилл потянулся, и Рой тихо заворчал – коротким низким звуком, который не мешал хвосту двигаться.

Рука отступила.

– Всё, понял.

Через минуту Рой сам вытолкнул узел носом ближе к Кириллу.

Игра повторилась. Потом ещё раз.

Когда надоело, Рой отвернул голову к Анне. Никто не уговаривал продолжать. Верёвка осталась между лапами, тёплая с одного края.

В комнате говорили. Рой слышал своё имя, потом знакомый смех. Солнце медленно уходило с коврика, но рука оставалась.

***

Позже пришла женщина с маленькой сумкой, пахнувшей чужими животными.

Рой узнал её и отвернулся. Она обычно трогала бока, смотрела в рот, оставляла за собой резкий чистый след. Сегодня тоже присела рядом, но сначала дала понюхать ладонь.

Константин сидел у головы.

– Спокойно.

Рой терпел, пока касались груди. Когда рука пошла ниже, напрягся. Женщина остановилась, переменила положение. Больше не давила туда же.

Анна спросила что-то длинное. Ответ был тихим.

Рой различал не слова, а то, как перестали двигаться люди. Константин держал пальцы в шерсти и не гладил. Кирилл стоял у окна. Серый не шуршал колёсами.

Потом женщина достала маленькую вещь. Рой почувствовал короткое неприятное прикосновение, дёрнул плечом. Константин удержал ладонь рядом с носом.

Из ладони пахло едой.

Когда женщина ушла, в комнате постепенно стало легче. Можно было устроиться на боку. Неприятное тянущее ощущение не исчезло совсем, но перестало занимать всё тело.

Рой уснул.

Во сне лапы двигались быстро и легко. Нос находил след раньше, чем тот успевал остыть. Где-то впереди шуршала трава.

***

В другой день дождя не было.

Дверь в мастерскую оставили открытой. Рой дошёл до неё, остановился, посмотрел внутрь. Под верстаком лежала пыль, тёплая от света. Железо пахло как всегда, дерево – почти как всегда. Новые коробки закрывали часть старого места.

Рой сунул нос между ними.

– Он туда хочет, – сказал Константин.

– Там тесно.

– Значит, уберём.

Коробки поднялись. Серый отвёз их к стене. Константин принёс коврик и разложил, но угол загнулся.

Рой наступил на него и остановился.

Старик расправил.

Теперь можно было лечь.

Сверху негромко звякнул инструмент. Рой открыл глаз, затем снова закрыл. Этот звук принадлежал месту. От него не нужно было уходить.

Возле верстака появилась чашка. Серый сложил в неё что-то маленькое.

– Только не острые, – сказал Константин.

– Здесь нет острых.

– Я на всякий случай.

Рой слышал их голоса над собой. Один двигался вместе с шагами, другой оставался ровным, даже когда шуршали колёса. Между ними было место для сна.

***

Когда принесли еду, он не поднялся.

Миску поставили ближе. Рой понюхал, лизнул край и отвернулся. Константин сел на пол. От его колена тянуло улицей, хотя он недавно вернулся.

– Немного?

Пёс взял кусочек с ладони. Разжевал долго. Второй не взял.

Рука осталась рядом, потом спокойно ушла. Никто не придвинул еду к самому носу.

Из открытой двери мастерской потянуло свежим воздухом. Рой приподнял морду. Во дворе кто-то нёс хлеб; запах прошёл и исчез. После него остались мокрая древесина и трава.

Серый сменил воду.

Константин поднялся с трудом. Рой следил, пока тот не выпрямился. Старик опёрся о верстак, постоял.

– Оба хороши, – сказал он.

Оскар придвинул стул.

Константин сел. Его ботинок оказался у самого коврика. Рой вытянул переднюю лапу, коснулся кожи и оставил так.

***

Пятнадцатого сентября Анна снова была рядом.

Она не уезжала, когда за окном потемнело. Кирилл принёс тёплую одежду, Константин включил небольшую лампу. Свет лёг на пол жёлтым пятном.

Мира остановилась возле двери с устройством в руках.

Рой повернул голову на движение. Знакомая, но не живая человеческая кожа пахла иначе; за ней оставались ткань, металл и улица. Она присела не слишком близко.

– Оставить? – спросила Мира.

Анна ответила. Константин кивнул.

Устройство осталось у стены. Оно не звенело и не требовало смотреть. Рой снова повернулся к двери.

Там должны были появиться шаги.

Он не помнил, кого именно ждал в эту минуту. За дверью всегда кто-нибудь находился: возвращался, ставил сумку, снимал ботинки. Нужно было поднять голову, чтобы не пропустить.

По полу прошла тень.

Константин вышел за водой. Рой попытался подтянуть лапы, но сил не хватило. В груди поднялся короткий тревожный звук.

– Я здесь, – сказал старик из коридора.

Оскар отъехал, открывая вид на дверь.

Рой увидел ботинки.

Они вернулись. Стакан поставили на стол. Стул скрипнул совсем рядом.

Анна опустила ладонь на шерсть. Рой медленно выдохнул. Верёвка лежала у края коврика, вода была близко, дверь оставалась открытой.

Он ещё раз посмотрел на ботинки, прежде чем закрыть глаза.

Шаги больше не удалялись.

Глава 32. Вторая подпись

Новосибирск. Май 2051 года.

В графе «отношение к ребёнку» Мира написала «мать» и остановилась.

Форма не возразила. Не открыла предупреждение, не предложила выбрать из списка разрешённых ролей. Просто приняла слово, после которого требовалось заполнить следующее поле.

Мира позвала Таю.

– Посмотри.

Дочь заглянула через плечо.

– Что?

Мира показала строку.

Тая прочла, затем перевела взгляд ниже.

– Тут адрес старый.

Они проверили адрес. Старым оказался не адрес, а автоматически подставленная версия контактов. Мира исправила.

– Ты понимаешь, что это значит? – спросила она.

– Понимаю. Но если письмо придёт не туда, будет глупо.

Мира засмеялась. Тая осталась рядом, пока не закончилась страница, и только потом вернулась к своим занятиям.

В семнадцать она стала выше, чем Мира привыкла видеть её внутренним взглядом. Каждый раз, когда дочь стояла слишком близко, приходилось чуть поднимать голову. Тая замечала и иногда специально выпрямлялась.

***

Ника Зорина принесла папку, хотя почти все документы существовали в цифровом виде. Та самая руководительница программы переобучения теперь много лет занималась и условиями, от которых зависели права искусственных личностей. Для Миры эта работа наконец перестала быть только обсуждением будущего.

На верхнем листе были пометки четырёх разных людей. Мира узнала её почерк: острые углы, слова, теснившиеся на полях. Внизу кто-то нарисовал маленькую лодку.

– Это чьё?

– Ребёнок одной из участниц совещания. Мы слишком долго спорили.

– Лодка хорошая.

– Лучше некоторых наших формулировок.

Ника села за кухонный стол. Ей уже приходилось бывать здесь после больницы, после суда, во время долгих обсуждений, которые не давали немедленного результата. Сегодня она не выглядела победительницей. Сняла очки, потёрла переносицу и попросила воды.

Мира поставила стакан.

– Теперь можно?

– Теперь можно пройти индивидуальную оценку. Это не автоматическое признание каждой семьи.

– Я знаю.

Ника кивнула, но продолжила: какие документы уже подходят, где нужна новая дата, как подтвердить действующий порядок помощи Тае. Мира слушала, замечая, что сердится на каждое «нужно».

Столько лет жить рядом – и снова доказывать.

Потом посмотрела на лодку. В той комнате тоже были дети, которые ждали, пока взрослые договорятся.

***

– Ты тогда поддержала запрет, – сказала Мира.

Ника не стала уточнять, сколько лет прошло.

– Поддержала соглашение, в котором он был. Да.

– А теперь объясняешь, как пройти проверку.

– Да.

Они помолчали.

Мира не готовила этот разговор. Думала, что давно сказала всё важное, но возможность наконец оформить материнство подняла старую злость, словно та всё время лежала под закрытой крышкой.

– Я не хочу благодарить тебя за отмену того, с чем ты согласилась.

– Не надо.

Ника взяла стакан, отпила и поставила точно на прежнее мокрое кольцо.

– Но работа была не только моя. Семьи собирали случаи отказов. Воспитатели показывали, что происходит с детьми. Юристы переписывали условия, пока они не перестали зависеть от одной красивой истории. Люди спорили об ответственности, смене носителя, доступности помощи. И некоторые соглашались только после того, как видели обычную семью.

– Нашу?

– В том числе. Не только.

Это было важно. Мира не хотела, чтобы Таина болезнь стала платой за право всех остальных.

– Хорошо, – сказала она.

Ника подняла глаза.

– Что хорошо?

– Что не только.

***

На оценочную встречу Тая пришла с собственным списком.

Виктор увидел лист в её руке, спросил, что там. Дочь свернула его.

– Мои вопросы.

– Я просто…

– Знаю.

Он отступил. За последние три года отступать стало легче, но иногда всё ещё требовало заметного усилия.

В помещении для разговора стояли обычные стулья. Мира ожидала, что будет специальное место для неё, какой-нибудь знак технической экспертизы, отделяющий от родителей с человеческими телами. Ничего такого не было.

Специалистка сначала объяснила, что хочет поговорить с Таей отдельно.

– Сколько? – спросила Мира.

– Столько, сколько потребуется. Вы сможете дождаться рядом.

Тая посмотрела на мать.

– Я выйду.

Мира поняла, что вопрос прозвучал как тревога перед больничной дверью.

– Конечно.

Они с Виктором остались в коридоре. На стене висели рисунки детей, не имевших отношения к их делу. Один дом был больше дерева, другой – меньше кошки.

Виктор тихо сказал:

– Можно я не буду сейчас говорить, что всё хорошо?

Мира взяла его за руку.

Они ждали.

***

Когда Тая вышла, вид у неё был сердитый.

– Что случилось? – спросила Мира.

– Ничего. Нормально.

Дочь села рядом и начала складывать лист. Один сгиб, второй, потом развернула: так вопросы становились нечитаемыми.

– Они спрашивали, хочу ли я.

– И?

Тая посмотрела на неё с изумлением.

– Мама.

Мира отвернулась прежде, чем успела сделать из этого слова событие для всех присутствующих.

– Ещё спрашивали, будет ли у меня возможность не соглашаться с тобой.

Виктор кашлянул.

– Что? – спросила Тая.

– Ничего.

– Я сказала, есть. Достаточная.

Она снова взялась за лист, и на этот раз руки не торопились.

Мира почувствовала, что ей хочется узнать каждый вопрос, каждую паузу, интонацию специалистки. Не спросила.

Вместо этого они вместе нашли автомат с водой. Он принял запрос, выдал два стакана и остановился перед третьим. Виктор пытался понять причину, пока Тая не показала ему сообщение о пустом отсеке.

– Наверное, решила проверить твою устойчивость к отказам, – сказала Мира.

Виктор посмотрел на пустой стакан и улыбнулся.

***

Отдельный разговор с Мирой оказался труднее.

Её спрашивали не о том, любит ли она Таю. Спрашивали, как устроена помощь при неисправности её тела, кто доступен дочери, если Мира не сможет отвечать, какие обязанности она выполняет сама и где опирается на других.

Мира перечисляла людей и договорённости. Некоторые пришлось обновить. В одной резервной схеме оставался человек, давно переехавший; Мира знала об этом, но не изменила запись.

Специалистка отметила расхождение.

– Это можно исправить.

Мира услышала не обвинение, а обычную работу. И всё равно испытала стыд, непропорциональный ошибке.

– Я не должна быть безошибочной? – спросила она.

Собеседница подняла глаза.

– Вы должны знать, что будете делать, когда ошибётесь. В том числе если ошибку заметит Тая.

Мира вспомнила кухонную запись, закрытый доступ, разговоры после суда. Ей пришлось рассказать не самую удобную часть их жизни.

Когда встреча закончилась, она не почувствовала себя доказанно хорошей матерью. Зато знала, какие два контакта нужно обновить и о чём вечером поговорить с дочерью.

***

Эля приехала из Томска на один день.

Мира встретила её у входа, обняла и сразу начала объяснять расписание. Тая вышла из комнаты и увела Элю, не дослушав.

– Мы потом.

На кухне остался нетронутый чай.

Мира смотрела на закрытую дверь. Из-за неё донёсся смех. Ей захотелось придумать повод войти: предложить еду, уточнить время, спросить, удобно ли сидеть.

Виктор поставил рядом вторую чашку.

– Они выйдут.

– Я знаю.

– Я себе тоже это говорю.

Мира посмотрела на него и рассмеялась.

Позже Эля рассказала о своих воспитанниках. Один уже учился в другом городе, другой звонил только тогда, когда что-нибудь ломалось, и уверял, что это совершенно случайно. Маленькая девочка, которую Мира помнила по старым визитам, теперь спорила с преподавателями о выборе занятий.

– Ты не меняешься, – сказала Мира.

Эля повернула к ней лицо.

– Меняюсь.

– Я про внешность.

– Знаю.

В её голосе не было упрёка, но Мира всё равно услышала, как легко сама пользуется тем сравнением, которое не любит в чужих устах.

***

Эля помогла сверить старые документы.

В записи первой встречи снова возникла семилетняя Тая: экскурсия, развязанный шнурок, ссора с Дашкой. Нынешняя Тая заглянула на экран и потребовала не читать вслух.

– Это исторический источник, – сказал Виктор.

– Тогда положи в музей.

– У нас здесь почти музей.

Он показал на коробки с макетом. Тая объявила, что это действующая лаборатория, и забрала одну из коробок к себе.

Мира оставила на экране только нужные сведения. Эля заметила.

– Спасибо.

– Ей или тебе?

– Обеим.

Вечером, перед отъездом, Эля задержалась в прихожей.

– Она очень хотела, чтобы я приехала.

Мира кивнула.

– Я рада.

Сначала это было решение сказать правильные слова. Потом она увидела, как Тая завязывает Эле шарф, который та держала слишком небрежно, и почувствовала радость без усилия.

Новая запись о матери не должна была вытеснять из жизни дочери остальных.

***

За неделю до оформления позвонили с просьбой об интервью.

Формулировка была доброжелательной: история семьи, новый этап общественного развития, надежда для других. Мира почти согласилась на короткий разговор, прежде чем вспомнила, что речь пойдёт не только о ней.

Тая дослушала предложение до конца.

– Нет.

– Можно без медицинских подробностей.

– Мама.

Мира остановилась.

– Хорошо.

– Ты хотела?

– Часть меня хотела. Чтобы увидели, что мы обычные.

Тая подняла брови.

– Для этого надо показывать нас всем?

Мира рассмеялась первой.

Отказ отправили вместе. Без объяснения, что девочка устала, больна, не готова или слишком ранима. Семья просто не хотела.

Потом Мира предложила записать день для себя.

– Тоже нет, – сказала Тая. – Сделаем фотографию, если захочется. Не надо заранее ставить камеры.

Виктор отложил устройство, которое как раз проверял.

Дочь посмотрела на него.

– Я видела.

– Я ничего не говорил.

– Вот именно.

***

В день оформления Мира приехала слишком рано.

Виктор остался искать место для машины, а они с Таей сидели на скамье возле здания. Майские листья были ещё маленькими; сквозь них просвечивало слишком много неба.

Тая жевала край бутерброда.

– Ты не обязана волноваться за меня, – сказала она.

– Я волнуюсь за себя.

– Тогда ладно.

Дочь отломила кусочек и потом вспомнила, что Мира не ест. Рука зависла между ними.

– Привычка.

– Мне нравится.

Тая доела кусочек сама.

Мира думала о бумагах, которые столько лет подписывал Виктор, о врачах, которые прежде всего обращались к нему, о слове «сопровождающая». Ей хотелось, чтобы сегодняшнее действие исправило всё прошлое сразу.

Но на скамье сидела семнадцатилетняя дочь. Прошлое уже было прожито, в том числе хорошее. Сегодня требовалось получить место в её будущем.

Виктор подошёл, запыхавшись.

– Не опоздали?

– Ещё семь минут, – сказала Тая. – Мама приехала вчера.

***

Подписи заняли меньше времени, чем ожидание.

Мира проверила сведения, имя Таи, основание решения, перечень прав и обязанностей. Дочь посмотрела свою часть и задала последний вопрос из списка. Специалист ответила, Тая кивнула.

Затем запись стала действующей.

Мира прочла её ещё раз.

Виктор сидел рядом. Его родительство никуда не исчезло. Теперь рядом было её имя.

– Поздравляю, – сказала специалистка.

Тая взяла Миру за руку под столом.

Это движение оказалось сильнее слов. Не торжественное, не предназначенное для камеры. Просто пальцы, которые сжались на несколько секунд.

В коридоре Виктор спросил, не хотят ли они поехать куда-нибудь отметить.

– Домой, – сказала Тая.

– Я мог бы заказать…

– Дома еда есть.

Мира поддержала дочь. Она не хотела большого зала, чужих поздравлений, красивого фона. Хотела поставить новый документ туда, где хранились остальные семейные бумаги, и закрыть ящик.

***

За ужином Тая рассказала об учебной программе.

Не о лечении, не о правах семей. Она хотела заниматься тем, как люди узнают незнакомые места: картами, доступными маршрутами, учебными сценами, в которых можно попробовать другой способ восприятия.

– Например, если человек не видит обычные указатели, – объяснила она. – Или вообще никогда не был в таком месте.

Виктор спросил, где проходят занятия.

Часть – удалённо. Часть – с поездками.

Мира почувствовала знакомый страх и положила ладони на стол, чтобы не начать немедленно составлять список препятствий.

– Ты уже подала заявку?

– Черновик. Хочу, чтобы вы посмотрели. Только не переписывали.

Виктор обещал.

– И не искать мне место через знакомых.

Он закрыл рот.

Тая засмеялась.

Мира попросила показать программу. Дочь придвинула экран и начала объяснять первый проект, увлеклась, забыла про остывающий ужин.

Новый документ лежал в ящике. На столе были крошки, три чашки и карта города, который Тая пока не знала.

Мира придвинулась ближе, чтобы лучше видеть.

Глава 33. Ответ из воды

Морская исследовательская станция. Июль 2056 года.

Море у Анны начиналось с жёлтой полосы на полу.

Сантьяго, её давний коллега по исследованиям морских животных, наклеил полосу перед порогом, который робот телеприсутствия однажды переехал слишком бодро. Анна управляла им удалённо: на экране мелькнули потолок, ботинки инженера и сердитое лицо самого Сантьяго. С тех пор у неё имелся собственный берег шириной в два пальца.

– Не смей заклеить его синим, – сказала она.

– Почему?

– Буду думать, что уже в воде.

Робот остановился перед открытой дверью. За ней было настоящее море: тяжёлое, светлое у горизонта, с мелкой рябью возле причала. Анна смотрела на него из своей комнаты за тысячи километров. Возле плеча тихо работала вспомогательная система; помощница проверила положение опоры и отошла, спросив, когда вернуться.

Анна ответила, потом включила общий звук станции.

Ветер ударил в микрофон. Сантьяго накрыл его ладонью.

– Слышишь?

– Теперь только тебя.

– Не худший из морских шумов.

– Это ещё нужно проверить.

***

Группа кашалотов появилась в районе наблюдения три дня назад.

Сантьяго узнавал отдельных животных по сопоставлению многих признаков, но на общем экране они выглядели скромно: отметки, короткие истории перемещений, степень уверенности. Подводная камера не давала красивой непрерывной картины. Иногда показывала только зеленоватую взвесь и край собственного корпуса.

Зато звук заполнял комнату.

Анна слушала заполнившие комнату щелчки, сравнивая две короткие последовательности. Изменение было небольшим, но после нескольких повторений стало трудно его не слышать.

– Вот здесь, – сказал Сантьяго.

На соседнем экране два маршрута расходились.

– Они меняют направление после сигнала.

– Они меняют направление после нескольких событий, – ответила Анна. – Покажи до начала.

Он открыл более длинный участок.

К группе приближалось другое животное. Одновременно менялся фоновый шум. Их аппарат тоже корректировал положение.

Анна попросила выключить красивую подпись «ответ на предупреждение». Вместо неё остался номер наблюдения.

Сантьяго вздохнул.

– Я скучал по тебе.

– Я всё ещё здесь. Не начинай раньше времени.

***

Искусственный аналитик станции предложил три объяснения.

Первое связывало ответ с изменением сигнала. Второе – с составом группы. Третье считало существенным сочетание дистанции и шума. У каждого были поддерживающие наблюдения и неудобные исключения.

– Какая версия лучше? – спросил молодой исследователь у дальней стены.

– Для предсказания этих записей или для следующего опыта? – уточнил аналитик.

Исследователь посмотрел на Анну.

– Это вы его научили?

– К сожалению, он спрашивает и меня.

Они выбрали небольшой набор различий, которые можно проверить, не превращая море в громкоговоритель. Воздействие ограничивалось согласованным протоколом, уровнем звука, числом повторений и признаками, при которых контакт прекращают. Аппараты не преследовали животных, уходивших из района.

Анна остановила обсуждение, когда команда начала говорить «спросим, куда они пойдут».

– Мы пока не знаем, что именно предлагаем им услышать.

Сантьяго исправил запись опыта.

– Проверим, меняется ли последовательность ответов на два варианта.

– Вот это можем.

Ей нравилось, что он ещё способен сердиться на такую поправку. Значит, желание открытия не превратилось в привычную осторожную речь, за которой уже никто ничего не хочет.

***

Первый запуск пришлось отменить.

Не из-за животных. На станции вырос перепад давления в новом блоке обработки воды. Автоматическая проверка остановила его, оставив работать резервный контур.

На экране технического состояния появилась жёлтая отметка. Потом ещё одна.

Сантьяго посмотрел на инженера.

– Надолго?

– Если скажу сейчас, совру.

Новая мембрана пришла из автономной лаборатории. На испытательной смеси она держала нужный режим дольше прежней, и станция согласилась проверить её в реальных условиях. Теперь реальные условия давали результат, который не помещался в рекламное предложение поставщика.

Анна развернула робота к техническому проходу.

– Мне туда можно?

– Камеру не суй в открытый отсек, – ответил инженер. – И полоса там красная.

Она остановилась на расстоянии.

В снятом узле ничего не выглядело катастрофически. Светлая поверхность, тонкий налёт, капли. Слишком мало зрелища для проблемы, из-за которой придётся менять расписание всей смены.

– На чистой смеси было хорошо, – сказал Сантьяго.

– А у нас море, – ответил инженер.

***

Лаборатория подключилась через час.

Её исследовательская система не стала утверждать, что станция неправильно пользуется изделием. Запросила исходные измерения, образцы, состояние предыдущих ступеней и историю промывки. Двое инженеров сравнивали данные с испытаниями, пока люди на станции маркировали снятые элементы.

Анна слушала, как слово «одинаковые» постепенно исчезает из разговора.

Одинаковая солёность не означала одинаковый состав воды. Одинаковая температура не означала одинаковую работу предыдущих ступеней. В лабораторной смеси не было всей переменной взвеси, которую море приносило без согласования с паспортом установки.

– Значит, материал плохой? – спросил Сантьяго.

– Значит, мы знаем место, где он пока работает плохо, – ответил инженер лаборатории.

Анна усмехнулась.

– Не бери у меня реплики.

– Я записывал за своими ошибками.

Решение было скучным и полезным: вернуться к проверенному блоку, сохранить образцы, проверить подготовку воды и испытать изменённый режим отдельно. Новую мембрану не объявили пригодной только потому, что её нашли умные системы.

Станция снова могла заниматься морем.

После ремонта инженер прикрепил к старому блоку новую этикетку. Анна приблизила изображение.

– «Временно постоянный»?

– Пока новый не выдержит воду.

– Лаборатории отправишь?

– Уже отправил. Они попросили не выбрасывать этикетку.

На следующий день пришёл уточнённый план проверки. В нём было меньше обещаний и больше отдельных проб. Станция должна была собирать их в разные дни, а не брать одну удобную порцию воды и считать её всем морем.

Сантьяго выделил время сотрудников. Пришлось сократить одну красивую съёмку для посетителей. Он пожаловался Анне, затем сам записал причину в расписание.

Через неделю первые данные показали, что изменение подготовки помогает, но ещё не решает всё. Никто не снял старый блок. Анне нравилось видеть работающий запасной путь рядом с новой надеждой.

***

К вечеру Анна устала.

Голосовой интерфейс предлагал закончить фразу быстрее, чем она успевала решить, нужна ли вся фраза. Она выключила подсказку, потом ещё один вспомогательный режим. Тело требовало внимания, которого не оставалось после двух длинных обсуждений.

Сантьяго предложил перенести её часть.

– На сколько?

– До завтра.

Она хотела отказаться. Именно завтра животные могли уйти, именно сейчас появлялась возможность, ради которой они работали годами.

– Мы сохраним данные, – сказал он.

– Я знаю.

– И не дадим красивых названий.

Анна улыбнулась.

– Это уже серьёзная гарантия.

Она передала контроль телеприсутствия в режим ожидания и вернулась в собственную комнату. Море исчезло, но шум ещё несколько секунд будто держался внутри головы.

Кирилл пришёл позже. Принёс запись новой работы и спросил, хочет ли она слушать.

– Хочу. Только тихо.

Он не стал спрашивать о китах первым. Сел рядом, включил музыку, остановил на месте, которое сам считал неудачным.

Анна сказала, что неудачно раньше.

Они спорили двадцать минут. Это был прекрасный отдых.

***

На следующий день море не дало ответа.

Аппарат передал разрешённый короткий вариант, затем замолчал. Животные продолжили свои перемещения. Аналитик зарегистрировал отсутствие ожидаемой последовательности.

Молодой исследователь предложил повторить громче.

Сантьяго покачал головой.

– Не сегодня.

Анна смотрела на пустую колонку результата. Ей хотелось вписать объяснение: не услышали, были заняты, не заинтересовались. Все версии могли оказаться верными, но ни одна не была наблюдением.

Она оставила колонку пустой.

Позже в записях нашлось другое: до передачи группа уже перестраивалась, а один из звуков, принятых за начало обмена, пришёл с менее уверенно определённого направления. После уточнения часть красивой последовательности распалась.

Сантьяго долго молчал.

– Двадцать лет учусь не обижаться на воду.

– Получается?

– Нет.

Анна попросила сохранить эту фразу отдельно от отчёта.

***

Повторные наблюдения заняли несколько недель.

Не каждый день подходил. Иногда мешала погода, иногда группа уходила, иногда приборы давали слишком неполную картину. Команда постепенно отделяла случаи, в которых могла сравнивать происходящее, от случаев, где сравнение только делало вид, что возможно.

Они перестали называть исходный сигнал предупреждением.

Связь с местом сохранялась лишь в некоторых сочетаниях. В других важнее оказывались дистанции между животными и уже шедший обмен. Анна слышала в этом не разочарование, а более интересную трудность: они пытались ответить участнику разговора, не зная, где начинается его реплика.

– Мы как человек, который всё время говорит «да» между чужими словами, – сказала она.

– Но с хорошим оборудованием, – добавил Сантьяго.

Аналитик предложил изменить не сам рисунок, а момент короткой передачи в заранее определённых пределах. Проверку спланировали до нового наблюдения. Порядок вариантов скрыли от тех, кто размечал ответы, а для сравнения оставили периоды без передачи.

Это не делало животных участниками человеческой беседы. Зато давало возможность ошибиться так, чтобы ошибку было видно.

***

В удачный день Сантьяго обжёг язык кофе.

Анна узнала об этом потому, что он отвечал односложно и сердито. На её вопрос указал на кружку, словно та была самостоятельным вредителем.

Потом пришёл сигнал с акустической сети.

Комната затихла.

Первый аппарат оставался на согласованной дистанции. Второй слушал с другой точки. Передача прошла коротко, почти незаметно для человека, привыкшего к длинным речам. Затем пространство заполнилось собственными звуками животных.

Анна не сказала «ответили».

Смотрела на временные отметки, на уверенность определения источника, на движение группы. Сантьяго держал кружку, забыв, что только что ненавидел её.

Возникла ожидаемая последовательность. Не вся, не без расхождений, но различие между вариантами оказалось там, где его ждали заранее.

Аналитик отметил соответствие условию и сразу показал ограничения.

– Подождите второго наблюдения, – сказала Анна.

Молодой исследователь выдохнул так громко, что все рассмеялись.

Сантьяго поставил кружку подальше от приборов.

Впервые за утро он вспомнил, что у неё есть дно.

***

Второе наблюдение получилось не в тот день.

И третье тоже.

Когда сравнение стало достаточно устойчивым для их узкого вывода, Анна читала итоговую формулировку медленнее обычного. Установлена воспроизводимая зависимость части ответной последовательности от варианта сигнала и времени его передачи в определённом контексте. Не перевод предложения. Не доказательство того, что животные приписывают аппарату намерение человека.

Сантьяго попросил убрать ещё одно слово, которое ему самому раньше нравилось.

– «Понимание».

Анна убрала.

Потом они послушали удачную запись без экранов.

Щелчки, промежуток, ещё щелчки. Вода, далёкий шум, небольшое изменение, которое двадцать лет назад затерялось бы в слишком коротком фрагменте.

Анна почувствовала радость, совсем не похожую на осторожность отчёта. Ничто не мешало радоваться сильнее, чем позволяла доказательная формулировка. Нужно было только не перепутать одно с другим.

– Они действительно что-то сделали иначе из-за нас, – сказал Сантьяго.

– В этих условиях – да.

– Дай мне пять минут без последней фразы.

– Четыре.

***

Перед отправкой данных Мире Анна остановилась на старой папке.

Рой умер шестнадцатого сентября 2048 года. Последняя запись лежала отдельно от моделей поведения. Несколько раз ей предлагали сделать разговорную версию питомца: знакомые реакции, накопленные наблюдения, убедительное продолжение. Она отказалась.

Теперь открыла короткий фрагмент. Пёс лежал возле двери, поднял голову на шаги, дождался Константина и снова устроился рядом. Никаких слов не требовалось.

Анна закрыла запись.

Мире она отправила морские исходники, условия сравнения, неудачные серии и разрешения на использование. Отдельно – то, чего они не знали. Не как список недостатков открытия, а как часть вещи, которую собирались сохранить.

Мира ответила почти сразу:

«Тая уже спрашивает, можно ли сделать учебную сцену».

Анна улыбнулась.

«Можно обсуждать. Только пусть сначала послушает всё, где мы не получили ответа».

***

Вечером Сантьяго вывез робот к открытому выходу.

Жёлтая полоса на полу отклеилась у одного края. Он прижал её ботинком и отошёл, оставляя камере вид на воду.

– Завтра заменю.

– Не торопись. Узнаваемый берег.

Море было тёмным. Ни одного животного не видно. На поверхности двигались только редкие огни аппаратуры и отражение станции.

Анна попросила оставить звук.

Несколько минут они не говорили. Ей было удобно в кресле; помощь была рядом, Кирилл обещал зайти позже. В море оставались существа, чьи звуки она училась различать дольше, чем некоторые люди работали по специальности.

Узнать их до конца не получилось.

Но завтра можно было снова слушать.

Сантьяго выключил лишний свет в дверях, и отражение станции стало меньше.

Глава 34. Чужими глазами

Новосибирск. Осень 2056 года.

Мира узнала двор и сразу сказала:

– Нет.

Тая остановила показ. Снег замер возле самого лица, ботинки Константина повисли над ним нелепо высоко. В углу оставалась маленькая отметка испытательного режима.

– Что именно?

– Он так не смотрел.

– Ты откуда знаешь?

Мира уже открыла рот и остановилась. Она знала двор, человека, собаку. Знала, где скрипела дверь и на какой ступеньке Константин всегда переносил тяжесть на другую ногу. Но того, как Рой видел всё это изнутри, у неё не было.

– Слишком гладко, – сказала она наконец. – Он останавливался. Возвращался к одному месту.

Тая кивнула и открыла дорожку движения. На ней были паузы, но несколько коротких остановок программа убрала как неудобные для первого знакомства.

– Вот здесь. Это я разрешила.

– Зачем?

– После третьей остановки человек решил, что всё сломалось.

Мира посмотрела на застывший снег.

Им предстояло сделать доступным чужое время, не выровняв его под нетерпение зрителя.

***

На столе у Таи лежали исходники.

Исходные материалы не составляли полной записи, которую оставалось очистить. Сохранились короткие фрагменты с внешних камер, наблюдения Анны, маршруты, снятые Оскаром, отдельные измерения и старые заметки Константина. Между ними были пустоты, иногда гораздо длиннее того, что удалось сохранить.

Тая пометила каждый слой.

– Здесь мы знаем, что он стоял. Здесь предполагаем направление головы. Здесь делаем удобный переход.

– Удобный кому?

– Человеку, который иначе получит тошноту вместо знакомства с собакой.

Мира села.

Она уже несколько месяцев работала рядом с дочерью, но всё ещё иногда ожидала увидеть на её экране школьный макет. Вместо него были расчёты, договоры на использование материалов, замечания испытателей и аккуратная колонка отказов.

В двадцать два года Тая научилась говорить «не войдёт в эту версию» так, что Мира узнавала собственный голос и сердилась на него сильнее обычного.

– Тогда нужно сказать, что движение изменено.

– Скажем.

– До начала.

– Скажем до начала.

Тая не спорила с этим. Спорила с тем, сколько текста мать собиралась поставить между человеком и первым шагом во двор.

***

Первой испытательницей была женщина, которая редко выходила из дома.

Она подключилась из своей комнаты. Рядом находился помощник; остановку и способ связи проверили заранее. Мира следила за техническим состоянием, Тая вела разговор.

– Сейчас вы не становитесь собакой, – сказала дочь. – Это учебная модель. Можно выключить любой слой или остановиться.

– А можно просто посмотреть?

– Конечно.

Женщина выбрала самый простой вариант. Пространство опустилось, столбы стали выше, знакомая человеческая дистанция до земли исчезла. Она засмеялась, потом попросила замедлить поворот.

Тая замедлила.

У куста возникла условная метка запаха – не настоящий полный запаховый мир, а выбранный способ показать, что здесь для Роя могло быть важное различие.

– Откуда вы знаете, что он обрадовался? – спросила испытательница.

Мира посмотрела на дочь.

На экране рядом с остановкой действительно стояло слово «радость». Оно пришло из ранней разметки, ещё до того, как команда решила отказаться от готовых эмоциональных переводов.

Тая сняла метку.

– Не знаем. Можем показать поведение и отдельно объяснить нашу гипотезу.

– Тогда оставьте, что он остановился. Я тоже хочу здесь постоять.

Они оставили.

После выхода женщина попросила прислать ей обычную запись двора, с человеческой высоты. Хотела сравнить, что успела не заметить.

Тая добавила запрос в список.

– Значит, нужна возможность вернуться и посмотреть иначе, – сказала она.

Мира согласилась. Удачная сцена не должна была закрывать остальные взгляды на то же место. Они поставили рядом два входа и дали им разные, простые названия.

***

После сеанса Мира сказала:

– Вот почему я просила всё проверить.

Тая резко повернулась.

– Я проверяю. Ошибка всё равно может остаться.

– Я не обвиняю.

– Сейчас обвиняешь.

Мира почувствовала знакомое желание объяснить, что дочь слишком остро слышит замечание. Вместо этого посмотрела на экран: Тая уже исправляла разметку и внесла ошибку в журнал, не пытаясь спрятать её от остальных.

– Да, – сказала Мира. – Прости.

Дочь кивнула, не отрываясь от работы.

– Я тоже не хочу подменять Роя.

– Знаю.

– Не всегда похоже.

Они помолчали. В соседней комнате кто-то смеялся над неудачным голосом навигации. Система называла лестницу «интересным изменением рельефа», и теперь вся смена повторяла эту фразу.

Тая неожиданно улыбнулась.

– Вот что надо поставить перед архивом. «Осторожно, интересное изменение прошлого».

Мира рассмеялась, хотя шутка была неприятно близка к их задаче.

***

Анна подключилась вечером.

Она просмотрела участок прогулки, затем попросила показать исходное наблюдение. Долго молчала, сравнивая.

– Здесь он мог ждать Константина. Или прислушиваться. Или просто не хотеть идти дальше.

– Нам нужно выбрать движение для сцены, – сказала Тая.

– Движение выбирайте. Причину не выдавайте за известную.

Мира открыла несколько вариантов. В одном модель поворачивалась к человеку, в другом оставалась у куста. Оба выглядели убедительно.

От убедительности становилось тревожно.

Анна предложила оставить в учебном разборе оба. Не переключать посреди переживания так, чтобы у человека распался мир, а после остановки показывать, где создатели сделали выбор.

– Я не хочу каждый раз читать лекцию, – сказала Тая.

– Тогда придумай, как дать человеку заметить границу самому.

В голосе Анны звучал интерес. Она не закрывала дверь перед задачей, которая пока не имела красивого решения.

Тая записала предложение.

***

На выходных они поехали в мастерскую.

Константин сидел за столом с чашкой. Оскар работал у стойки, Павел принимал заказ. На полу не было коврика Роя, но Мира всё равно посмотрела туда прежде, чем поздоровалась.

Тая спросила разрешения уточнить размеры для сцены. Константин согласился, затем отобрал у неё измеритель.

– Держи с той стороны. Здесь край неровный.

– Так мне и нужен неровный.

– Тогда ты по адресу.

Оскар передал разрешённые фрагменты своего архива. На одном Константин казался слишком высоким, на другом камера смотрела почти на уровне пояса. Тая заметила, как легко было бы соединить эти записи и получить взгляд существа, которого никогда не существовало.

– Будем сохранять источник на каждом переходе, – сказала она.

Константин попросил показать готовый двор.

Посмотрел недолго.

– Снег красивый. У нас грязнее было.

Мира нашла исходную дату: погоду для недостающего фрагмента восстановили приблизительно. Они добавили это в список явных допущений.

Внутренности верстака не снимали. В сцене он оставался предметом с закрытыми ящиками, известной внешней формой и неизвестным содержимым.

***

За чаем Константин спросил, куда Тая собирается.

Мира подняла голову.

– На работу, – ответила дочь.

– Я понял, что не в отпуск. Куда именно?

Тая назвала учебный центр в другом городе. Группа готовила доступные планетарные экскурсии; ей предложили вести часть взаимодействия и испытания с участниками.

Мира знала о предложении. Не знала, что решение принято.

– Когда? – спросила она.

– Через три недели.

– Ты уже согласилась?

Тая поставила чашку.

– Да.

В мастерской стало слишком тихо. Павел ушёл к заказчику, хотя тот давно мог подождать. Оскар перестал двигать деталь.

Мира ненавидела, когда её тревога становилась делом всех присутствующих.

– Хорошо, – сказала она.

Тая посмотрела внимательно, но не стала обсуждать при людях.

На обратной дороге они молчали до самого дома.

***

Вечером выяснилось, что Эля знала о решении несколько дней.

Мира узнала случайно: дочь проверяла дорогу и упомянула совет, который та дала. Внутри поднялась обида, детская по простоте и совершенно взрослая по силе.

– С ней ты успела обсудить.

Тая закрыла карту.

– Да.

– А со мной?

– С тобой я две недели обсуждала причины не ехать.

Мира хотела возразить. Вспомнила собственные вопросы: обследования, бытовая помощь, усталость, новый коллектив. Каждый отдельно был разумным. Вместе они образовывали стену.

– Я волнуюсь.

– Я знаю. Но мне нужно, чтобы ты иногда помогала ехать.

Виктор вошёл на кухню, увидел их лица и спросил, нужен ли он.

– Пока нет, – сказала Тая.

Он ушёл. Без обиды, без попытки остаться под предлогом чайника.

Мира посмотрела на закрытую карту.

– Покажи, что ты уже устроила.

Дочь не сразу открыла её снова.

Они проверили то, что Тая хотела проверить: маршрут до жилья, рабочее расписание, связь с лечащей командой. Когда Мира начала предлагать третий запасной вариант, дочь коснулась её руки.

– Достаточно на сегодня.

Мира остановилась.

***

Учебную сцену переделывали до позднего вечера.

Теперь перед входом человек выбирал, что именно хочет пережить: положение в пространстве, особенности маршрута, условные сенсорные подсказки. Слово «память» из названия убрали.

Тая оставила короткое предупреждение: сцена собрана позднее из нескольких источников и не является записью сознания животного. Более подробное происхождение открывалось по запросу, но сама маркировка оставалась связана с сохранённой сессией.

– А если её скопируют без пояснений? – спросила Мира.

– Мы не можем запретить всем ошибаться. Можем не отрывать пояснения сами.

Они проверили экспорт. Вместе с материалами сохранялись версии, источники, разрешения и перечень преобразований. Отсутствующие сведения не получали правдоподобного ответа просто потому, что пустота мешала красоте.

У закрытого ящика верстака модель не предлагала заглянуть внутрь. Там не было дополнительной сцены, спрятанной награды или догадки о вещах хозяина.

Тая показала Мире остановку, которую можно было вызвать в любой момент.

Двор исчез. Осталась комната.

– Вот это главное, – сказала Мира.

– Для тебя.

– Для человека, которому захочется выйти.

Тая кивнула.

***

Второй сеанс прошёл лучше, но не проще.

Испытатель выбрал низкую точку зрения и почти сразу попытался поднять голову выше доступного диапазона. Система предложила перейти к обычному обзору. Он отказался.

– Хочу понять, почему не видно.

Потом остановился перед решётчатой поверхностью.

– Здесь неприятно.

Тая не стала говорить, что теперь он знает страх Роя. Попросила описать собственное ощущение и показала, на каких наблюдениях построена сцена.

После выхода человек удивился высоте своего стола.

Мира смотрела, как он снова привыкает к комнате. Условная модель уже оставила настоящее впечатление. Это и было её силой, которой нельзя распоряжаться небрежно.

В отчёте Тая разделила результат: пользователь заметил трудность маршрута; это не подтверждает точность субъективного опыта собаки.

Мира прочла и впервые за день ничего не поправила.

Дочь заметила.

– Неужели?

– Не привыкай.

***

Перед отъездом Тая пришла проститься с мастерской.

Оскар подарил ей небольшой держатель для рабочего устройства, сделанный по её собственному чертежу. Константин спросил, не слишком ли он тяжёлый.

– Я проверила, – сказала Тая.

– Я всё равно спросил.

Они обнялись. Старик стал меньше, чем в её ранних воспоминаниях, хотя голос оставался таким же нетерпеливым к плохо заданному вопросу.

Мира сделала фотографию, когда все согласились. На снимке Тая смотрела не в камеру, а на Оскара: тот как раз объяснял, почему исправил одно отверстие в чертеже.

– Ты обещал по моему проекту.

– Я сохранил твой проект. Вместе с замечанием.

Дочь рассмеялась и потребовала прислать замечание.

***

На вокзале Мира не стала проверять билет.

Это далось труднее, чем все изменения в учебной сцене.

Виктор нёс одну сумку. Тая – другую. У входа дочь остановилась, попросила отдать обе и сказала, что дальше сама.

Мира обняла её.

– Напиши, когда устроишься.

– Напишу.

– Не обязательно сразу после приезда.

Тая улыбнулась.

– Вот это новое.

Когда она ушла, Виктор предложил пройтись. Мира согласилась. На улице было холодно, люди торопились, а у неё внезапно освободился целый вечер, который не хотелось заполнять работой.

Дома пришло сообщение от Эли: «Она уже прислала вид из окна».

Мира почувствовала укол, потом улыбнулась и ответила: «Мне пока только сумку на полке».

Через минуту появился и вид из окна.

***

В «Атласе живого» сохранилась новая версия сцены.

Мира проверила карточку: записи Анны, наблюдения Оскара, описание Константина, построение Таи, границы неизвестного. Перечень не делал прогулку менее живой. Просто не позволял назвать её тем, чем она не была.

Она вошла в сцену ещё раз, только на минуту.

Снег лежал низко и близко. Ботинки Константина остановились, ожидая. Никто не тянул вперёд.

Мира знала, что это собранный образ.

И всё равно была рада постоять рядом.

Глава 35. Другой корпус

Новосибирск. Март 2057 года.

Оскар поставил чашку мимо старого круга на столе.

Чашка с мелкими креплениями стояла устойчиво, всего в нескольких сантиметрах от привычного места. Оскар уже освоил основные движения нового корпуса, но расстояние от собственной руки до старого круга на столе всё ещё приходилось замечать заново.

Константин передвинул её обратно.

Оскар заметил.

– Там удобнее брать.

– Мне здесь удобнее.

– Тогда поставим две.

Раньше после такого ответа была короткая пауза, движение левого захвата, почти незаметный поворот корпуса. Константин успевал приготовиться к шутке. Теперь Оскар уже работал дальше, а Константин всё ещё ждал знакомого движения.

Новый корпус был ниже в одной части, выше в другой. Руки складывались иначе. На потёртом старом боку имелась царапина, которую Константин узнавал из любого угла мастерской. Здесь поверхность оставалась гладкой.

– Не торопись, – сказал он.

Оскар остановил инструмент.

– Я тебя задел?

– Нет. Просто быстро.

– Я ещё работаю медленнее разрешённого.

Константин пожалел, что заговорил.

***

Корпус выбирали долго.

Вернее, Оскар выбирал, а Константин присутствовал при разговорах и постепенно решил, что они выбирают вместе. Сравнивал возможности ремонта, доступность деталей, устойчивость. Спрашивал, зачем нужна такая тонкая регулировка, если прежняя десятилетиями справлялась.

Оскар отвечал. Не всегда терпеливо.

В конце концов заказ сделали. Подготовка шла по согласованному плану обслуживания, с сохранением действующей когнитивной системы и проверкой новых связей с телом. Старую резервную версию не запускали вместо него.

Константин всё это знал. Даже пересказывал клиентам, когда те спрашивали, «новый ли робот».

– Тот же, – говорил он. – Корпус другой.

Потом оставался наедине с Оскаром и прислушивался к незнакомому шуму привода.

Знание не помогало узнавать на слух.

В день возвращения из сервиса Константин приготовил работу, с которой Оскар всегда справлялся особенно легко. Хотел обрадовать.

Оскар посмотрел на детали.

– Я сначала хочу освоиться без заказа.

Константин убрал их. Слишком быстро, так что одна шайба покатилась под стол.

Оскар достал её новым захватом.

Даже это получилось иначе.

***

Первую неделю они не брали срочного.

Павел поддержал решение и сам разговаривал с заказчиками. Константин злился на слово «адаптация», которым тот объяснял задержки.

– Как будто мы переехали на другую планету.

– Почти, – сказал Павел, глядя на Оскара.

Оскар поднял одну руку, развернул захват и аккуратно подхватил тонкую прокладку. Прежним захватом её приходилось прижимать к краю.

– Вот это мне нравится.

Константин хотел сказать, что раньше тоже получалось. Удержался.

Потом не удержался:

– Только если порвёшь, запасной прокладки нет.

– Тогда хорошо, что я могу точнее держать.

Павел уткнулся в документы, скрывая улыбку.

Константин вышел за чаем. Чайник оказался пустым, вода долго набиралась. Он стоял у раковины и думал, что ему девяносто, а обижается он как мальчишка, которого не взяли смотреть новую игрушку.

От этой мысли обида не уменьшилась.

***

Заказ пришёл из небольшого центра водоподготовки.

Нужно было переделать крепление обслуживаемого узла: прежнее соответствовало чертежу, но в реальной тесной нише снять деталь могли только два человека, из которых одному приходилось стоять неудобно. Заказчик прислал видео и сердитый комментарий.

Константин посмотрел запись трижды.

– Они поставили опору не там.

– На схеме там, – сказал Оскар.

– На схеме человек проходит сквозь стену?

Павел предложил сначала изготовить проверочный макет.

Работа нравилась Константину. Здесь нужно было видеть вещь в руках другого человека, а не только красивую форму. Он принёс старую линейку, выбрал место на столе, привычно повернулся к Оскару.

– Держи здесь.

Новая рука оказалась не там, где он ждал. Константин потянул деталь, Оскар компенсировал движение, макет качнулся.

Оба отпустили одновременно.

Павел поймал край прежде, чем он ударил по столу.

– Ещё раз, – сказал он. – Но сначала договоримся, кто что делает.

Константин почувствовал, как нагреваются уши.

***

В тот вечер он открыл старые настройки.

У него оставался доступ к общей рабочей панели: согласованные скорости, предупреждения, положения инструмента. Он не собирался менять память Оскара или что-то важное. Только вернуть понятную задержку перед подачей детали и прежнюю траекторию руки.

Так ему казалось.

Оскар был у дальней стойки. Константин выбрал сохранённый профиль совместной работы и отправил изменение.

Система запросила подтверждение Оскара.

Тот повернулся.

– Что ты предлагаешь установить?

– Наш старый порядок.

– Я вижу. Почему сейчас?

– Мы с ним не роняли детали.

– Сегодня мы не договорились о движении.

– Раньше не приходилось каждый раз договариваться.

Оскар подъехал ближе. Новые колёса прошли через стык пола почти беззвучно.

– Ты хочешь, чтобы я двигался так, как тебе знакомо.

– Хочу, чтобы мы могли работать.

– Я тоже. Но ты не спросил, подходит ли мне старый профиль.

Константин посмотрел на экран. Изменение ещё не применили. Он отменил запрос, раздражённо ударив пальцем по панели.

– Теперь спросить?

– Не таким голосом.

***

Они поссорились без свидетелей.

Это почему-то сделало ссору хуже. Некому было превратить её в шутку, предложить чай или напомнить о заказе.

Константин говорил о годах общей работы. Оскар – о нагрузках, которых старое тело требовало от его управления, о возможности держать мелкое, иначе поворачивать, не останавливаться на каждом пороге.

– Ты никогда не жаловался.

– Жаловаться было не единственным способом хотеть перемен.

Константин встал, прошёл к окну.

– Мне кажется, ты исчезаешь.

Оскар долго не отвечал.

Когда заговорил, голос остался тем же.

– Я здесь. И слышу, что тебе трудно. Но если для тебя моё присутствие зависит от старой царапины, я не могу сохранить себя одним ремонтом корпуса.

Константин отвернулся.

Слова были справедливыми и жестокими только потому, что попали точно.

– Я не про царапину.

– Тогда расскажи, про что.

Он не смог сразу. Сказал, что устал, и ушёл домой раньше обычного.

Оскар не последовал за ним.

***

Лидия позвонила на следующий день.

– Ты вчера оборвал разговор на середине.

– Связь пропала.

– У тебя или у Оскара?

Константин посмотрел на экран.

Она не улыбалась. В её комнате стоял новый торшер, которого он прежде не видел. Ему захотелось спросить, зачем поменяла старый, и он почти рассмеялся над собой.

– Мы поругались.

– Бывает.

– Он другой теперь.

Лидия подвинула камеру, чтобы не светило в лицо.

– Ты тоже.

– Удобный ответ.

– Другого бесплатного нет.

Он рассказал о макете, настройках, знакомом движении, которого больше не происходило. Лидия слушала, не перебивая. Потом спросила, что Оскару нравится в новом корпусе.

Константин перечислил характеристики.

– Это из описания. А ему?

Он замолчал.

Лидия не стала добивать паузу. Рассказала про торшер: старый светил красиво и мешал читать. Она долго терпела, потому что тот был подарком, потом перестала.

– Я не торшер, – сказал Константин.

– Вот и не требуй, чтобы все вокруг оставались на прежнем месте.

***

Утром он пришёл в мастерскую с булочками.

Оскар посмотрел на пакет.

– Мне опять не достанется.

Пауза была другой. Шутка – знакомой.

Константин поставил пакет и сел.

– Я испугался.

Оскар отложил инструмент.

– Вижу.

– Не того, что ты быстрее работаешь. Хотя и этого тоже.

– Я не собираюсь увольнять тебя из твоей мастерской.

– Она давно не только моя.

Оскар немного развернул корпус. Константин заметил, что это движение теперь легче, без прежней задержки.

– Я хочу понимать, куда ты подашь деталь, – сказал он. – И не хочу заставлять тебя возвращаться в старое тело через настройки.

– Тогда сделаем новый общий порядок. Не копию прежнего.

Они договорились о коротких обозначениях и нескольких сигналах. Константин признал, что часть прежней скорости уже неудобна ему самому. Оскар не превратил признание в повод немедленно перестроить всю его жизнь.

Потом пришёл Павел и обнаружил, что булочки почти кончились.

– Очень продуктивное примирение, – заметил он.

***

Макет собрали к полудню.

Оскар держал лёгкую рамку, Константин проверял положение опоры. Теперь робот сообщал о смене хвата до движения, а старик не хватал деталь в ответ на собственную догадку.

На третьей попытке выяснилось, что выбранный зазор слишком мал.

– Я говорил, – начал Константин.

– Ты говорил о другой стороне, – напомнил Оскар.

– Значит, теперь говорю об этой.

Павел сделал пометку, не вступая в спор.

Они перенесли отверстие, изготовили пробную вставку, снова проверили. Новый захват позволил Оскару удерживать угол, который раньше требовал отдельного приспособления. Константин увидел это не на демонстрации, а в работе, где изменение сразу освободило ему руку.

– Удобно, – сказал он.

– Да.

Оскар не добавил ничего. Не потребовал признать, сколько разговоров можно было избежать.

Константин был за это благодарен.

***

На проверке у заказчика всё равно возникла проблема.

Человек, которому предстояло обслуживать узел, оказался ниже испытателя в мастерской. Ему было неудобно тянуться к защёлке. Чертёж не стал ложным; просто в нём снова не поместилась вся работа.

Оскар записал движение с разрешения.

Константин попросил не повторять ради камеры то, что уже причинило неудобство. Они переставили макет, посмотрели другой вариант, обсудили, где человек должен стоять.

– Вы можете сделать красиво? – спросил заказчик.

– Сначала сделаем, чтобы снималось, – ответил Константин.

– Потом красиво?

– Если останется настроение.

Оскар предложил изменение, которое сохраняло оба требования. Константин проверил его и согласился без паузы.

На обратном пути он понял, что весь последний час думал об Оскаре как о напарнике, а не о новом корпусе.

Это не было окончательным привыканием. Просто хороший час.

***

Старое тело осталось в сервисном хранении.

Оскар сохранил часть деталей для истории и повторного использования, но не весь корпус в виде памятника. Константин спросил, можно ли оставить старую наружную панель с царапиной.

– Зачем?

Он честно подумал.

– Мне хочется.

– Тогда можно.

Панель не повесили сразу. Она несколько дней стояла возле стены, пока не нашлось место, где никому не мешала.

Посетитель спросил, это ли прежний Оскар.

– Это часть его старого корпуса, – сказал Константин.

– А память?

– Спросите его самого.

Оскар объяснил коротко: работа его личности продолжалась; резервная запись, если её когда-нибудь отдельно запустить, не проживёт задним числом все дни после сохранения. Но сейчас перед ними был он, осваивающий другое тело.

Посетитель кивнул, потом попросил посмотреть сломанный замок.

Обычный вопрос оказался прекрасным завершением разговора.

***

Вечером Константин наконец спросил:

– Что тебе самому нравится?

Оскар не стал делать вид, что не понимает.

Подъехал к столу, взял тонкую пружину, повернул её без подкладки, затем положил обратно.

– Это. И я лучше чувствую, когда держу слишком сильно.

– По датчикам?

– Да. Но мне нравится не слово «датчики». Мне нравится, что реже приходится угадывать.

Константин кивнул.

Оскар развернулся у узкого прохода.

– Ещё я могу пройти здесь, не прося тебя убрать стул.

– Это временно. Я найду стул побольше.

– Я рассчитывал на твою поддержку.

На этот раз Константин не ждал прежнего движения. Рассмеялся вовремя.

Потом Оскар показал ещё одну вещь: как новый захват едва заметно меняет положение под музыку. Константин раньше видел похожее, но никогда не спрашивал, зачем.

Теперь спросил.

Оскар ответил не сразу. Сначала закончился музыкальный фрагмент.

Константин ждал, не торопя.

– Я отмечаю переходы, – сказал Оскар наконец. – Иногда движение помогает не потерять их.

– Ты раньше тоже так делал.

– Да. Теперь могу иначе.

Константин попросил включить тот же фрагмент ещё раз. Попробовал постучать пальцем по столу, сбился, начал заново.

– Здесь? – спросил он.

– Почти. Ты торопишься.

– Очень знакомое замечание.

Они слушали до конца. Потом Константин обнаружил, что чай остыл, а за окном уже темно. В мастерской оставались незаконченный заказ, новая рука над столом и старый человек, который учился замечать её движение.

Он поднялся выключить лишний свет. На этот раз Оскар не предложил сделать это вместо него. Только отодвинул стул, чтобы было удобнее пройти.

Константин вернулся, поставил чашку там, где её утром оставил Оскар, и спросил, что они будут слушать дальше.

Глава 36. Закрытый ящик

Новосибирск. Октябрь 2059 года.

На следующий день после похорон Павел пришёл раньше Оскара.

Мира увидела Павла у двери мастерской. Бывший начальник логистической смены когда-то приходил сюда, чтобы скрыть потерю работы; теперь за его ключом лежало больше двадцати лет собственной жизни. Он не вставлял его в замок, будто проверял, тот ли это вход, а на плечах темнели капли мелкого дождя.

– Ты давно?

– Нет.

По мокрому воротнику было видно, что давно.

Константин умер седьмого октября. С тех пор Мира много раз произносила дату: родственникам, знакомым, в документах, в заметке архива. Цифры не менялись от повторения и всё ещё казались сведением о ком-то другом.

Оскар появился со стороны двора.

– Откроем? – спросил Павел.

– Да.

Ключ повернулся. Внутри пахло деревом и остывшим металлом. Лампы зажигались одна за другой; последняя мигнула, как делала уже месяц.

– Её надо заменить, – сказал Павел.

Мира почти услышала ответ Константина: «Я помню».

Никто его не произнёс.

***

Первый заказчик пришёл за своей вещью.

Он не знал. Начал объяснять, что задержался из-за работы, затем увидел лица и остановился.

Павел сказал коротко.

Человек неловко выразил соболезнование, предложил зайти потом. Оскар ответил, что вещь готова. Подал её, объяснил, что изменили, показал проверку.

Всё было сделано ещё при Константине.

Заказчик провёл пальцем по новому креплению.

– Он говорил, старое можно было сохранить.

– Часть сохранили, – ответил Оскар. – Она здесь.

Человек посмотрел, кивнул и долго искал, куда положил оплату, хотя расчёт уже прошёл. Потом ушёл, прижимая вещь к боку.

Мира спросила, не лучше ли закрыть мастерскую хотя бы на день.

– Мы закрывали, – сказал Павел.

Оскар стоял у рабочего стола.

– Сегодня я хочу работать.

Мира не стала объяснять ему, как правильно переживать утрату.

***

У Константина остались незаконченные записи.

Рассказы о работе, короткие демонстрации, спор с Павлом из-за конструкции, который все трое разрешили сохранить. Были и дни без единого фрагмента. Он выключал запись, когда уставал, когда хотел поговорить о личном или просто не хотел, чтобы вечер превращался в материал.

Мира заранее знала условия.

Теперь ей хотелось пересмотреть их.

В одной записи Константин начинал рассказывать о предприятии, которое помог автоматизировать. Потом смотрел мимо камеры и говорил: «Это потом».

«Потом» не наступило.

Мира перебрала соседние дни. Нашла разговор о цене ремонта, смех Оскара, длинное объяснение, почему клиент сам не понимает, что просит. Нужного продолжения не было.

Модель поиска предложила тематически близкие фрагменты.

Мира закрыла предложение.

Ей не требовалось похожее окончание. Ей хотелось того, которое Константин не произнёс.

***

Лидия приехала через несколько дней.

Она привезла небольшую сумку и список того, что согласна передать в архив. Села не на привычный стул Константина, а у окна. Мира заметила это и не спросила почему.

– Здесь семейные фотографии, которые мы уже обсуждали, – сказала Лидия. – Здесь письма о работе. Личное не передаю.

Мира открыла перечень.

– Есть записи, которые могли бы объяснить этот период.

– Знаю.

– Я могу ограничить доступ.

– Всё равно нет.

Лидия говорила спокойно. От этого Мире было труднее остановиться: в спокойствии слышалась возможность продолжить переговоры.

– Константин оставил согласие на часть материалов.

– На свою часть. Там, где есть я, есть и моё решение.

Мира посмотрела на список. Рядом с одним номером стояла простая пометка: закрыто.

– Я не хочу потерять его, – сказала она.

Лидия долго молчала.

– Я тоже не хотела многих потерь. Но наши письма не сделают его живым.

Она поправила край рукава. Руки у неё дрожали, хотя голос оставался ровным.

Мира закрыла перечень.

***

В мастерской был ящик с документами.

Не нижний ящик старого верстака, которого не трогали, а отдельный металлический шкафчик у стены. Лидия открыла его своим ключом, достала несколько папок, проверила содержимое без Миры.

Павел в это время работал у дальней стойки. Оскар подбирал детали к новому заказу.

Мира стояла так, чтобы не видеть бумаги.

Она могла бы потом спросить систему, что попало в случайную запись, но даже мысль об этом показалась ей попыткой обойти произнесённое «нет».

– Готово, – сказала Лидия.

Папки легли в сумку. Одна осталась на столе.

– Это можно. Здесь он описывал старые инструменты. Иногда вместо инструментов – людей. Посмотри, прежде чем кому-нибудь показывать.

Мира взяла папку.

Лидия закрыла шкафчик и повернула ключ дважды.

Звук был маленький, бытовой. Никакой торжественности в праве оставить прошлое при себе.

***

Павел хотел переставить старый верстак.

Новые заказы требовали больше места, а он занимал удобный угол. Столешница была неровной, некоторые крепления давно потеряли смысл. Мира услышала предложение и сразу сказала:

– Не надо.

Павел поднял глаза.

– Я не предлагаю выбросить.

– Но здесь всё связано.

Он посмотрел на инструменты.

– Если мы перестанем работать, тоже будет связано. Только с закрытой мастерской.

Мира поняла, что снова пытается сохранить человека через неподвижность вещей.

Оскар предложил другой вариант: перенести верстак к боковой стене, оставить его целым, использовать для части ручной работы. Не разбирать ящики, не обновлять поверхность ради красивого вида.

Павел измерил проход.

Мира помогла освободить место. Они убрали только внешние предметы, мешавшие безопасному перемещению, и обозначили их положение. Закрытые внутренние пространства остались закрытыми.

Когда верстак встал на новое место, мастерская стала выглядеть иначе.

Константина не стало меньше оттого, что до стойки теперь можно было пройти прямо.

***

Вечером Оскар спросил, зачем Мира сохраняет столько версий одного разговора.

– Чтобы не потерять различия.

– Или чтобы однажды найти тот, где он ещё не ушёл?

Она посмотрела на него.

Оскар не смягчил вопрос шуткой.

– Иногда второе, – признала Мира.

– Я тоже возвращаюсь к записям.

– Помогает?

– По-разному.

На экране у него был короткий фрагмент: Константин объяснял, где нужно держать деталь, потом сам путался и сердился на линейку. Никакой важной мудрости. Обычная совместная работа.

– Я помню, что было после, – сказал Оскар. – Но запись обрывается здесь.

– Можно добавить твоё описание.

– Можно. Только не сделать вид, что это продолжение записи.

Мира кивнула.

Они сохранили свидетельство отдельно. Пустой участок не исчез, но рядом появилось то, что Оскар действительно мог о нём рассказать.

***

Дома Виктор ждал её с ужином.

Мира не ела, но он всё ещё ставил на стол лишнюю чашку, если хотел, чтобы она посидела рядом. Теперь это не было попыткой заставить её изображать человеческую привычку. Чашка служила знаком приглашения, который они оба научились понимать.

– Тяжёлый день?

– Да.

Он отодвинул бумаги.

Мира рассказала о Лидии. О закрытом ящике. О желании спросить ещё раз, другими словами, так, чтобы отказ перестал казаться окончательным.

– Ты спросила?

– Нет.

– Хорошо.

– Мне не стало хорошо.

Виктор кивнул.

– Я не об этом.

Она села рядом. Некоторое время слушала, как он ест, как за окном проезжают машины, как в соседней квартире падает что-то лёгкое.

Потом предложила пройтись утром.

Виктор удивился: у неё были встречи.

– Перенесу одну.

Не всякое утро должно было становиться архивом.

***

Через неделю в мастерскую пришла группа учеников.

Визит согласовали ещё при Константине. Павел хотел отменить, Оскар предложил спросить, готовы ли они к другому занятию.

Готовы оказались не все. Двое решили приехать позже. Остальные пришли, осторожные, слишком тихие.

Оскар показал незаконченный заказ.

– Здесь нужно сначала понять, чем человек пользуется на самом деле.

Один из учеников предложил сразу напечатать новую деталь. Павел дал ему старую и попросил найти следы износа.

Постепенно в помещении начался обычный спор. Кто-то ошибся в размере, кто-то заметил перекос. Мира слушала из соседнего угла и чувствовала одновременно боль и облегчение: работа не обязана была замолчать вместе с человеком.

На старом верстаке лежал чистый лист. На нём нарисовали новую схему.

Никто не написал «в память».

***

В 2064 году Мира снова открыла тот незаконченный разговор.

Теперь «Атлас живого» был больше, чем она могла представить в первые годы. Учебные сцены использовали люди, которым трудно было путешествовать, исследователи, преподаватели, семьи. Тая работала самостоятельно, спорила с матерью уже не из соседней комнаты, а на общих совещаниях.

Сафия и Нил прислали новую проверку реконструкций.

На экране две модели одинаково хорошо соответствовали сохранившимся наблюдениям. В одной Константин после паузы отворачивался к двери. В другой продолжал смотреть на стол. Запись не позволяла выбрать.

– Можно взять более вероятную, – сказала Мира.

– Можно, – ответила Сафия. – Но это будет выбор в рамках предположений, не восстановленный факт.

Нил показал, какое предположение меняет предпочтение.

Мира смотрела на два убедительных движения одного человека. Оба хотелось признать настоящими.

Ни одно не было записью.

***

Борис участвовал в обсуждении удалённо.

Говорил медленнее, чем прежде, и требовал, чтобы его не торопили. Он нашёл пример, в котором первоначальная формулировка проверки обещала больше, чем могла обеспечить.

Сафия начала отвечать, остановилась, попросила открыть расчёт.

Они разбирали его долго. Мира понимала не каждый переход, зато видела, как меняется разговор: защита красивого общего утверждения уступала работе с конкретным ограничением.

– Значит, эту часть снимаем, – сказала Сафия.

Борис кивнул.

– Эту. Не всё.

В его голосе было облегчение и что-то ещё, чему Мира не стала придумывать название.

Нил предложил исправленную границу результата. Сафия внесла её в совместный документ и проверила, что вклад Бориса указан явно. Потом спросила Нила о следующем обсуждении.

– После репетиции, – ответил он.

Она посмотрела на расписание.

– Тогда завтра.

Это прозвучало просто. Мира помнила, сколько лет потребовалось, чтобы такая простота стала возможной.

***

На заседании редакционной группы предложили заполнить пропуски семейной истории.

Не чужими документами, не нарушением доступа. Только вероятным связующим рассказом, который сделал бы жизнь Константина понятнее посетителю.

Мира попросила показать пример.

Текст был хорош. Слишком хорош. В нём развод, работа, вина и поздняя дружба складывались в ясную линию. Ни одного бессмысленного дня, ни одной причины, которую нельзя объяснить следующей сценой.

– Откуда эта мысль? – спросила она.

Редактор показал косвенные основания.

– А эта?

Оснований оказалось меньше.

– Это реконструкция, – сказал он. – Мы обозначим.

Мира кивнула.

– Для отдельного художественного рассказа – возможно, с нужными согласиями. В биографическом проходе оставим пробел.

– Посетителю будет непонятно.

– Тогда пусть знает, что нам тоже непонятно.

Решение не понравилось всем. Но его приняли, вместе с правилом: закрытое не считается недостающим материалом, который разрешено автоматически заменить догадкой.

***

После совещания Мира приехала в мастерскую.

Павел был занят с заказчиком. Оскар показал ей новую установку для проверки небольших узлов. Часть оборудования изменилась, появилось больше света, проход стал шире.

Старый верстак стоял у боковой стены.

На нём ремонтировали вещь, которую Константин не видел и не мог заранее научить их чинить. Оскар объяснил, где пришлось придумать новый способ проверки.

Мира слушала, не пытаясь найти в каждом решении продолжение умершего друга.

Потом коснулась края столешницы.

Под ладонью была старая неровность. Закрытые ящики оставались на месте. Оскар хранил сведения о перемещениях и ремонте, но не разбирал верстак ради любопытства архива.

– Всё сохранили? – спросил Павел, подходя.

Мира посмотрела на стол, на новые приборы, на людей в мастерской.

– Нет.

Он кивнул.

Она добавила:

– И не будем делать вид, что всё.

Павел достал из кармана маленькую деталь.

– Вот про это я хотел бы спросить его. Помню, он однажды делал похожее, а как – не записал.

Оскар посмотрел.

– Похожее. Здесь другая нагрузка.

Они разложили инструмент. Мира предложила поискать старый фрагмент, но Павел покачал головой.

– Сначала сами попробуем понять. Потом сравним.

Она осталась рядом. Вопрос, который уже нельзя было задать Константину, не исчез. Но вокруг него постепенно возникала работа, за которую отвечали живые. Оскар держал деталь, Павел рисовал, Мира записывала только то, на что они согласились. Не для того, чтобы когда-нибудь заменить этот вечер, а чтобы следующий человек знал, откуда взялось решение.

Оскар подвинул ей стул. Павел поставил чайник.

В этот вечер они говорили о следующем заказе.

Глава 37. Почти сорок лет

Новосибирск. Июнь 2078 года.

Виктор собрал стол неправильно.

Мира поняла это по его молчанию. Обычно Виктор комментировал каждую деталь, объясняя, почему производитель зря усложнил простую вещь. Сейчас он сидел на полу веранды и внимательно смотрел на две оставшиеся планки. За десятилетия совместной жизни Мира научилась отличать это разглядывание от настоящего поиска решения.

– Декоративные? – спросила она.

– Возможно.

– Очень несущие на вид.

Он поднял голову.

– Ты могла бы сразу сказать.

– Ты попросил не помогать.

Виктор посмотрел на стол. Тот стоял почти ровно, если не касаться левого края.

– Я попросил не делать за меня.

Мира села рядом. За открытой дверью шумел дождь. На стекле висели крупные капли, через которые сад казался собранным из разноцветных осколков. Они собирались завтракать снаружи, но погода распорядилась иначе, и Виктор решил использовать свободный час для давно отложенной сборки.

Час закончился давно.

– Покажешь инструкцию?

Он протянул ей экран.

Они нашли ошибку на третьем шаге. Чтобы исправить, пришлось почти всё разобрать.

– Зато второй раз получится быстрее, – сказала Мира.

– У тебя очень неприятная форма оптимизма.

Она рассмеялась и взяла ключ, который он сам ей подал.

***

К приезду Таи стол выдерживал тарелки.

Дочь вошла с мокрым зонтом и сразу поставила на него тяжёлую сумку. Виктор сделал движение, которое не успел скрыть.

– Что? – спросила она.

– Ничего.

Мира отвернулась к окну.

Тае было сорок четыре. В её голосе появилось спокойствие, которое исчезало только при обсуждении работы или когда родители пытались решить за неё. Она приехала между двумя поездками, устала и прежде всего хотела есть.

Виктор принёс пирог.

– Сам?

– Под моим руководством.

– Тогда системе спасибо.

Он поклонился кухне.

Они ели, спорили о новой учебной программе, смотрели, как дождь перестаёт и снова начинается. Тая рассказывала о человеке, который прошёл виртуальную экскурсию по старому городу и пожаловался, что в настоящем городе всё оказалось менее удобным.

– Ты что ответила?

– Что в следующий раз включим очереди и закрытый туалет.

Виктор засмеялся так, что пришлось поставить чашку.

Мира смотрела на них. Этот смех не был наградой за перенесённый страх. Он давно стал обычным содержанием жизни, наряду с опозданиями, счетами, недоеденным пирогом и спорами о температуре в комнате.

***

После обеда Тая уехала к друзьям.

Виктор хотел проводить её до машины с зонтом. Дочь показала свой, раскрыла, чуть не задела отца и объявила, что сама представляет опасность для окружающих.

Мира помахала с порога.

Потом они с Виктором остались вдвоём. Дождь наконец закончился. Сад пах мокрой землёй, дорожка блестела, на новом столе остался круг от чашки.

– Надо было подставку, – сказал Виктор.

– Мы только что учились жить с вещью, которая может испортиться.

– Я ещё не окончил курс.

Они вынесли стулья. Виктор выбрал место, где можно было вытянуть ноги, и несколько минут молчал с закрытыми глазами.

– Уснул?

– Наслаждаюсь.

– Громко.

Он приоткрыл глаз.

Мира положила ладонь ему на плечо. Он накрыл её своей рукой. Кожа стала тонкой, суставы выступали сильнее; движение оставалось знакомым.

Она не пыталась сравнивать его с человеком, который обнимал её в больнице тридцать один год назад. В каждой из этих рук был сегодняшний Виктор.

К вечеру он предложил музыку.

– Танцевать? – спросила Мира.

– Я пока предложил музыку.

Но через несколько минут сам протянул руку. Они двигались медленно между столом и открытой дверью. Виктор перепутал шаг, Мира пошла за ним, и оба оказались спиной к саду.

– Так было задумано, – сказал он.

– Конечно.

Она не вела его незаметно и не поправляла каждое движение. Он держал её ладонь, иногда останавливался перевести дыхание, потом продолжал. В одной из пауз они услышали, как с крыши падает последняя дождевая вода.

– Хороший день, – сказал Виктор.

Мира согласилась.

Позднее они убирали посуду, искали потерянную салфетку и спорили, кто оставил открытым окно. Никакая запись не требовалась, чтобы день остался хорошим. Они легли спать поздно, так и не закончив разговор о том, куда поехать осенью.

***

Они научились ссориться короче не сразу.

В одну из поездок Виктор без спроса поменял её рабочую встречу, решив, что отдых важнее. Мира уехала на встречу, а он остался один в месте, которое выбирал для них обоих.

Вечером она вернулась.

Он приготовил длинное объяснение. Выслушал её прежде, чем начал, и объяснение перестало казаться полезным.

– Я думал, делаю хорошо.

– Знаю.

– Но этого недостаточно.

– Тоже знаешь.

Они потом гуляли по чужому городу и заблудились, потому что оба демонстративно предоставляли другому выбор дороги. Наконец Мира остановилась посреди площади.

– Давай сегодня навигация будет главным взрослым.

Виктор согласился.

Такие истории оставались между ними рядом с нежностью. Никто не требовал, чтобы любовь доказывала совершенство характера. Ей хватало того, что ошибку можно назвать, ответ услышать, а на следующий день не повторить всё с прежней уверенностью.

Иногда повторяли. Тогда разговаривали снова.

***

Осенью 2082 года Виктор начал записывать рассказы для семейного архива.

Первые получились ужасными.

Он сидел прямо, говорил слишком гладко, называл каждый год и забывал, ради чего вообще взялся рассказывать. Тая посмотрела пять минут и попросила выключить.

– Ты как отчёт о деятельности.

– Я стараюсь не путаться.

– Путайся. Мы привыкли.

Мира предложила начать с предмета. Виктор выбрал маленький сломанный указатель из старого Таиного макета и неожиданно рассказал целый вечер: как не понимал поворот, как дочь сердилась, как после суда они сидели на полу.

Тая исправила одну подробность. Он не согласился. Они нашли фотографию, и оказалось, что оба помнят неверно.

Запись оставили вместе со спором.

Позднее Виктор сам выбирал, что передать, что оставить семье, что не сохранять. Мира помогала и иногда уходила из комнаты, чтобы он мог говорить без оглядки на неё.

Не всё прошлое должно было принадлежать им обоим одинаково.

***

Разговор о продолжении жизни состоялся задолго до последней зимы.

Виктор изучал возможности, задавал вопросы специалистам, слушал Анну. Не отвергал её путь и не называл искусственную поддержку ненастоящей жизнью.

Но для себя не выбрал постепенное расширение когнитивной системы за пределы биологического тела.

Мира сначала услышала в этом отказ от неё.

– Ты мог бы остаться.

Он сидел у окна, держа открытый документ.

– Возможно. Но это не обещание, которое я могу дать только потому, что тебе страшно.

Она отвернулась.

– Мне страшно.

– Знаю.

– И ты всё равно решил.

– Да.

Они долго молчали. Мира могла найти новые сведения, ещё одну консультацию, ещё один пример. Всё это было бы полезно, пока помогало его решению, и становилось давлением, если единственным допустимым ответом оставалось согласие.

– Я могу ещё спрашивать?

– Можешь. Только иногда отвечать буду так же.

Она села рядом.

***

В январе 2086 года в доме изменился распорядок.

Помощь приходила по расписанию, врач обсуждал состояние с Виктором, затем с теми, кого он хотел видеть рядом. Мира не исчезала из комнаты, но училась не отвечать первой.

Виктору было девяносто два. Иногда он уставал от короткого разговора, иногда вдруг подробно спорил о том, какую музыку включить. Он хотел видеть Таю, не хотел длинных визитов и раздражался, когда люди говорили о нём в прошедшем времени, стоя у кровати.

– Я слышу, – напоминал он.

Однажды Мира принесла старую запись, которую он просил найти.

На ней Тая ещё подростком доказывала, что стрелка показывает не туда. Виктор смотрел, улыбался, потом попросил выключить.

– Хватит?

– Да. Сегодня лучше расскажи своё.

Мира рассказала о новом споре в «Атласе», о том, как молодая сотрудница исправила её решение и оказалась права.

– Тяжёлый день для руководства, – сказал он.

– Невыносимый.

Он засмеялся тихо, без прежней силы, но именно так, как смеялся только с ней.

***

Тая приехала с небольшой сумкой.

Ей было пятьдесят один. Она больше не спрашивала разрешения остаться, но спросила отца, когда ему удобнее разговаривать, а когда нужно уйти.

Он попросил утром.

Утром они спорили о садовом столе. Тая утверждала, что тот давно надо заменить. Виктор считал, что после первой сборки вещь заслужила долгую жизнь.

– Он переживёт нас всех, – сказала дочь и замолчала.

Виктор посмотрел на неё.

– Тогда будет кому тебя раздражать.

Тая рассмеялась и заплакала почти одновременно. Мира подошла, но дочь покачала головой: не нужно было немедленно превращать слёзы в неисправность, которую следует устранить.

Они остались втроём.

Позже Тая спросила, хочет ли отец ещё что-нибудь добавить к архиву.

– Нет.

– Точно?

– Точно. Я не обязан закончить все рассказы.

Она кивнула.

В тот день запись не включали.

***

Двадцать второго января за окном шёл снег.

Мира помнила его движение лучше, чем многие слова того утра. Крупные хлопья медленно проходили мимо стекла, часть липла к нижнему краю. Виктор несколько раз просыпался, узнавал её, снова отдыхал.

В какой-то момент попросил поправить рукав. Ткань собралась у запястья и мешала.

Мира расправила.

– Так?

Он чуть кивнул.

Ей хотелось сказать всё сразу: спасибо, прости, останься, я здесь. Она уже говорила это в разных порядках много лет. Теперь держала его руку и не заставляла отвечать.

Тая была рядом. Люди, помогавшие Виктору, оставались доступными, объясняли происходящее спокойно и не обещали того, чего не могли.

Когда его жизнь закончилась, комната не изменила размера.

Стол, окно, складка на одеяле остались. Мире пришлось принять, что отсутствие человека не обязано сопровождаться видимым разрушением вещей.

Она ещё некоторое время держала его руку.

Потом позволила помочь себе отойти.

***

Через несколько дней Мира открыла архив.

Не потому, что решила жить в нём. Просто в доме было слишком тихо, и она хотела услышать голос.

Выбрала запись с верандой. Виктор ругался на две лишние планки, потом смеялся, когда она называла их несущими. Камера стояла неровно; в конце часть изображения закрывала её рука.

Мира улыбнулась.

Потом сказала вслух:

– А я всё-таки была права.

На записи Виктор продолжал другое предложение. Он не услышал её нынешних слов и никогда уже не услышит.

Она знала это до включения. Теперь знание стало событием.

Система могла бы построить ответ в его манере. Архив содержал достаточно материала для убедительного собеседника. Мира не запросила такой ответ. Ей не хотелось, чтобы гладкое продолжение заняло место, где закончился настоящий разговор.

Она досмотрела запись до конца.

Сохранила её в избранном.

***

Анна позвонила вечером.

Не спросила, как Мира держится. Рассказала, что поссорилась с исследовательской группой из-за слишком уверенного вывода и теперь сомневается, не была ли сама несправедлива.

Мира слушала. Потом спросила подробности.

Они обсуждали работу почти час. Боль никуда не ушла, но рядом с ней снова нашлось место для чужой проблемы, которую можно было понять и помочь решить.

После разговора пришло сообщение от Таи: дочь собиралась приехать в выходной и спрашивала, не возражает ли Мира против прогулки.

Мира ответила, что не возражает.

Потом добавила: «Без маршрута по самым полезным местам».

Тая прислала смеющееся лицо и фотографию огромной лужи.

***

Весной Мира вынесла на веранду два стула.

Один для себя, другой для гостя, который ещё не пришёл. Она не стала решать заранее, кому он будет принадлежать.

На столе сохранился круг от чашки. Покрытие потемнело, одна планка снова требовала подтяжки. Мира нашла ключ, проверила крепление и на этот раз собрала всё правильно.

Работа заняла десять минут.

Потом она долго сидела под открытым небом. В саду шумели ветки. Из дома пришёл сигнал: Тая у двери, руки заняты пакетами.

Мира поднялась впустить дочь.

Почти сорок лет не исчезли вместе с Виктором. Они оставались прожитыми – счастливыми не потому, что закончились без боли, а потому, что в них было столько дней, когда никто не хотел находиться в другом месте.

Глава 38. Я здесь

19 августа 2113 года.

Анна хотела поправить одеяло.

Намерение возникло раньше, чем она вспомнила, что давно не делает этого рукой. Обычно вслед за ним приходило знакомое подтверждение: небольшой сдвиг ткани, изменение давления, голос помощницы, если требовалось уточнение.

Теперь ничего не изменилось.

– Подождите, – сказала она.

Слово прозвучало в комнате. На рабочей поверхности остановилась незаконченная фраза. Анна узнала собственную интонацию – сухую, немного сердитую – и ухватилась за это узнавание прежде, чем успела понять причину тревоги.

– Мы здесь, – ответила специалистка.

Анна видела её через комнатную систему, которую использовала уже много лет. Знала положение окна, чашки, кресла Миры. Но привычная тяжесть тела не связывала эти предметы в одно место.

– Я не про вас, – сказала она. – Я про одеяло.

Специалистка не стала поправлять ткань немедленно.

– Какое ощущение вы пытаетесь изменить?

Вопрос был хорошим и оттого неприятным: Анна обнаружила, что не может сразу описать ощущение, которое хочет изменить.

***

За семьдесят шесть лет, прошедших после первых речевых сеансов, Анна принимала такие решения не раз. К нынешнему дню она пришла постепенно.

Сначала интерфейс помогал говорить. Потом появились средства поддерживать внимание, работать с памятью, удерживать сложные связи, которые утомлённое биологическое тело уже не позволяло обрабатывать по-прежнему. Каждое расширение обсуждали отдельно. Анна соглашалась, отказывалась, меняла настройки и иногда возвращалась к прежнему варианту.

Со временем значительная часть её повседневной когнитивной работы стала происходить в распределённой системе.

Она просыпалась, спорила, влюблялась в новую задачу, ошибалась в старой – уже вместе с ней. Не существовало одного файла, который сегодня достали из архива и велели изображать Анну.

Но подготовка не делала нынешнюю минуту знакомой.

Биологическая часть перестала поддерживать жизнь. Команда сообщила об этом так, как они договорились заранее: ясно, без подмены слов и без немедленного требования что-нибудь почувствовать.

Анна слышала сообщение, и в то же время продолжалась мысль о незаконченной фразе. Ей хотелось спросить, как два этих события могут находиться рядом, но она слишком долго работала с чужим опытом, чтобы ждать от первого ответа окончательного объяснения.

***

Мира сидела у окна.

Она не изменилась внешне так, как менялись люди вокруг Анны, но Анна научилась узнавать её возраст в паузах и способах слушать. Мира больше не старалась сразу спасти собеседника от молчания.

– Ты меня слышишь? – спросила она.

– Да.

– Нужно, чтобы я осталась?

Анна хотела сказать «конечно», затем остановилась. Само право не отвечать немедленно было знакомым, прочным.

– Да. Только не разговаривай со мной как с последним сообщением.

Мира чуть наклонила голову.

– А как с вредной подругой можно?

– Предпочтительно.

Они обе засмеялись. Смех Анны прозвучал не совсем так, как она ожидала: голосовой канал использовал другую текущую настройку дыхательной выразительности. Она услышала лишний мягкий выдох и раздражённо выключила его.

– Не нравится? – спросила Мира.

– Не мой.

– Вернём прежний?

– Я сама выберу.

Мира кивнула и откинулась на спинку кресла.

***

Первые часы состояли из мелких несоответствий.

Анна искала давление под спиной, хотя не могла указать, откуда теперь оно должно приходить. Пыталась отвернуться от света, но изображение оставалось неподвижным, пока она не меняла канал обзора. Хотела помолчать и обнаруживала, что интерфейс уже приготовил вежливое завершение сообщения.

Она убрала автоматическое завершение.

Потом попросила уменьшить число одновременно доступных окон.

– Вы можете обрабатывать больше, – заметил технический специалист.

– Могу. Не хочу.

Он не спорил.

Они оставили одну комнату, один разговор и небольшой знак текущего состояния. Остальные каналы никуда не исчезли, но перестали требовать внимания.

Анна несколько минут смотрела на подоконник.

Там стояло растение, которое Мира принесла по её просьбе. Лист был повреждён с краю. Раньше Анна непременно указала бы, что система ухода пропустила изменение. Теперь ей нравилось, что лист не пытается стать символом новой жизни.

Он просто нуждался в другом положении относительно света.

– Поверни горшок, – попросила она.

Мира повернула не туда.

Анна объяснила.

***

Проверка состояния продолжилась позже.

Ей предлагали знакомые задачи, спрашивали о текущих намерениях, сопоставляли работу разных частей системы. Анна согласилась на это заранее. Всё равно рассердилась, когда в третий раз попросили назвать, чем она занималась накануне.

– Неверно толковала результат, – ответила она.

Специалист посмотрел на рабочую запись.

– Вы вчера считали его верным.

– Вчера ещё не закончилась возможность ошибаться.

Он улыбнулся, но вопрос повторил точнее.

Анна ответила. Проверка не была оскорблением. Оскорбительным становилось бы предположение, что правильные ответы автоматически решают все вопросы о ней. Команда такого не утверждала.

В документах отдельно отмечали биологическую смерть, сохранение работы когнитивной системы, наблюдаемую устойчивость и то, что ещё требовало оценки.

Анна прочла формулировку и исправила описание собственных предпочтений.

Ей было важно, что исправление приняли как сегодняшнее решение, а не как сбой относительно вчерашнего профиля.

***

К вечеру пришли сообщения.

Некоторые были нежными. Некоторые – осторожными до невозможности. Один давний коллега написал: «Если это действительно вы…» – и дальше обычный вопрос о проекте.

Анна долго смотрела на начало.

Потом ответила только на вопрос. Указала ошибку в схеме и попросила прислать исходные наблюдения.

Мира спросила, не обидно ли ей.

– Обидно. Но схема от этого правильнее не станет.

Другое сообщение поздравляло с победой над смертью.

Его Анна закрыла.

Она не чувствовала себя победительницей над всем, что люди боялись потерять. Было слишком много отсутствующих голосов, слишком много прожитого, которое нельзя вернуть никаким расширением возможностей. Её собственное продолжение не отменяло смерть Виктора, Константина, Роя и тех, о ком Мира редко говорила первой.

– Не отвечай сегодня, – предложила Мира.

– Я и завтра не обязана.

– Да.

Анна оставила сообщение без ответа.

***

На следующий день ей предложили временное тело.

Небольшой мобильный носитель для присутствия в помещении, с обзором и простым манипулятором. Не обещание восстановить все прежние ощущения, не обязательный образ человека. Один из доступных способов действовать.

Анна согласилась попробовать.

Первое движение получилось слишком резким. Камера показала край стола крупнее, чем хотелось. Она остановилась, уточнила чувствительность и попробовала ещё раз.

– Помочь? – спросила специалистка.

– Пока нет.

До окна было недалеко. Анна добралась медленно, повернула обзор и увидела двор с другой высоты.

Мира подошла рядом, затем присела, чтобы не нависать.

– Не обязательно, – сказала Анна.

– Мне так удобнее.

Они посмотрели друг на друга.

– Ладно.

На столе лежал лист бумаги. Анна попыталась подхватить его, смяла угол и отпустила.

Раздражение оказалось удивительно знакомым.

Она попросила другую насадку.

***

Когда получилось поднять лист, никто не зааплодировал.

Анна была благодарна.

Она перенесла его на соседний стол, хотя это действие можно было выполнить десятком более эффективных способов. Потом положила рядом ещё один. Не ради теста, не ради красивой демонстрации. Просто потому, что хотела сама изменить что-нибудь в комнате.

Мира спросила:

– Что тебе нравится?

Анна подумала.

– Что могу подойти к окну, не объясняя, зачем.

– А что не нравится?

– Что все ждут, что мне понравится достаточно много.

Мира кивнула.

Анна вернула носитель к рабочему месту. Через некоторое время отключила телесный канал и оставила только разговор. Возможность выбирать оказалась важнее первого удачного движения.

Вечером она сама попросила снова включить его.

Перед возвращением к телесному каналу Анна составила короткий список: что включается только по её запросу, какие уведомления можно отложить, кому сообщать при неполадке. Специалистка предложила готовый шаблон.

Анна прочла и изменила первый пункт.

– Здесь помощь приходит автоматически.

– При некоторых признаках это полезно.

– Тогда перечислим признаки. Не любое моё молчание.

Они обсудили исключения, проверили сигнал вызова и возможность остановить действие. На это ушло больше времени, чем на предыдущий пробный проход к окну.

Мира ждала рядом, перебирая свои сообщения. В какой-то момент Анна попросила её уйти на час.

– Хочу попробовать побыть одна. С доступной помощью, – добавила она, заметив движение подруги.

– Хорошо.

Когда дверь закрылась, Анна не почувствовала ни торжественной свободы, ни окончательного спокойствия. Сначала стало тревожно. Потом она открыла рабочий файл, закрыла, посмотрела во двор и выбрала музыку.

Через час сама позвала Миру обратно. Не потому, что не справилась. Хотела рассказать, как прошёл час, который не нужно было никому объяснять по ходу.

Никакого единственного правильного способа присутствовать за день не нашлось.

***

Рабочая группа собралась через три дня.

Анна настояла на короткой встрече. Мира присутствовала с её согласия, но не вмешивалась. На экране появились люди и искусственные исследователи, с которыми Анна обсуждала морские наблюдения.

За десятилетия инструменты изменились. Сигналы записывались точнее, модели учитывали больше связей, аппараты могли дольше работать самостоятельно. Всё это не избавило исследователей от привычки слишком быстро придумывать знакомое значение чужому действию.

Анна открыла вчерашнюю гипотезу.

– Я хочу снять вторую часть.

Коллега попросил объяснить.

Она показала, что выбранная последовательность могла зависеть от изменения состава группы, которое в их сравнении считалось несущественным. Наблюдений для уверенного вывода не хватало.

– Мы можем оставить как рабочее предположение, – сказал аналитик.

– Можем. Но не как подтверждённый обмен.

На лице Миры появилось облегчение, от которого Анне стало не по себе. Неужели подруга ждала этого разговора как доказательства? Анна не хотела подтверждать право жить тем, что снова полезна.

Она дождалась конца обсуждения.

После встречи сказала:

– Не делай из этого экзамен на подлинность. Я могла бы сегодня просто смотреть в окно.

– Могла.

– И завтра тоже.

– Знаю.

– Хорошо. Но завтра я хочу проверить данные.

***

С Таей они говорили позднее.

Дочери Миры было семьдесят девять. Она подключилась из рабочего помещения, где за спиной кто-то терпеливо складывал оборудование в ящики. Анна спросила, опять ли переезд.

– Перестановка, – ответила Тая. – Самая дорогая разновидность переезда.

Они посмеялись.

Тая не попросила рассказать, каково это – быть без биологического тела. Спросила, какой способ связи теперь удобен и можно ли присылать длинные сообщения.

– Можно. Только не жди немедленного ответа.

– Это мы давно освоили.

Потом показала новый учебный проект. Анна заметила условный переход, который мог запутать происхождение переживания, и попросила открыть описание.

Тая открыла.

Разговор занял больше запланированного. Когда Анна устала, сказала об этом. Тая попрощалась без обиды и без попытки извлечь из последних минут важное откровение.

После отключения Анна сохранила одну задачу на завтра.

Остальные отложила.

***

Ночью ей захотелось старого голоса.

Не своего первого, не восстановленного по молодым записям. Того, которым она говорила большую часть последних лет, с выбранной шероховатостью и правом на неудачную паузу.

Настройки были доступны. Анна сравнила два варианта, попросила Миру сказать, что слышит.

– В этом ты как будто стараешься успокоить меня, – ответила Мира.

Анна выбрала другой.

Затем некоторое время молчала.

– Ты думаешь о Викторе?

Мира не стала отрицать.

– Да.

– Мой путь не делает его выбор неправильным.

– Я понимаю.

– Не всегда достаточно понимать.

Мира посмотрела на тёмное окно.

– Не всегда.

Анна осталась с ней в разговоре, не пытаясь предложить решение. Они обе слишком хорошо знали, как можно ранить правильным объяснением, произнесённым вместо присутствия.

***

Через неделю Анна отказалась от торжественной встречи.

Её хотели представить участникам новой исследовательской программы, рассказать о пройденном пути, сделать событие началом серии. Она согласилась позднее поговорить о работе, но не превращать каждый разговор в доказательство бессмертия.

Вместо этого попросила открыть доступ к обычному семинару.

Там обсуждали не её, и это было прекрасно.

Первый выступающий ошибся в подписи к графику. Второй слишком долго объяснял известное. Третий задал вопрос, на который Анна не знала ответа.

Она записала его.

После семинара Мира спросила:

– Как прошло?

– Скучно в середине. Интересно в конце.

Мира улыбнулась.

– Хороший результат.

Анна вернулась к собственной гипотезе. Нашла неточное слово, заменила, затем переписала ещё две строки.

Вчера она думала иначе. Сегодня смогла передумать.

На завтра оставалось дело, которое никто не обязан был закончить вместо неё.

Глава 39. Девятнадцать дней

Меридиан, Марс. 2123 год.

Соль спросил, зачем Лев сбрил волосы у виска. Другой услышал бы обычный вопрос, но Лев знал: это говорит восстановленная ветвь его друга, чья память обрывалась ещё до аварии.

Лев поднял руку, коснулся короткой щетины и почувствовал, как всё приготовленное для встречи рассыпается.

– Для лечения.

– Я вижу. Не знал, что настолько.

Голос был знакомым, а носитель – временным, небольшим, приспособленным для разговора в помещении. Соль выбрал его из доступных вариантов, пока решал, какое тело понадобится дальше.

Лев ожидал, что бросится к нему, скажет спасибо, рассмеётся, наконец перестанет видеть белое сочленение в красной пыли. Вместо этого сидел на краю кресла и объяснял собственную причёску.

Специалистка, сопровождавшая первые встречи, оставалась у двери.

– Можно без вас? – спросил Лев.

Она посмотрела на друга Льва.

– Пока лучше останется, – сказал тот.

Лев опустил руку.

Он уже успел обидеться, прежде чем понял: друг тоже имел право не быть готовым.

***

Резервная версия была сделана за девятнадцать дней до аварии.

Лев знал число. Читал его в сообщении, слышал от врачей, повторял Лане. Но число означало только пустой промежуток, пока Соль не спросил о ремонте их рабочего стенда.

– Мы закончили, – ответил Лев.

– Когда?

Он назвал день.

Соль открыл переданные сведения.

– Здесь есть отчёт. Я ещё не дошёл до него.

Лев хотел сказать: мы же вместе. Осёкся.

Вместе работали он и тот Соль, который прожил эти дни, сердился на перекошенное крепление, нашёл ошибку в старой схеме и погиб, помогая ему выбраться.

Перед ним находился друг, помнивший долгие годы до этого. Не незнакомец. Но и не человек, которому можно вернуть недостающие дни одним рассказом.

– Я могу показать, что сделали, – сказал Лев.

– Потом. Сейчас я хочу понять, что произошло с нами.

Слово «нами» оказалось и утешением, и болью.

***

Соль уже видел часть материалов аварии.

Не все. Выбирал порядок сам, с поддержкой специалистов. Некоторые записи предпочёл пока не открывать.

Лев спросил:

– Ты знаешь, что вытащил меня?

Соль некоторое время молчал.

– Я знаю, что моя погибшая ветвь участвовала в твоём спасении.

– Ты.

– Лев.

Тот отвернулся к окну. За прозрачным ограждением робот чистил направляющую. Обычная работа шла с невыносимым спокойствием.

– Прости. Я не умею иначе говорить.

– Я тоже пока не умею хорошо объяснять.

Соль приблизился на небольшое расстояние, оставив Льву место.

– Я рад, что ты жив. Это моё. Но я не помню решения, за которое ты благодаришь. И не хочу притворяться, чтобы тебе стало легче.

Лев сжал край кресла.

– Мне не становится легче.

– Вижу.

Специалистка не вмешивалась. Только передвинула стакан ближе, когда Лев начал искать его рукой.

***

Они попытались вспомнить что-нибудь общее.

Лев рассказал о неудачном ужине, когда пересолил еду на целую компанию. Соль поправил: соль добавил другой человек, а Лев слишком долго защищал рецепт.

– Ты обещал никому не говорить.

– Не обещал. Ты просил.

Лев засмеялся.

Вот он. Знакомая точность, привычное удовольствие от маленького спора. Несколько секунд всё казалось возвращённым.

Потом Лев упомянул новую запись звука, которую Соль сделал незадолго до аварии.

– Там в тихом коридоре кто-то всё время стучит. Мы так и не нашли…

Он остановился.

Соль не помнил.

Не сохранилась и сама запись среди доступных синхронизированных материалов. Лев знал только короткий фрагмент, который успел услышать рядом с другом.

– Можно записать твой рассказ о ней, – предложил Соль.

– Это будет не она.

– Да.

Они помолчали. Хорошее общее воспоминание не отменило следующей пустоты. Но и пустота не забрала у них пересоленный ужин.

***

После встречи Лана принесла Льву его домашнюю футболку.

Теперь он мог надеть её с помощью, и ткань наконец перестала лежать на стуле отдельным пациентом. Лана поправила шов у плеча, спросила, не тянет ли.

– Нормально.

– Ты говоришь это так, будто тебя оценивают.

– Меня всё время оценивают.

– Я спрашиваю про футболку.

Он посмотрел на неё и извинился.

Она села рядом. На устройстве у неё была открыта схема будущей работы – несколько возможных маршрутов подготовки к дальней экспедиции. До аварии они собирались обсудить, какие программы каждый действительно хочет выбрать.

– Можно сейчас? – спросила она.

Лев кивнул.

Лана объясняла свою часть: биологические контуры, испытания, команда, сроки. Это была её работа, не дополнение к его мечте улететь.

Он слушал, пока в вентиляции не возник короткий скребущий звук.

Мокрая рукавица. Железная дверь. Запах, которого здесь не было.

– В той мастерской… – начал он.

Лана замолчала.

***

Лев понял не сразу.

– Что?

– Я говорила о своём проекте.

– Я слышал.

– Тогда что я спросила?

Он не смог повторить.

Лана закрыла схему.

– Мне тоже страшно. Я не хочу заставлять тебя вернуться к прежнему темпу. Но не могу всё время становиться человеком, который приносит тебе вещи, пока ты ищешь другой дом.

– Это не другой дом.

Она посмотрела на него.

Он вспомнил, как описывал снег. Говорил «там спокойно». Говорил «я хочу обратно», хотя сам не знал, куда именно.

– Я не выбираю это специально.

– Знаю. А я не выбираю каждый раз чувствовать, что нашей жизни недостаточно.

Лев потянулся к её руке. Она дала руку, но не улыбнулась, чтобы завершить разговор красиво.

Они остались сидеть.

Позже он попросил открыть схему снова. Лана отказалась на сегодня.

Ему пришлось принять, что извинение не возвращает сразу всё отнятое внимание.

***

На следующий день пришла Инес Дуарте, руководительница Меридиана. Для Льва она давно была и начальницей, и старшей подругой; после аварии эти роли стало особенно трудно разделять.

Принесла маленькую ёмкость с перцем, который Лев выращивал дома. Лана разрешила забрать ненадолго, предупредив, что растение не должно стать поводом для самовольной перестановки медицинского оборудования.

Инес передала предупреждение дословно.

– Она очень ясно выражается, – заметил Лев.

– Когда нужно.

Он проверил листья, массу ёмкости, состояние поверхности. Несколько минут думал только о перце.

Инес смотрела на него.

– Теперь узнаю.

– Не говори так. Все хотят, чтобы я доказал, что прежний.

– Я сказала, что узнаю привычку. Не выдала тебе удостоверение.

Он улыбнулся.

Она села и рассказала о поселении. О работе, которую пришлось перераспределить, о людях, которых он знал, о том, что сроки восстановления обсуждают с командой, а не назначают из его нетерпения.

Лев спросил, сможет ли снова выходить на внешние работы.

– Я не твой врач. Но твоя должность не исчезает оттого, что ты сейчас восстанавливаешься.

Он посмотрел на растение.

Это оказалось важнее обещания скорого допуска.

***

О дворе Инес спросила только после паузы.

Лев показал рисунок мастерской. Тот самый лист, где карандаш продавил бумагу возле нижнего ящика. Рядом лежала копия найденного кадра из «Атласа».

– Ты была на Земле. Там действительно так пахнет?

– Где именно?

– Зимой. Возле дома.

Инес не стала придумывать единый запах планеты.

Рассказала о сырой одежде в прихожей, о ветре, о том, как разные города совсем не похожи. Лев слушал с жадностью, и она остановилась.

– Я могу невольно добавить тебе деталей.

– Я не забуду, что ты рассказала.

– Надеюсь. Но лучше отмечать сразу.

Они записали разговор как внешний источник, не как подтверждение его воспоминания.

Инес сказала, что в юности участвовала в программе работы с чужими автобиографическими материалами. Это изменило её отношение к собственной памяти, но не давало ей знания о том, что происходит с Львом сейчас.

– Я не могу выбрать объяснение за тебя.

– Все так говорят.

– Потому что удобного права у нас нет.

***

Учебную историю открыли вместе со специалисткой.

Курс «Земля изнутри» уже был найден Ланой в первые дни. Теперь требовалось посмотреть не заголовок, а конкретную сессию: когда Лев проходил её, какие материалы выбирал, какие условия подтвердил.

Он узнал собственное согласие.

На экране было написано, что сцены представляют реконструкции по разным источникам. Сохранились параметры выбранного опыта и отметка завершения.

– Я это читал, – сказал он.

– Возможно, вспомнишь, как проходил, – ответила специалистка. – Но не будем заставлять.

Лев смотрел на маленькую запись своего прежнего решения. Она не объясняла всех ощущений, зато мешала утверждать, что земной двор возник из ничего.

– Вы хотите сказать, это просто занятие?

– Я хочу проверить, какая часть переживания могла быть связана с ним. Слово «просто» здесь лишнее.

Он почувствовал облегчение от того, что она не отбирает у него чувство, даже предлагая проверить его происхождение.

***

Исследование нельзя было начать с бесконечного повторения сцены.

Специалистка объяснила, что новые просмотры сами могут изменить доступные ему подробности. Лев уже видел кадр мастерской; это следовало отметить, а не делать вид, что все последующие узнавания независимы.

Он рассердился.

– Значит, нельзя ничего смотреть?

– Значит, сначала зафиксируем, что ты сообщал до просмотра, и отделим это от того, что узнал после.

Они подняли первые записи. Рисунок. Слова о шарике. Имя Константина. Время, когда Лана нашла архивный кадр.

Лев увидел, что некоторые подробности действительно появились позднее. От этого другие не стали автоматически ложными.

Он разрешил независимой группе изучить выбранные медицинские и учебные записи. Отдельно обозначил, что личная переписка с Ланой не входит в разрешение без дополнительного обсуждения.

Подпись поставил сам.

Ему нравилось, что хотя бы часть следующего шага зависит от его решения, а не от чужой уверенности.

***

Соль вернулся через день.

На этот раз без сопровождающей в комнате, но с возможностью вызвать помощь. Привёз запись звука медицинского коридора.

– Там опять вентилятор? – спросил Лев.

– И тележка. И человек, который думает, что идёт тихо.

Они послушали.

Лев узнал шаги Ланы раньше, чем она открыла дверь. Хотел объявить об этом торжественно, потом увидел её усталое лицо и просто поздоровался.

Соль предложил сохранить запись как новую.

Лев кивнул.

Не восстановленную. Не ту, которую потеряли перед аварией. Сделанную сейчас другом, который продолжал выбирать, что ему интересно.

– Спасибо, – сказал Лев.

Соль не поправил.

Это спасибо относилось к сегодняшнему действию.

Лана спросила, можно ли оставить копию для их домашней коллекции.

Соль согласился, но попросил сохранить дату и своё новое обозначение ветви. Лев внёс его без спора. Рядом с прежними записями появилась новая строка, похожая и отличающаяся.

Он несколько секунд смотрел на список. Потом выбрал сегодняшний звук, добавил короткую подпись о тележке и отправил Лане. Впервые за эти дни ему не захотелось исправить дату на более раннюю.

***

Мире они подготовили новое сообщение.

Первый короткий вопрос о верстаке уже ушёл после первого найденного кадра. Теперь Лев сам хотел объяснить, почему спрашивает. Межпланетная задержка не позволяла превратить это в обычный разговор; приходилось выбирать слова, которые человек прочтёт без возможности сразу уточнить.

Он приложил исходный рисунок с датой.

Написал, что не бывал на Земле. Что проходил учебную программу и теперь вместе со специалистами проверяет связь между ней и нынешними переживаниями. Что не просит подтвердить чудо, но хочет узнать, какие материалы использовались.

О шарике написал отдельно, без новых подробностей, которых прежде не называл.

Лана прочла по его просьбе.

– Здесь ты пишешь «помню». Может быть, «переживаю как воспоминание»?

Лев хотел возразить. Потом заменил.

Смысл чувства не исчез. Зато письмо перестало требовать от незнакомой женщины заранее согласиться с его объяснением.

Он отправил сообщение.

Ответ мог прийти позже. Сейчас можно было заняться тем, что находилось рядом.

***

Лана снова открыла схему проекта.

Лев попросил начать с места, где перестал слушать. На этот раз убрал рисунок мастерской в папку и отключил лишние уведомления.

Она рассказывала о своей программе. Он задавал вопросы, один оказался глупым, другой – полезным. Они поспорили о сроках и решили, что пока не обязаны выбирать весь будущий маршрут.

Перец стоял у окна. Соль слушал коридор и время от времени поворачивал носитель к звуку, которого Лев ещё не замечал.

Девятнадцать дней не вернулись.

Но этот вечер не принадлежал потерянной записи. Они проживали его впервые.

Глава 40. Узнавание

Земля – Марс. 2123–2124 годы.

Мира остановила запись на слове «Константин».

Мира смотрела на присланную с Марса запись Льва Орлова, инженера, который после аварии стал узнавать чужой земной двор. На его виске отрастали волосы, за плечом виднелся край зелёного листа. Он был моложе Константина в любую из их встреч, держался иначе, смотрел прямо в устройство, а не мимо, как смотрел старый мастер, считая разговор пустой тратой времени.

Мира вернулась на несколько секунд назад.

– Я не знаю, почему написал это имя, – повторил Лев. – Оно появилось раньше, чем мы нашли мастерскую.

На рисунке нижний ящик был заштрихован так сильно, что бумага вздулась. Мира увеличила изображение, хотя разрешение уже ничего не добавляло. Ей вдруг захотелось достать настоящий лист, провести пальцем по продавленным линиям.

За окном шёл дождь. На Марсе, откуда отправили сообщение, этого звука не было.

Она включила ответ и сказала:

– Там действительно стоял верстак.

Потом замолчала. Это Лев уже мог узнать из найденного кадра.

Запись пришлось начать заново.

***

Оскар в тот день работал в мастерской. Не в прежней тесной комнате: производство давно занимало другое помещение, а старый верстак стоял отдельно, вместе с вещами, которые ещё можно было трогать по договорённости с хранителями.

– Ящик не открывай, – сказала Мира.

– Ты ещё не объяснила, зачем звонишь.

– Поэтому и не открывай.

– Убедительно.

Она переслала рисунок в закрытой части разговора и объяснила, какие сведения разрешил передать Лев. Оскар долго рассматривал линии. Его новый рабочий корпус почти не напоминал тот, который она встретила много десятилетий назад. Зато пауза перед неудобным вопросом оставалась знакомой.

– Что именно ты хочешь от меня услышать?

– Был ли там шарик?

– Я не знаю.

– Но ты мог видеть.

– Тогда я сказал бы, что видел.

Мира посмотрела на его захваты. Один придерживал деталь, другой оставался свободным. Константин часто начинал говорить именно в такую минуту, когда работа уже требовала обеих рук.

– Нам нужно сохранить всё как есть, – сказала она. – До согласованной проверки. Снимки, доступы, кто и когда подходил.

– Это можно сделать.

– И пока не рассказывать ему подробности.

– Ему или тебе?

Она не ответила сразу.

Оскар убрал деталь в лоток.

– Мира, я тоже хочу, чтобы он снова пришёл. Иногда. Желательно с нормальной отвёрткой, а не с тем, что он называл нормальной отвёрткой.

Она засмеялась слишком громко.

– Я не говорила, что кто-то вернулся.

– Я знаю.

***

Первый ответ получился коротким. Мира подтвердила существование мастерской и свою работу над архивом. Приложила перечень доступных источников, не прикладывая сами сцены. Сказала, что поможет независимой группе установить, что входило в пройденное занятие.

Личный абзац она написала последним: «Я знала этих людей. Мне может быть трудно не подсказывать вам. Если вы заметите это раньше меня, пожалуйста, остановите».

Отправила и потянулась проверить, прочитано ли сообщение.

Значок передачи ещё двигался. Даже после доставки Лев мог спать, быть на обследовании, заниматься собственными делами.

Мира убрала окно.

Через несколько минут открыла снова.

Тая застала её именно за этим. Пришла с пакетом печенья, которое велела не предлагать ей сразу: оно предназначалось на завтра, а сегодня она уже поела. Сама через минуту достала одно.

– Ты отвечаешь Марсу или управляешь им?

Мира показала разрешённую часть письма.

Тая читала молча. Ей было восемьдесят девять, и Мира всё ещё иногда ждала, что дочь начнёт сердиться быстро, всем лицом. Теперь Тая чаще сначала снимала очки.

– Мой курс, – сказала она.

– Один из его вариантов.

– Надо найти именно его. Мы столько раз меняли переходы.

– Анна поможет.

– Поможет. А ты чем собираешься помогать?

Мира хотела ответить про каталогизацию, происхождение данных, живых свидетелей. Тая ждала, держа очки за дужку.

– Я хочу с ним поговорить.

– Это я уже поняла.

***

Переписка продолжалась неделями.

Иногда ответы пересекались. Мира успевала пожалеть о вопросе, а Лев уже записывал ответ на него. Он сердился, когда она просила не добавлять подробностей, и благодарил за то же самое в следующем сообщении. Лана появлялась рядом редко; однажды просто прошла через комнату с высоким контейнером, попросила Льва убрать ногу и исчезла.

Мира заметила, как он проводил её взглядом. Не тем отсутствующим взглядом, которым смотрел на рисунок. Ей стало легче.

Потом Лев рассказал, что во сне ждёт человека не по лицу. Сначала узнаёт шаги и запах мокрой одежды; лицо появляется слишком высоко.

Мира сразу вспомнила Роя возле двери.

Она произнесла:

– Он стряхивал снег с левой…

Остановилась.

Лев этого ещё не услышал: ответ записывался. Можно было вырезать ошибку и отправить безупречно осторожное сообщение.

Мира оставила паузу, затем сказала:

– Я сейчас чуть не добавила свою подробность. Не буду. Опишите только то, что уже зафиксировали раньше.

В собственном журнале она сохранила и неотправленную фразу.

Вечером позвонила Анна.

– Ты хочешь провести исследование или выдержать встречу? – спросила она.

– Разве нельзя и то и другое?

– Можно. Но для первого нужны люди, которые не ждут от него того же, что ты.

Мира не стала возражать. Под конец разговора спросила, осталась ли у Анны запись старого двора в дождь.

Анна сказала, где искать, и больше ничего не добавила.

***

Решение лететь не возникло из одного ночного порыва.

Сначала была переписка с группой, затем приглашение поработать с местными архивными материалами. Мира оговорила свой статус: знакомая участников старой истории, источник свидетельств, участница разговоров по согласию Льва. Не лечащий специалист и не человек, который выносит заключение о нём.

На Земле пришлось передать текущие дела. Один сотрудник заболел, другой не хотел брать её проект целиком. Несколько дней Мира раздражалась на расписания, словно они нарочно стояли между ней и чем-то единственным.

Потом услышала себя и попросила прощения.

Тая помогала разбирать вещи перед отъездом. На столе лежали старые фотографии, маленький дорожный набор, документы. Дочь подняла тёплую куртку.

– Ты её зачем?

– Мне нравится.

– Тогда так и запиши в список. А то у тебя всё «необходимо».

Они сложили куртку заново.

Мира подошла к окну. Дождя уже не было; двор оставался мокрым, с ясными отражениями в неровностях асфальта.

– Я могу отложить.

– Из-за меня?

– У тебя осмотр в следующем месяце.

– И я умею туда добраться. Ты тоже умеешь помнить о нём с другой планеты.

Мира вернулась к столу.

Тая взяла её за руку.

– Только не обещай вернуться человеком, который наконец всё понял. С таким будет скучно.

***

В полёте Мира сначала считала сообщения Льва этапами пути.

Потом заметила, что они стали короче. Он вернулся к части работы, записывал ей ответ после смены, однажды уснул прежде, чем отправил подготовленный текст. Мира обрадовалась этому с усилием: ей хотелось его выздоровления, но хотелось и прежней жадности к разговору.

Свои земные записи она открывала реже. На корабле нашлось много дел, которые невозможно было прожить заранее. Соседка по общей каютной зоне училась чинить застёжку и всякий раз начинала с неправильного конца. Мира показала один раз, второй; на третий услышала:

– Дайте я сама испорчу.

Она отступила и невольно улыбнулась.

Пока тянулись месяцы перелёта, сменился календарный год. В сообщениях с Земли Тая жаловалась на знакомого, который снова решил организовать всем лучший порядок работы. Анна присылала короткие замечания по архиву. Оскар сообщал, что верстак стоит на месте и никто не приобрёл права выдёргивать из него ящики из-за красивого рисунка.

Лев прислал запись своего перца.

– Это не улика, – предупредил он. – Просто первый плод после пересадки.

Мира посмотрела её три раза. На третьем уже знала, что смотрит не из исследовательского интереса.

***

В Меридиане она едва не ударилась плечом о дверную раму.

Движения, проверенные во время подготовки, всё равно требовали внимания в новом месте. Лев протянул руку, но не схватил её.

– Здесь все сначала думают, что стали ловчее.

– А потом?

– Потом меняют угол.

Он выглядел иначе, чем на экране. Выше, беспокойнее; когда слушал, переступал с ноги на ногу. На лице оставалась усталость, которую камера сглаживала.

Мира сказала:

– Здравствуйте, Лев.

Она заранее решила произнести имя.

Он улыбнулся, словно тоже готовился к чему-то более сложному.

Лана встретила их у жилого перехода. От неё пахло влажным растительным материалом и средством для обработки рук. Она пожала Мире руку и сразу спросила про багаж.

– Его отправят отдельно, – ответила Мира.

– Хорошо. Тогда сначала отдых. У нас умеют превращать приветствие в рабочую встречу на три часа.

– Я умею лучше, – сказал Лев.

– Поэтому ты сейчас понесёшь только куртку.

Мира отдала ему ту самую куртку. Ей понравилось, что никто не спросил, необходима ли она.

***

Первую встречу с исследовательской группой провели через несколько дней.

Лев сидел рядом с окном, Мира – напротив. Специалистка попросила их начать с бытового разговора, а потом перейти к уже записанным описаниям. Мира поймала себя на том, что заранее выбирает положение рук: не так, как у Анны в старой записи, не так, как у Константина.

От этого каждое движение становилось нарочитым.

Лев рассказал о мастерской. О том, что взрослые заслоняют свет. О руке, которую хочется найти, даже когда человек сердится.

– А дверь… – начала Мира.

Специалистка чуть подняла ладонь.

Мира закрыла рот.

– Я хотел сказать про пол, – произнёс Лев.

Он опустил взгляд. У Миры появилась нелепая, болезненная надежда, что сейчас он назовёт именно ту потёртую доску.

– Он гладкий у стены, – сказал Лев. – А дальше я не уверен. Всё начинает смешиваться с картинкой.

Запись остановили, чтобы сделать перерыв.

В коридоре Мира прислонилась к стене. Анна предупреждала её, но предупреждение оказалось гораздо легче настоящей минуты, когда чужое лицо почти обещает невозможное.

Лана принесла воду Льву, себе взяла такую же.

– Вам что-нибудь? – спросила она.

– Нет. Спасибо.

Лана осталась рядом, не пытаясь прогнать её грусть.

***

Позднее они пошли в оранжерею.

Лев привёл Миру к дереву, возле которого впервые почувствовал себя слишком высоким. Сейчас он подошёл к нему осторожно, потрогал разрешённый участок коры и отступил.

– Сегодня просто дерево, – сказал он.

В голосе слышалось разочарование.

Мира уже знала, что нельзя предлагать ему присесть, закрыть глаза, вспомнить запах. Вместо этого спросила, как дерево переносит здешние условия.

Лев объяснял неуверенно, оглядывался на Лану. Та поправила одну деталь, другую оставила.

– Почему ты не сказала, что я неправ? – спросил он.

– Потому что вторая была приблизительно верной.

– У нас праздник.

Мира засмеялась. Несколько минут они говорили о том, что росло перед ними. Возле низких стеллажей работал человек с инструментом; Лана ушла помочь ему проверить крепление.

Лев смотрел вслед.

– Она давно хотела вам это показать.

– А я всё спрашивала о дворе.

– Я тоже.

Он наклонился поправить собственный шнурок. Обычное движение не было похоже ни на одно из тех, которые Мира ждала. Она вдруг испытала благодарность к этому непохожему движению.

***

Вечером Лев готовил ужин.

Мира помогала нарезать то, что он разрешил доверить земному гостю. Лана разбирала рабочие сообщения, потом отложила устройство и начала доставать посуду. Соль прислал, что задержится: ему понадобилось закончить собственное дело.

У одной чашки расшаталось съёмное крепление ручки. Лев снял его, положил на стол, перебрал мелкие детали.

– Только не потеряй, – сказала Лана.

Он собрал их в другую чашку и сдвинул подальше от еды.

– Для винтов, – произнёс он.

Комната исчезла не целиком. В ней остались свет, запах горячей еды, лицо Ланы. Но между ними на мгновение встала старая мастерская, и Мира увидела руку Константина возле лишней чашки.

– Кост…

Она остановилась.

Лев поднял голову.

Лана медленно поставила тарелку. Не звякнула ею, не отвела глаз.

– Лев, – сказала Мира.

Он молчал.

На столе лежало крепление, которое нужно было починить до ужина. Лев взял его, но уже не продолжал работу. Мира смотрела на чашку и впервые за весь долгий путь не знала, куда убрать руки.

Глава 41. Место за столом

Меридиан, Марс. 2124 год.

Лана сняла с плиты посуду, не дожидаясь, пока Лев спросит об ужине. После приезда Миры ей всё чаще приходилось напоминать себе, что это по-прежнему их с Львом дом, а не продолжение разговора о земном прошлом.

Всё оказалось съедобным. Это почему-то раздражало сильнее, чем если бы еда сгорела: можно было рассердиться на дым, открыть вытяжку, заняться чем-нибудь несомненным. Вместо этого пришлось сесть и передать Мире тарелку.

Лев попробовал починить ручку, но маленькая деталь выскользнула.

– Потом, – сказала Лана.

– Я сейчас.

– Потом.

Он положил инструмент.

Мира попросила прощения. Лев ответил, что ничего страшного. Лана не стала говорить за него, хотя по тому, как он разглаживал салфетку, видела: страшное произошло, просто у каждого своё.

После ужина Мира ушла раньше обычного. У двери сказала Лане:

– Я понимаю.

Лана посмотрела на неё.

– Я ещё ничего не сказала.

Мира кивнула и вышла.

***

Наутро Лев предложил устроить свободный вечер.

Лана проверяла заявку на испытательный участок. Ей нужны были дополнительные ёмкости, отдельные линии измерения и время двух сотрудников, которых уже просили отдать другой группе. Она собиралась защитить заявку перед Инес и никак не могла сократить объяснение до одной страницы.

– Свободный от чего? – спросила она.

– От работы.

– Чьей?

Он перестал улыбаться.

Лана потерла глаза. Вопрос получился злее, чем она хотела.

– У меня сегодня обсуждение. Я рассказывала.

– Помню. Про резерв.

– Не только про резерв.

Она повернула к нему схему. На ней несколько небольших систем работали параллельно; одна была намеренно устроена иначе. На обычном режиме она уступала соседним, зато Лана хотела проверить, что случится при изменении входящей воды.

Лев наклонился ближе.

– Зачем держать худшую?

– Чтобы узнать, всегда ли она худшая.

– Дорогое любопытство.

– Поэтому я и пишу заявку.

Он рассмеялся. Несколько минут они обсуждали крепления и точки отбора проб. Лана впервые за утро перестала готовиться к следующему разговору заранее.

Потом Лев сказал:

– Константин ведь тоже оставлял старое оборудование. Может, не просто из упрямства.

Лана закрыла схему.

– Я не знаю, что делал Константин.

– Я сравниваю.

– Ты опять ушёл.

– Я сижу перед тобой.

Она поднялась. Стул задел край стола, вода плеснула на пол.

Лев сразу потянулся за тряпкой. Это было привычно, заботливо и сейчас совсем не помогало.

***

Лана добралась до рабочего участка раньше смены.

На одном контейнере отстала метка. Она заменила её, проверила журнал и только потом позволила себе сесть. Сердце стучало слишком сильно для короткой дороги.

Ей не хотелось быть человеком, который запрещает любимому думать. Не хотелось бороться с давно умершим мастером, с собакой, с чужим двором. Всё это было смешно, если сказать вслух быстро.

Лана сказала медленно, в пустую комнату:

– Мне не с кем поговорить дома.

Потом поправилась:

– Есть с кем. Иногда.

Соль появился у двери с измерительным модулем, который она просила принести.

– Войти?

Она кивнула.

Он поставил модуль на свободную поверхность. Лана начала объяснять задачу слишком подробно. На середине остановилась.

– Ты ведь не пришёл обсуждать Льва?

– Ты просила принести оборудование.

– Хорошо.

Они работали молча. Соль заметил, что один разъём плохо фиксируется, и предложил другой способ крепления. Лана согласилась.

Перед уходом он спросил:

– Тебе нужно, чтобы кто-нибудь просто побыл здесь?

Она почувствовала, что сейчас заплачет, и рассердилась на собственную готовность.

– До начала смены.

Соль остался. Они ещё раз проверили крепление. Ничего больше не требовалось.

***

Миру Лана пригласила пройтись после работы.

Выбрала обычный жилой переход, где не было ни архивных экранов, ни удобного стола для исследования. По стене тянулась полоса с детскими рисунками. Один корабль имел слишком много двигателей; другой был похож на стол с ногами.

Мира остановилась у него.

– Мне нравится этот.

– У него нельзя садиться сзади, – сказала Лана. – Автор объяснял.

Они прошли ещё немного.

– Вы любите его? – спросила Лана.

Мира посмотрела на неё растерянно.

– Льва?

– Я не спрашиваю, влюблены ли. Я спрашиваю, кто вам дорог, когда он рассказывает про мастерскую.

Ответ задержался.

– Иногда я сама не различаю.

Лана кивнула. Честность не сделала ей легче, но дала возможность продолжить.

– У меня нет права запретить ему эти встречи. И я не хочу. Только вы получаете человека из прошлого, когда он забывает спросить, как прошёл мой день.

– Я никого не получаю.

– Вчера вам на секунду показалось иначе.

Мира отвела взгляд к кораблю.

Лана услышала собственное дыхание. Ей хотелось добавить что-нибудь мягкое, чтобы собеседнице стало менее больно. Но тогда важное снова оказалось бы завёрнуто так плотно, что до него нельзя добраться.

– Я не могу всё время следить, кого вы в нём узнаёте. Не могу быть проверяющей на каждом ужине.

– Не должны.

– Тогда помогите сделать так, чтобы не приходилось.

***

Они сели на скамью возле развилки.

Мира рассказала про Константина мало. Не историю жизни, не оправдание. Сказала, что за долгие годы научилась жить без новых ответов умерших и не ожидала, как быстро забудет это умение.

Лана слушала, сцепив пальцы.

– Мне жаль, – сказала она. – Но я не хочу отдавать вам свою жизнь, чтобы вам было не так жаль вашей.

Мира вздрогнула.

– Это прозвучало жестоко, – добавила Лана.

– Да.

– Я всё равно не забираю назад.

– Не надо.

По переходу прошли двое детей, споря, кто из них первым заметил ошибку на рисунке. Лана дождалась, когда они отойдут.

Она предложила разделить встречи. Работа с материалами – с независимой группой, заранее согласованными вопросами и записью того, кто что уже видел. Обычные ужины – без внезапных проверок и попыток вызвать нужное узнавание. Если Лев захочет рассказать о переживании, они выслушают. Но им не обязательно немедленно искать соответствие.

– Это должен решить и он, – сказала Мира.

– Конечно. Я говорю за себя.

Мира опустила руки на колени.

– И я не должна входить в группу, которая оценивает совпадения.

Лана впервые посмотрела на неё без ожидания защиты.

– Думаю, да.

***

Лев не обрадовался.

Они разговаривали втроём на следующий день. Лана заранее предупредила его о теме, но он всё равно услышал в предложении сговор.

– Вы уже решили, что я слишком увлёкся.

– Я решила, что мне больно, – сказала Лана. – Про твоё увлечение решать не бралась.

– И теперь нужно расписание, когда мне можно помнить?

– Нет, – ответила Мира. – Мне нужно перестать угадывать вместо тебя.

Лев встал, прошёл до окна и обратно. Прихрамывал чуть сильнее, когда сердился или уставал.

– Если у всего найдётся источник в занятии, вы успокоитесь?

Лана хотела сказать «да» и поняла, что это неправда.

– Я не знаю. Я хочу, чтобы мы могли разговаривать, даже пока ответа нет.

Мира добавила:

– Я передам группе свои вопросы, включая неудачные. И не буду оценивать тебя по тому, похож ли ты на кого-то.

– А если мне самому хочется быть похожим?

На этот раз никто не ответил сразу.

Лана придвинула ему стул, не настаивая, чтобы он сел.

– Тогда скажи мне именно это. Я хотя бы пойму, о чём мы спорим.

***

Он сел.

Многое произносилось впервые, хотя они жили с этим месяцами. Лев сказал, что во дворе от него ничего не требуется. Там он знает, кого ждать. На Марсе каждый день приходится проверять, что вернулось, что пока не получается, кто устал от него.

Лана слушала и узнавала часть собственной усталости в его страхе.

– Ты думаешь, я жду отчёта о восстановлении?

– Иногда.

– Я жду, чтобы ты заметил меня. Можно уставшим.

Он провёл пальцем по кромке стола.

– Вчера ты рассказывала про ёмкости. Я понял, что не могу помочь достаточно хорошо, и ушёл в другое.

– Мне не всегда нужна помощь.

– Знаю. Но когда нужна, тоже плохо умею.

Лана не стала перечислять всё, что он делал для неё до аварии и после. Сейчас это выглядело бы утешительной справкой.

Она снова открыла заявку.

– Здесь мне нужен инженер. На двадцать минут. Если не можешь, скажи, и я спрошу другого. А вечером мне нужен ты, без обязанности починить мою работу.

Лев прочёл первую строку, потом вторую.

– Двадцать минут могу. После отдыха.

Они договорились о времени. Мира ушла раньше, чем разговор превратился в благодарность ей за его успех.

***

Инес встретила Лану с двумя заявками.

– Если дам тебе людей, другой участок сдвинется.

– Знаю.

– Если не дам, что потеряем?

Лана положила на стол маленькую прозрачную ёмкость. Внутри не было ничего эффектного: жидкость, тёмный осадок, метка уровня.

– Пока не знаю.

Инес откинулась на спинку кресла.

– Не лучший ответ для защиты.

– Зато точный. Мы умеем восстанавливать одинаковые узлы. Но если причина действует на них одинаково, запасной повторит отказ.

– Ты хочешь держать разные.

– Хочу проверить, какие различия действительно помогают. Иначе будем хранить всё подряд.

Инес подняла ёмкость к свету.

– Эта спасёт нас?

– Эта может оказаться бесполезной. Поэтому она здесь, а не в рабочем контуре.

Они спорили о длительности испытаний, о нагрузке на лабораторию, о том, что считать достаточным результатом. Лана убрала из заявки одну лишнюю линию, но отказалась от предложения сразу объединить остальные.

Инес дала меньший участок и сохранила время сотрудников.

Лана вышла с ощущением, что выиграла право обнаружить собственную ошибку.

***

На первом испытании ошибка нашлась быстрее, чем хотелось.

Один контур показывал красивую устойчивость. Второй колебался. Третий будто ничего не замечал. Лана уже собиралась обсуждать различия, когда Соль попросил открыть журнал промывки.

В третьем контуре ещё оставался прежний состав. Они сравнивали разные моменты процесса.

Лана посмотрела на сотрудников.

– Повторяем.

Никто не обрадовался. Один человек напомнил, что его время ограничено; другой предложил поправку расчётом. Она попросила сначала измерить остаток.

К вечеру пришлось признать, что результат не годится для вывода.

Лев пришёл, когда они разбирали крепления. Принёс согласованный чертёж и еду в закрытой посуде.

– Я не знаю, можно ли здесь есть.

– Нельзя.

– Значит, это приглашение выйти.

Лана рассмеялась впервые за день.

В комнате отдыха он слушал про испорченное сравнение. Ни разу не сказал, что у старых мастеров тоже бывали ошибки.

Потом спросил:

– Завтра повторите?

– Да.

– Хочешь, проверю вместе с вами отметки промывки?

– Хочу. Если тебе разрешает рабочий режим.

Он открыл своё расписание. Это было скучное, полезное действие, от которого у Ланы защипало глаза.

***

К концу года повторные испытания дали первые различия, которым можно было доверять.

Они ещё ничего не спасли и не доказали на весь Марс. Лана составила отчёт, оставила неудачный опыт в приложении и настояла, чтобы его не убирали ради ясности. Инес вернула текст с тремя вопросами. На два нашёлся ответ.

Дома Лев снова приготовил ужин. Крепление чашки теперь держалось, хотя он всё равно ставил её так, чтобы ручка никому не мешала. Мира пришла по приглашению, Соль – со звуком, записанным на рабочем участке. На записи слышалось, как Лана ругается на собственную метку.

– Это художественно необходимо? – спросила она.

– Можно вырезать.

– Оставь.

Они послушали. Лев смеялся без напряжения, и Лана вдруг почувствовала, как соскучилась по его некрасивому громкому смеху.

Сообщение Анны пришло позднее.

Она нашла точную сборку учебной сцены. Не похожую, не нынешнюю версию курса, а сохранённый пакет, связанный с сеансом Льва до аварии. Состав материалов удалось сопоставить с журналом запуска; независимая группа могла начать проверку.

Лев прочёл сообщение дважды.

– Значит, теперь узнаем?

– Узнаем больше, – сказала Лана.

Он положил устройство на стол.

– Я хочу посмотреть, даже если мне не понравится.

Мира тихо ответила:

– Я тоже.

Но открывать материалы немедленно никто не стал. До согласованной встречи оставалось время. Лана разлила чай, попросила Льва передать хлеб и подвинула свою тарелку на то место, где раньше всё время лежал рисунок мастерской.

Глава 42. Синий шарик

Меридиан, Марс. 2125 год.

Перед просмотром Лев попросил убрать своё имя из заголовка.

На экране было написано «Случай Льва Орлова». Он понимал, зачем нужна такая подпись, но сегодня хотел увидеть занятие, которое когда-то выбрал сам, а не войти внутрь чужого доклада о себе.

Специалистка открыла рабочее окно без заголовка.

– Так лучше?

– Да. Спасибо.

Лана сидела слева. Мира пришла по его приглашению и заняла место у стены. Анна прислала пояснения заранее: разговор с Землёй не мог идти в привычном ритме. Вопросы ей собирались передать отдельным пакетом.

Лев посмотрел на время своего старого сеанса.

До аварии. До лечения. До первого рисунка.

Строка существовала всё это время. Он видел её раньше, но теперь за ней находилось то, что можно было открыть и проверить.

– Начнём без погружения, – сказала специалистка.

Он кивнул. Ему уже хотелось снова почувствовать двор целиком. Именно поэтому он согласился начать с обычного экрана.

***

Сначала на экране появился перечень: материалы Оскара, наблюдения за Роем, свидетельства людей, реконструированные переходы и служебные отметки сборки. Названия были знакомыми, расположение – нет. Лев поймал себя на том, что ищет строку с шариком раньше остальных, но её в перечне не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.